

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

И.Б. Мощанский

У СТЕН БЕРЛИНА

И.Б. Мощанский

У стен Берлина

Москва
«Вече»
2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.1
М74

Мощанский, И.Б.

М74 У стен Берлина / И.Б. Мощанский. — М. : Вече, 2010. — 272 с. — (Забывтые страницы Второй мировой).

ISBN 978-5-9533-4436-4

На подступах к столице рейха германское военно-политическое руководство вновь попыталось остановить продвижение Красной армии к Берлину, чтобы затянуть ход военных действий и попытаться склонить наших союзников по Антигитлеровской коалиции к сепаратному миру. Немцы ввели в бой несколько новых по своей структуре и организации бронетанковых и артиллерийских соединений, а впоследствии пытались использовать в сражении не доведенные экспериментальные образцы своего бронированного «чудо-оружия». Также именно в этот период в районе Арнсвальде германские танковые дивизии провели последнее контр наступление во фланг советским войскам, неумолимо надвигавшимся на Берлин. Но все усилия противника были тщетны: столица рейха пала, Германия капитулировала, а «оружие возмездия» находится в военных музеях стран, победивших фашизм.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.1**

ISBN 978-5-9533-4436-4

© Мощанский И.Б., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Книга 1
У СТЕН БЕРЛИНА

ХОД БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ (4 февраля — 15 апреля 1945 года)

СРАЖЕНИЕ ЗА АРНСВАЛЬДЕ (16—25 февраля 1945 года)

3 февраля 1945 года была завершена Висло-Одерская операция Красной армии. Войска 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов готовились к продвижению в центральную часть Третьего рейха, чтобы мощными ударами окружить и взять штурмом столицу национал-социалистической Германии — город Берлин и триумфально закончить четырехлетнюю войну.

В этот период линия советско-германского фронта на берлинском направлении проходила по рекам Нogat и Висла до Грудзендза с резким поворотом к западу на Ратцебур, Цеден и далее по реке Одер до Карпатских гор. На участке от залива Фришес-Хафф до Ратцебура действовал 2-й Белорусский фронт. Левее, от Ратцебура до Унруштадта вели бои соединения 1-го Белорусского фронта, захватившие плацдарм на правом берегу Одера

севернее и южнее Кюстрина. К исходу 3 февраля 5-я ударная армия располагала плацдармом (ширина по фронту 27 км, глубина от 1 до 5 км) северо-западнее Кюстрина, а 8-я гвардейская армия захватила плацдарм (ширина по фронту 14 км, глубина 2—4 км) южнее Кюстрина. Войска 1-го Украинского фронта сражались на Одере, от Унруштадта до Струменя, удерживая два плацдарма на левом берегу реки в районе города Бреслау. Только в районах Кюстрина, Франкфурта-на-Одере, Глогау, Бреслау и Ратибора немцы продолжали занимать оборону на правом берегу Одера. К тому же в тылу у советских войск еще не были уничтожены крупные гарнизоны в городах-крепостях Эльбинг, Познань, Шнейдемюль. Таким образом, восточнопомеранская группировка противника нависала над войсками 1-го Белорусского фронта с севера, а силезская охватывала войска 1-го Украинского фронта с юга.

К концу первой декады февраля 1945 года в междуречье Вислы и Одера войскам 2-го и правого крыла 1-го Белорусских фронта, которые были нацелены на Берлин, противостояли 2-я и 11-я армии группы армий «Висла». Это объединение с 24 января возглавлял рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер (официально группа армий «Висла» была образована 26 января 1945 года. — *Примеч. авт.*). Гиммлер, чьи заслуги в военной иерархии Германии были связаны только с руководством армией резерва, не особенно разбирался в тонкостях военной стратегии и тактики. Поэтому оперативное руководство группой армий «Висла» осуществлял ее штаб, в основном укомплектованный армейскими офицерами.

В составе 2-й и 11-й армий вермахта, по советским данным, имелось 16 пехотных, 4 танковые и 2 панцер-

гренадерские дивизии, 5 бригад, 8 отдельных групп и 5 гарнизонов крепостей. Войскам левого крыла 1-го Белорусского фронта, от Шведта до Глогау, противостояла 9-я армия вермахта. В резерве группы армий «Висла» имелось 4 пехотные и 2 панцергренадерские дивизии.

В первой декаде февраля 1945 года на штеттинском направлении, где развернулись основные бои, оборонялись 11-я панцергренадерская дивизия СС, 911-я бригада штурмовой артиллерии, усиленные отдельными частями 11-й армии вермахта.

На кюстринском направлении действовали пехотная дивизия «Доберитц», 25-я панцергренадерская и 21-я танковая дивизии, усиленные различными спецбатальонами вермахта и частями СС. Контратаками силой до батальона пехоты при поддержке 8—30 танков, штурмовых орудий и самолетов люфтваффе они оказывали упорное сопротивление действиям войск 1-го Белорусского фронта по расширению плацдарма на западном берегу реки Одер в районах северо-западнее и юго-западнее Кюстрина.

Название «Доберитц», применявшееся в советских разведсводках как к пехотной, так и к танковой дивизиям, было связано с учебным лагерем в местечке Доберитц на западной окраине Берлина, где и формировались эти соединения.

Пехотная дивизия «Доберитц», в реальности 303-я пехотная дивизия вермахта, была сформирована в конце января 1945 года на базе различных запасных батальонов, команд отпускников, выздоравливающих и батальонов фольксштурма. 303 пд состояла из 300, 301, 302-го пехотных полков, 303-го артиллерийского полка и подразделений обеспечения. Под руковод-

ством командира — генерал-майора Хебера находилось около 7 тысяч человек, в подавляющем большинстве немцы.

Пехотные полки дивизии были двухбатальонного состава, в батальонах по 3 стрелковых и пулеметной роте (100 человек л/с, 8—9 ручных пулеметов, 15—20 фаустпатронов). В полках имелась 13-я рота тяжелого пехотного оружия и 14-я рота ПТО.

Артполк дивизии был четырехдивизионного состава и имел сорок 105-мм и 150-мм орудий. В батареях было по 120—130 человек¹.

Дивизия в целом была боеспособна, однако не имела достаточного боевого опыта.

Танковая дивизия «Доберитц» была сформирована только 21 февраля 1945 года, в качестве управления дивизии использовался штаб 10-й танковой бригады. Единственный танковый батальон дивизии состоял из трех рот по 10 танков Pz.Kpfw.IV в каждой. Уже 22 февраля 1945 года тд «Доберитц» была переименована в танковую дивизию «Силезия». Для доукомплектования переименованной дивизии, которую отправили на передовую 26 февраля, с заводов еще 21 февраля было отгружено 21 танк Pz.Kpfw.IV и 10 САУ Pz.IV/70(V), а 2 марта — еще 10 Pz.Kpfw.IV. На фронте она находилась до 30 марта 1945 года².

25-я панцергренадерская дивизия под командованием генерал-майора Бурмайстера состояла из 35-го и 119-го панцергренадерских полков, 25-го артиллерийского полка, 5-го танкового батальона, 125-й разведроты, 25-го противотанкового дивизиона, 25-го саперного батальона, батальона связи и подразделений обеспечения. Численность дивизии в феврале 1945 года составляла около 6 тысяч человек, национальный со-

став — до 80 % немцы, остальные — поляки (жители Данцига и Катовице) и австрийцы.

Панцергренадерские полки дивизии были трехбатальонного состава, в батальонах по 4 роты (3 стрелковых и одна пулеметная), насчитывающие 70—80 человек. 1-й батальон 119-го панцергренадерского полка был оснащен бронетранспортерами. Полки имели 13-ю роту тяжелого оружия (два 150-мм и шесть 75-мм орудий) и 14-ю роту ПТО.

Противотанковый дивизион был трехбатарееного состава: 2 батареи самоходных орудий и одна батарея на мехтяге.

5-й танковый батальон имел 3 танковых роты по 7 танков Pz.Kpfw.V «Пантера» и 8 САУ с орудиями калибром 75 мм.

Дивизия прибыла с Западного фронта в конце января 1945 года, была вполне боеспособна и имела боевой опыт³.

21-я танковая дивизия проходила переформирование в лагерях под Эберсвальде. 5 февраля 1944 года 22-й танковый полк был реорганизован и имел следующую структуру: штаб полка в составе штабной роты и взвода ЗСУ, смешанный танковый батальон в составе штабной роты, двух рот средних танков Pz.Kpfw.IV (по 17 машин в каждой) и двух рот танков Pz.Kpfw.V «Пантера» (по 17 машин в каждой). Однако на укомплектование дивизии германское командование смогло выделить только 16 танков Pz.Kpfw.IV, которые прибыли 17 февраля 1945 года, и 7 «Пантер», прибывших 9 февраля 1945 года⁴.

На франкфуртском направлении противник оборонялся силами 433-й запасной дивизии, запасного полка танкового корпуса «Великая Германия», пехотного

полка «Потсдам» и танкового батальона «Потсдам». Эти войска при поддержке авиации периодически переходили в контратаки, отражая наступления войск 1-го Белорусского фронта в районах восточнее и юго-восточнее Франкфурта-на-Одере и на плацдарме на западном берегу реки в районе Фортенберга.

За Одером, в районе Штеттина, находилось управление 3-й танковой армии вермахта во главе с генерал-полковником Раусом, прибывшее на ТВД из Восточной Пруссии. Именно этими силами немецкое командование планировало нанести один из последних в истории Великой Отечественной войны контрударов по наступающим соединениям Красной армии, операции, к которой массово привлекались бронетанковые части Третьего рейха.

Первоначально Гиммлером планировалось перебросить все находившиеся под рукой соединения СС для поддержки фронта на Одерско-Вартской дуге (укрепленный район в месте слияния Одера и Варты для защиты от возможного удара Польши через Одер на Берлин, построенный еще в довоенное время. — *Примеч. авт.*), который вместе с остатками 9-й армии обороняли две слабые дивизии, силой не более полка и без артиллерии. Однако уже было слишком поздно. Там, где немецким соединениям удавалось достигнуть указанный рубеж, они вместе с частями 9-й армии оказывались прижатыми к Одери или оттесненными за Одер, которого советские войска достигли еще в конце января, а южнее Кюстрина уже и форсировали. Лежащая на восточном берегу крепость Кюстрин еще оставалась в руках немцев, но была связана с основной германской группировкой лишь узким коридором, так как части Красной армии уже и севернее Варты вышли к Одери.

Однако в районе Франкфурта 9-я армия смогла удержать предместное укрепление на восточном берегу.

Советские войска 2-го и частично 1-го Белорусских фронтов методично отрезали Восточную Померанию от остальной германской территории и после удара в направлении Арнсвальде уже поставили под угрозу Штеттин. Чтобы обеспечить единое управление войсками в Восточной Померании и взаимодействие со 2-й армией, Гиммлер вскоре после своего назначения командующим группой армий сосредоточил все разрозненные силы в армейской группе под командованием обергруппенфюрера и генерала войск СС Феликса Штейнера, командира-эсесовца, имевшего некоторый боевой опыт (в 1942 году он командовал дивизией СС «Викинг», в 1944 году — возглавил 3-й танковый корпус СС, который вел боевые действия под Нарвой. — *Примеч. авт.*) и определенную подготовку. Армейская группа Штейнера, своей реальной численностью не превышавшая дивизию, иногда именовалась 11-й танковой армией или 11-я армия, которая должна была сдерживать натиск войск Красной армии от Нойштеттина до Одера. Но прокомандовал Штейнер недолго — уже к середине февраля руководство контрударом на этом участке фронта принял на себя как более опытный, генерал-полковник Раус со штабом 3-й танковой армии. Впоследствии, 25 февраля 1945 года, управление 11-й армии убыло в резерв группы армий «Висла», а оставшиеся в ее подчинении боеспособные войска были переданы в 3-ю танковую армию⁵.

Еще до начала немецкого контрнаступления в этом месте шли ожесточенные бои, одним из активных участников которых был 503-й батальон тяжелых танков СС. 25 января он в составе 39 танков Pz.Kpfw. VI Ausf. B

(29 новых и 10 из ремонта. — *Примеч. авт.*) и 8 ЗСУ Flak. Pz. IV убыл на советско-германский фронт и вошел в состав группы армий «Висла». Интересно, что за неделю до отправки на фронт в 503-м батальоне тяжелых танков СС произошел конфликт — за заносчивость и грубость был снят со своего поста непопулярный у личного состава командир батальона оберштурмбаннфюрер Лейнер, который являлся приемным сыном широко известного в СС бригадефюрера Теодора Эйке — начинавшего комендантом концлагеря Дахау, а впоследствии до своей гибели в 1943 году — командира дивизии СС «Мертвая голова». Других участников конфликта — гауптштурмфюрера СС Бирншейна и оберштурмфюрера СС Тера, написавших докладную на Лейнера, перевели служить в 501-й отдельный батальон тяжелых танков СС. Новым командиром 503-го батальона стал штурмбаннфюрер СС Герциг.

С 28 января 1945 года 503-й батальон, разделенный на две боевые группы, вел сдерживающие бои с наступающими войсками 1-го Белорусского фронта Красной армии. Вот что указано в боевых документах этой части:

28.01.45 г. — произошла разгрузка подразделений батальона в Каллисе в районе Веделл в Померании, недалеко от Арнсвальде. 3-й взвод 2-й роты с четырьмя танками и взводом орудий ПВО двигались по направлению на Кюстрин. Некоторые подразделения (1-я рота оберштурмфюрера Липперта) использовались в боях на Дризенском плацдарме. Один эшелон (690739) с 6 танками «Королевский Тигр» остановился вблизи Мюккенберга. Местный комендант — генерал-майор Хаусшульц приказал командиру группы танков разгрузиться как можно быстрее и выдвинуться на Фридеберг.

29.01.45 г. — вопреки приказу группа была направлена в Штольценберг и в 4 часа утра попала под удар русских танков. Все «Тигры» были потеряны. Батальон в этот период подчинялся 2-му армейскому корпусу.

31.01.45 г. — 1-я рота наступала с 7—8 танками по направлению к Регентину при поддержке парашютного батальона (Fallschirmjaegerbatallion). Около 80 противотанковых орудий врага было уничтожено. Во время марша, пересекая лесистую местность, обершарфюрер Диннерсбергер, лично ведя огонь из авт.омата по русской пехоте, был застрелен в голову. 1 «Тигр» (унтерштурмфюрера Бромана) вышел из строя после ряда повреждений от противотанкового оружия. Оставшиеся подразделения атаковали противотанковую позицию на подступах к Регентину. Командирский танк (унтершарфюрера Линдла, 1-я рота) получил 22 повреждения, но еще был способен вести бой. 1-й «Тигр» (унтерштурмфюрера Меинла), который прикрывал левый фланг, был подбит русскими танками и сгорел. Экипаж получил тяжелые ожоги. Остальные подразделения батальона, действовавшего в составе 9-й армии вермахта, непосредственно подчинялись 20-му корпусу СС. В батальоне осталось 38 танков.

01.02.45 г. — наступление возобновлено и продвижение составило более 10 км.

02.02.45 г. — после продвижения на 5 км в направлении Дейч-Кроне и Шнейдемюля (командир 2-й роты унтерштурмфюрер Шеффер был ранен), последовал отход. Один выведенный из строя танк (Бендера) был обнаружен ночью.

03.02.45 г. — 4 «Тигра» двинулись по направлению к Арнсвальде.

04.02.45 г. — 1-я рота с 4 танками деблокировала окруженную пехотную часть в 5 км от Арнсвальде. 4 «Тигра II» выведены из строя, 2 вражеских танка уничтожены. В следующем бою 4 других танка отражали отдельные вражеские атаки у Хохенвальде и к северу от Саментина, несколько танков противника выведены из строя, один «Тигр II» (унтерштурмфюрера Бромана) потерял возможность двигаться после повреждения ведущего колеса из противотанкового орудия и был отбуксирован ночью к церковному двору церкви Маринкрихе, в Арнсвальде. 7 «Тигров II» остались в отбитом у противника Арнсвальде, выполняя приказ обеспечить защиту местному населению.

05.02.45 г. — несколько вражеских атак на Арнсвальде было отражено, но местный комендант гарнизона — генерал-майор Фогхтсклонялся к капитуляции. В связи с возможной вероятностью, что батальон может остаться единственной силой обороняющихся в этом районе, его планы были не лишены оснований.

07.02.45 г. — в Цахане унтерштурмфюрер Коерауф получил 3 танка, которые были отремонтированы в Штаргарде. Ему приказано пробиться к Арнсвальде через Реетц. На подступах к Реетцу эти танки были направлены в Якобсхаген, где располагался 11-й танковый батальон «Герман фон Зальца» 11-й панцергренадерской дивизии СС «Нордланд». Танки, действовавшие в составе 11-й армии вермахта, входили в боевую группу «Мюнцель» (Munzel). Несколько советских танков были уничтожены в Арнсвальде.

08.02.45 г. — 1 «Тигр II» из 1-й роты (унтерштурмфюрера Коерауфа) и 2 танка из 2-й роты (оберштурмфюрера Каяса) вместе с 12 штурмовыми орудиями 11-го танкового батальона «Герман фон Зальца», ко-

торый позднее был усилен еще одним штурмовым оружием из 11-й панцергренадерской дивизии СС и 1-й ротой парашютистов (Fallschirmjaegerkompanie) атаковали русских по направлению на Цихаген. 3 танка ИС-2 и несколько противотанковых орудий Красной армии были уничтожены. После захода солнца немецкими танкистами было обнаружено проволочное заграждение на юге от городка Кляйцинбера, напротив Реетца. «Тигры», которые находились в Арнсвальде, отразили несколько вражеских атак на Шонведер и Цандау.

09.02.45 г. — в Кляйцинбере 2 «Тигра II» были выведены из строя атаками вражеских пехотинцев. 3-й «Тигр II» вышел из строя из-за нарушения работы электрооборудования и был уничтожен собственным экипажем. Батальон отразил несколько вражеских атак на южных окраинах Арнсвальде. На 9 февраля 1945 года в батальоне было потеряно 3 танка и оставалось 35 исправных машин.

10.02.45 г. — танки, которые не были направлены в Арнсвальде, были переброшены из Прусиштаргарда в Цахан. Оперативно они подчинялись командованию 11-й панцергренадерской дивизии СС «Норланд», которая составляла центральную наступательную группу для проведения операции «Зоненвенде». Несколько «Тигров II» уничтожили вражеские войска рядом с Кюнсфельде во взаимодействии с батальоном «Гросс» и вывели из строя несколько танков Т-34.

11.02.45 г. — оборона Арнсвальде.

12.02.45 г. — боеприпасы в Арнсвальде заканчиваются. Вместо танковых снарядов к Flak 36/37 (88 мм) были сброшены противовоздушные боеприпасы. Количество боеспособных танков — 16.

14.02.45 г. — оборона Арнсвальде от повторяющихся вражеских атак.

15.02.45 г. — успешная оборона создала условия для освобождения Арнсвальде от русских. Количество боеспособных танков — 17⁶.

К 15 февраля основная масса намеченных соединений была подготовлена к германскому наступлению, которое в немецких документах получило название операция «Зоненвенде». Кроме того, немецким войскам удалось отразить сильные атаки Красной армии на рубеже Пиритц, Арнсвальде и удержать необходимый для сосредоточения своих войск район юго-восточнее Штеттина. Чтобы не упустить успеха удара и иметь возможность оказывать максимальное влияние на ход операции, начальник Генерального штаба германских сухопутных сил (ОКХ) генерал-полковник Гейнц Гудериан прикомандировал в штаб Гимmlера своего ближайшего помощника генерал-полковника Венка, который мог бы обеспечить наиболее целесообразное управление войсками непосредственно на месте.

С 16 по 20 февраля 1945 года из района Альтдама и Штаргарда немецкие войска нанесли контрудар в общем направлении на Ландсберг. Командование группы армий «Висла» предприняло этот контрудар с целью выхода в тыл советским войскам, находившимся на Одере севернее Кюстрина. Группировку из 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг», 4-й панцергренадерской полицейской дивизии СС, 11-й добровольческой панцергренадерской дивизии СС «Нордланд», 23-й добровольческой панцергренадерской дивизии СС «Нидерланды» и боевую группу 28-й добровольческой панцергренадерской дивизии СС «Валлония» возглавлял командующий 3-й танковой армией гене-

рал Э. Раус, так как компетентных командиров такого уровня в войсках СС не было. Танки типа Pz.Kpfw. V «Пантера» и Pz.Kpfw. IV (до 80 машин. — *Примеч. авт.*) поддерживали тяжелые машины «Королевский Тигр» из состава 503-го отдельного батальона тяжелых танков СС. На 15 февраля в этом подразделении числилось 17 Pz.Kpfw. VI Ausf. В. Таким образом, в наступлении немецких войск участвовало не менее 100 танков из состава войск СС, а если принимать во внимание штурмовые орудия танкоистребительных дивизионов панцергренадерских дивизий и приданные им части вермахта, то общее количество танков и штурмовых орудий, привлеченных к операции, составляло не менее 200 боевых машин.

Войска СС, которые составляли основную силу ударной группировки, поддерживали соединения вермахта: танковые дивизии «Голштиния», «Гренадеры фюрера», а также 911-я бригада штурмовых орудий.

Танковая дивизия «Голштиния» была сформирована 1 февраля 1945 года на основе танкового батальона 233-й учебной танковой дивизии. Из Дании, где дислоцировалось учебное соединение, для формирования дивизии было получено 14 танков Pz.Kpfw. IV и 3 командирских танка Pz.Bef. Wg., прибывших соответственно 9 и 11 февраля 1945 года. По штату 44-й танковый батальон дивизии должен был состоять из трех рот танков Pz.Kpfw. IV и танкоистребительной батареи, укомплектованной 10 Pz. IV/70. Впоследствии, 30 марта 1945 года, из танковых дивизий «Силезия» и «Голштиния» была сформирована 18-я панцергренадерская дивизия⁷.

Танковая дивизия «Гренадеры фюрера» была образована 25 января 1945 года из одноименной элитной

бригады вермахта, переброшенной с Западного фронта. На 27 января 1945 года в дивизии было 18 танков Pz.Kpfw. V «Пантера», 5 танков Pz.Kpfw. IV, 13 истребителей танков Pz. IV/70(V) и 4 ЗСУ на танковой базе. Предполагалось сформировать в дивизии 101-й танковый полк, однако фактически во фронтовых условиях начали формировать лишь 1-й батальон 101-го танкового полка. Он должен был состоять из двух рот танков «Пантера» и двух рот танков Pz.Kpfw. IV по 14 машин в каждой. Однако вместо них 15 февраля в состав дивизии было передано 10 САУ «Ягдпантера», а 17 февраля — 16 танков Pz.Kpfw. V «Пантера». Таким образом, в тд «Гренадеры фюрера» во время операции было не менее 30—40 боеспособных танков и САУ⁸.

911-я бригада штурмовой артиллерии была придана танковой дивизии «Гренадеры фюрера». На 13 февраля в ней числилось 20 штурмовых орудий StuG III и 3 истребителя танков Pz. IV/70(V).

Возможно в составе группировки вермахта, участвовавшей в боях под Арнсвальде, принимал участие 5-й запасной танковый батальон. Он был сформирован на базе территориального танкового командования «Остзее» и оснащался танками Pz.Kpfw. V «Пантера» и САУ Jagdpanzer 38 «Хетцер»⁹.

Ядром германской наступательной группировки являлась 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг». Из всех танковых дивизий СС только она проходила переформирование в 1945 году. В соответствии с указанием от 3 января 1945 года 10-й танковый полк СС был реорганизован по следующей структуре: 1-й батальон из 60 танков Pz.Kpfw. V, 2-й батальон из 45 танков Pz.Kpfw. IV. Однако для доукомплектования соединения с заводов Германии было получено 25 Pz.Kpfw. V

(6—10 января 1945 года) и 8 Pz.Kpfw. IV (15 января 1945 года). Некоторое количество танков этих типов находилось в дивизии в войсковом ремонте. Вскоре после переформирования эта дивизия была направлена на Западный фронт, а затем на Восточный, где в первой декаде февраля 10 тд СС вошла в состав группы армий «Висла»¹⁰.

На 1 февраля 1945 года в дивизии было 20 104 человека: 432 офицера, 3470 младшего командного состава и 16 202 рядовых. Дивизия, которой командовал бригадефюрер и генерал-майор войск СС Гейнц Гармель, состояла из танкового и двух панцергренадерских полков СС (21, 22), артиллерийского полка, танкоистребительного дивизиона, зенитного дивизиона и других подразделений обеспечения¹¹.

11-я добровольческая панцергренадерская дивизия «Нордланд», 23-я добровольческая панцергренадерская дивизия СС «Нидерланды» и боевая группа 28-й добровольческой панцергренадерской дивизии СС «Валлония» были укомплектованы иностранными добровольцами: датчанами, голландцами, норвежцами, эстонцами, финнами, французами, шведами, швейцарцами, англичанами (11 пгд); голландцами (23 пгд); валлонами, фламандцами, русскими, французами, испанцами (28 пгд). Несмотря на то что в названиях дивизий имелся термин «панцергренадерские», в реальности только 11-я панцергренадерская дивизия СС «Нордланд» была организована согласно штатному расписанию. На вооружении 11-го танкового батальона СС были штурмовые орудия StuG III, а в марте поступили САУ Pz. IV/70(V). Дивизия в составе 8300 человек под командованием бригадефюрера и генерал-майора войск СС Иоахима Цитлера состояла из 23-го панцергренадерского полка «Норге» (Норвегия)

и 24-го панцергренадерского полка «Данмарк» (Дания), уже упомянутого 11-го танкового батальона «Герман фон Зальца» (который в этой операции действовал совместно с 503-м тяжелым батальоном танков СС. — *Примеч. авт.*), также имела 11-й полк самоходной артиллерии СС, 11-й зенитно-артиллерийский дивизион, 11-й дивизион полевой возимой артиллерии, 11-й истребительный противотанковый дивизион, 11-й моторизованный инженерный батальон, 11-й батальон связи.

23-я добровольческая панцергренадерская дивизия СС «Нидерланды» оставалась такой только на бумаге, так как численность дивизии не превышала 6 тысяч человек. Основой дивизии были панцергренадерские полки: 48-й «Генерал Зейфард» (по некоторым данным, 48-й полк в этот период действовал в составе 15-й латышской гренадерской дивизии войск СС. — *Примеч. авт.*), 49-й «Де Рюйтер» и 50-й «Клотц». Бронетанковые силы были представлены танкоистребительным дивизионом, оснащенным штурмовыми орудиями StuG III/IV. Кроме того, в составе дивизии имелся 23-й артдивизион СС на мехтяге: 3 батареи 105-мм орудий. Дивизией командовал Юрген Вагнер.

28-я добровольческая панцергренадерская (по другим данным, гренадерская дивизия. — *Примеч. авт.*) дивизия СС «Валлония» под командованием знаменитого Леона Дегреля была представлена боевой группой (около 4 тысяч человек), ядром которой являлся 69-й гренадерский полк СС «Валлония» и 70-й гренадерский полк СС¹².

4-я панцергренадерская полицейская дивизия СС была чисто германским соединением, укомплектованным гражданами немецкой национальности. Состав дивизии: 7-й и 8-й панцергренадерские полки СС, 4-й

танковый батальон СС (31 САУ Jagdpanzer IV, полученные в ноябре 1944 года), 4-й моторизованный разведывательный батальон СС, 4-й артполк СС, 4-й зенитный дивизион СС, 4-й танкоистребительный дивизион СС, 4-й саперный батальон, батальон связи.

Морально-психологическое состояние привлеченных к операции соединений и частей войск СС и вермахта было высоким.

В первые же часы сражения отборные части войск СС пробивались к городу Арнсвальде, в районе которого уже несколько недель шли ожесточенные бои, и деблокировали осажденный немецкий гарнизон, а затем продвинулись в глубь советской обороны. Потеснив 47-ю армию советских войск к югу на 8—12 км, немецкие части вновь овладели городами Пиритц, Бан и несколькими населенными пунктами. Однако уже на следующий день наступление было остановлено силами войск правого крыла 1-го Белорусского фронта.

17 февраля последовали новые удары немецких войск.

В 9.00 германские части силой до пехотного полка при поддержке 30 танков атаковали стрелковые части 3-й ударной армии из района Зильберберг (17 км севернее Арнсвальде) в южном направлении.

В это же время другая группировка, поддержанная 20 танками и САУ, атаковала стрелковые части 61-й армии из района отметки 70,3 (4 км севернее Арнсвальде) в южном направлении. К 11.00 немецкие войска заняли н/п Райхенбах и вели бои за Петцениж, Браллентин и Делитц.

17 февраля советскими войсками был захвачен немецкий пленный из состава группы «Б» (видимо, наступающие германские войска были разделены на

несколько ударных группировок. — *Примеч. авт.*), которая вела бои за Арнсвальде. В ее состав входила 11-я панцергренадерская дивизия СС «Нордланд», скорее всего, один из ее панцергренадерских полков: 6 тысяч пехоты, 10 орудий при поддержке 18 тяжелых танков «Королевский тигр» 503-го танкового батальона СС.

В ночь на 18 февраля немцы начали ночные атаки. Силами до полка пехоты при поддержке 15 танков противник овладел населенным пунктом Либенов, силой до батальона пехоты при поддержке 5 танков вел бои за Делитц, ротой пехоты с 2 САУ и 4 танками овладел Мущерином, другой ротой пехоты с 20 САУ и танками вел бои за Заллентин.

В дальнейшем частями 402-й запасной пехотной дивизии, танковой дивизии «Гренадеры фюрера», 11-й добровольческой панцергренадерской дивизии СС «Нордланд», 4-й панцергренадерской полицейской дивизии СС, боевой группой 28-й добровольческой панцергренадерской дивизии СС «Валлония», танковой дивизии «Голштиния», 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг», подразделениями парашютного полка СС особого назначения, 503-м танковым батальоном СС и другими различными спецподразделениями на участке фронта севернее Каллис, Пиритц противник продолжал атаки, действуя силами от батальона до полка пехоты при поддержке групп из 15—20 танков и штурмовых орудий из района Нантиков (4 км восточнее н/п Реетц), севернее Делитца.

Однако это были последние успехи немецких войск. Стрелковыми частями 61-й армии 21 февраля противник был выбит из населенных пунктов Мущерин, Заллентин, Штроссдорф.

В район города Арнсвальде, за который шло сражение силами 3-й ударной и 61-й армий, советское командование подтянуло сначала 2-ю, а затем и 1-ю танковые армии. Бои на центральном направлении приняли позиционный характер. При этом на соседних участках фронта немецкое командование пыталось контратаками сковать перемещение советских войск. Так, с 11 по 18 февраля на рубеже Ниппервизе, Нахаузен, Грабов, Пеетцинг, Беллинхен, Цеден силами 600-го парашютного батальона, 301, 304, 303, 308, 306-го и 307-го батальонов дивизии морской пехоты «Гроссадмирал Дениц», бригады морской пехоты «Норд» (численность 6—8 батальонов), 9-го учебного запасного батальона при поддержке артиллерии противник оказывал упорное сопротивление действию частей 8-го гвардейского механизированного корпуса 1-й гвардейской танковой армии. В конце концов войска правого крыла 1-го Белорусского фронта при поддержке авиации 16-й воздушной армии не только отразили этот удар, но и нанесли немецкой группировке значительный урон. 22 февраля немцы были выбиты из Арнсвальде и Шенведера. К 25 февраля германские войска отошли на рубеж севернее городка Реетц, далее по северному берегу реки Инна до Линде (13 км северо-западнее Арнсвальде), Линде, Браллентин¹³.

В тылу советских войск, окруженный со всех сторон, до 23 февраля 1945 года продолжал оказывать сопротивление германский город-крепость Познань. О составе гарнизона этого укрепленного населенного пункта советскому командованию было хорошо известно, так как в плен нашей разведгруппой был захвачен заместитель Познаньского укрепрайона подполковник вермахта Флакке. Он начертил подробнейший план

крепости Познань со всеми ее фортами, железобетонными капонирами и другими фортификационными сооружениями.

Круговая оборона Познани состояла из трех обводов. Первый проходил по окраинам города, второй — по улице Пильна до Зокач, и третий, центральный, включал старую часть города и цитадель.

По окраинам города все здания были приспособлены к обороне: в стенах пробиты бойницы, окна заложены мешками с песком, подвалы соединены ходами сообщения. Гарнизон крепости, по словам Флакке, насчитывал 20 тысяч человек, а впоследствии выяснилось, что в крепости засело 65 тысяч германских солдат.

Видимо, такие расхождения в цифровых данных были обусловлены отходом в направлении города сражавшихся поблизости соединений: 4-й танковой дивизии вермахта, 15-й гренадерской дивизии СС (1-й латышской), 31, 192, 6, 45-й пехотных дивизий и др., а также развертыванием новых сил для обороны города.

Еще в начале января 1945 года, по советским разведанным, гарнизон Познани насчитывал в своем составе всего 7—8 тысяч солдат и офицеров, но к 25 января перешедший на сторону советских войск шофер коменданта укрепленного района Познань показал, что гарнизон города численностью около 20 тысяч человек состоит из частей 19-й (40—50 танков) и 25-й танковых дивизий (30—35 танков и 7—8 штурмовых орудий). 25 января железнодорожным транспортом на станцию Торн прибыло пополнение для этих дивизий в количестве 250 человек и 25 танков Pz.Kpfw.V «Пантера». 16—18 самоходных орудий находились у форта №6, поддерживая части войск СС, роты полиции и жандар-

мерии (около 1500 человек). По немецким данным в обороне города принимали участие 500-й отдельный дивизион штурмовых орудий (17 САУ), а также 8 самоходок (предположительно Pz.IV/70(A), предназначенных для пополнения бригады штурмовых орудий «Великая Германия», также включенных в систему городской обороны. Кроме того, известно, что в обороне города принимали участие один тяжелый танк Pz.Kpfw.VI Ausf.H «Тигр I», САУ Jagdpanzer 38 «Хетцер» и части танково-парашютного корпуса «Герман Геринг» без танков, но с 88-мм орудиями на тягачах, прибывшие из района города Лодзь, солдаты из 251-й пехотной дивизии вермахта (до 2000 человек), сводная часть на базе курсов военных переводчиков (до 1000 человек), а также подразделения фольксштурма (все познаньские фольксштурмбатальоны имели цифровой код «36». — *Примеч. авт.*). Немецкий комендант объявил гарнизону Познаньского УР, что город будет обороняться до последнего солдата.

Советское командование не стало штурмовать город с ходу, хорошо осознавая, что на его узких, хорошо подготовленных к обороне улицах немцы выбили бы большинство танков 1-й гвардейской танковой армии, окружившей Познань 25 января 1945 года. Дополнительно обороноспособность гарнизона усиливала мощная военная промышленность города: три завода боеприпасов и стрелкового оружия, пять самолетостроительных заводов, один из которых был построен недавно (в окрестностях города советскими войсками было захвачено до 700 немецких самолетов. — *Примеч. авт.*), два авт.оремонтных, аккумуляторный и много других предприятий. Командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Советского Союза Г.К. Жуков пере-

дал командующему 1-й гвардейской танковой армией генералу М.Е. Катухову: «Познань возьмут Чуйков и Колпакчи. Вы с армией быстрее двигайтесь вперед. Для блокирования Познани оставьте часть пехоты». Таким образом, задача по разгрому была возложена на два стрелковых корпуса из 8-й гвардейской и 69-й общевойсковых армий, основные силы которых продолжали развивать наступление¹⁴.

Наиболее отчаянное сопротивление оказали Красной армии курсанты местного военного училища (до 1000 человек), но и их фанатизм не мог предотвратить надвигающуюся катастрофу. К 16 февраля в руках немцев остался лишь узкий участок на восточном берегу реки Варты. В этот день командующий гарнизоном под личную ответственность разрешил двум тысячам еще уцелевших в боях солдат предпринять попытку вырваться из окружения. Отдельным подразделениям удалось пробиться в северо-восточном направлении, а остатки гарнизона капитулировали десятью днями позже¹⁵.

Немецкая военная машина трещала по всем швам. Это проявлялось в «творческих поисках» германского военно-политического руководства, которое стало формировать оригинальные боевые соединения, состоящие из моряков и летчиков, а также эрзац-части, отличающиеся четкой оборонительной функциональной направленностью.

Военнопленный солдат 3-й роты 305-го батальона морской пехоты Йозеф Кубенка, захваченный советскими войсками 13 февраля 1945 года в районе Беллинхен, показал:

«В 305-м батальоне морской пехоты я служу с октября 1944 года, а до этого все время служил на морских

судах. Перевод мой в морскую пехоту я объясняю тем, что с одной стороны, вследствие потерь в морском флоте образовался излишек плавсостава, а с другой стороны, имеется недостаток обученных и опытных кадров в сухопутной армии. Батальон состоит из трех стрелковых рот и одной роты тяжелого оружия по 230 человек в каждой. Стрелковая рота состоит из трех стрелковых и одного пулеметного взводов. На вооружении стрелковых взводов карабины “Маузер” 98 КА, 4 ручных пулемета и около 20 фаустпатронов. На вооружении пулеметного взвода 4 станковых пулемета. В роте тяжелого оружия 2—3 орудия противотанковой обороны калибра 75 мм, 3—4 пехотных орудия калибром 105 мм и 220 мм.

Батальон укомплектован в основном моряками с судов с небольшим процентом молодых рекрутов, еще не бывавших в море.

Командный состав преимущественно состоит из офицеров флота запаса, многие из командного состава имеют ученую степень (доктор-инженер).

Задача батальона на этом участке — оборона. Об этом свидетельствует то, что наш батальон строил как по берегу реки Одер, так и в глубине окопы и пулеметные площадки.

Настроения солдат морской пехоты безрадостное, так как все они моряки с большим стажем, а теперь должны воевать как пехотинцы и лежать в окопах. В разговорах между собой матросы постоянно жалуется на это. Командный состав батальона пользуется большим уважением, хорошо относится к подчиненным и служит для последних постоянным примером.

В настоящее время немецкого флота не существует. Насколько мне известно, осталось только одно-два тя-

желых судна, несколько легких крейсеров и противолодочных кораблей. Большие суда теперь не строятся, а строятся торпедные катера и подводные лодки»¹⁶.

Конечно, несмотря ни на какую храбрость, моряки не были подготовлены к боям на суше и несли неоправданные потери. Их гибель уже мало интересовала агонизировавшее нацистское государство, которое выдумывало все новые формы уничтожения собственного народа.

24 января 1945 года в составе вермахта начала формироваться 104-я танкоистребительная бригада, состоящая из 6 танкоистребительных дивизионов (с 1 по 6-й), приданной 111-й учебной бригады штурмовых орудий, 115-го батальона бронетранспортеров «Мюнхен», роты бронетранспортеров «Крампитц» (5 Sd.Kfz. 250/1, 11 Sd.Kfz. 250/3). Каждый дивизион этого соединения должен был иметь на вооружении 14 САУ Jagdpanzer 38, однако фактически бригада оснащалась САУ StuG IV и Jagdpanzer 38. Изначально это соединение задумывалось как база для формирования танкоистребительных подразделений пехотных и народно-гренадерских дивизий, однако уже в феврале 1945 года 104-я танкоистребительная бригада оказалась на советско-германском фронте в составе группы армий «Висла», где и бесславно сгинула в борьбе с советскими танковыми армиями.

До окончания войны оставалось чуть более двух месяцев.

Германское командование после провала контрудара под Арнсвальде приняло решение перейти к обороне на всем фронте от Вислы до Одера. Одновременно оно, проведя перегруппировку сил и средств, не прекращало усиливать группу армий «Висла» новыми соеди-

нениями из своего резерва и готовилось к активным действиям. Как уже упоминалось, управление 11-й армии вермахта 25 февраля убыло в резерв группы армий «Висла», а ее войска были включены в состав 3-й танковой армии. 2-я армия, которая оборонялась против войск 2 БФ, к 1 марта, по советским данным, имела 18 пехотных, 2 танковые и панцергренадерскую дивизии, а также 2 бригады, в составе которых насчитывалось около 230 тысяч человек, 4 тысячи орудий и минометов, 800 танков и штурмовых орудий, 300 бронетранспортеров, 20 бронепоездов. 3-я танковая армия оборонялась против войск правого крыла 1 БФ. К началу марта в ней имелось 11 пехотных, танковая и 2 панцергренадерские дивизии, пехотная бригада, а также несколько отдельных частей и подразделений. Всего в этой армии, по советским оценкам, насчитывалось около 200 тысяч солдат и офицеров, 2500 орудий и минометов, свыше 700 танков и штурмовых орудий, более 100 орудий береговой и стационарной зенитной артиллерии, приспособленной для ведения огня по наземным целям. С воздуха соединения группы армий «Висла» прикрывали 300 боевых самолетов.

В течение марта 1945 года войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов вели активные наступательные боевые действия в Восточной Померании. Одновременно с проведением Восточно-Померанской операции войска левого крыла 1-го Белорусского фронта на берлинском направлении вели борьбу за расширение и удержание захваченных ранее плацдармов на левом берегу Одера и ликвидацию кюстринского гарнизона. Германское командование пыталось любой ценой деблокировать город-крепость Кюстрин и отбросить советские войска с плацдармов. В середине марта германское командо-

вание предприняло последнюю попытку улучшить положение под Кюстрином. Перед этим Гудериан уговорил Гиммлера, ссылаясь на и без того многочисленные обязанности последнего, отказаться от давно ставшего для него самого обременительным поста. Назначенный 22 марта вместо Гиммлера новый командующий группой армий «Висла» генерал-полковник Хейнрици еще 15 марта получил задачу подготовить контрудар из района Франкфурта-на-Одере, чтобы сначала уничтожить предмостное укрепление советских войск у Кюстрина, а затем установить непосредственную связь с гарнизоном этого города.

Командование Красной армии преследовало противоположную цель — расширить и укрепить имеющиеся плацдармы, необходимые для дальнейшего наступления на Берлин.

В первых числах марта 8-я гвардейская армия выпрямила линию фронта своего плацдарма, которая теперь проходила от н/п Харцерсхоф прямо на юг через Ратшток и Хатенов до станции Подельциг.

В ходе боев с 6 по 12 марта левофланговые части 5-й ударной армии при содействии части сил 8-й гвардейской армии ликвидировали немецкий плацдарм в районе Кюстина на правом берегу реки Варта.

Таким образом, даже локальное противоборство складывалось не в пользу германского командования, которое в свою очередь предпринимало все усилия для изменения обстановки.

В этот период 1945 года на берлинском направлении немецкие войска вели оборону импровизированными группировками, ядром которых являлись танковые и панцергренадерские дивизии, а также отдельные танковые подразделения вермахта и войск СС.

22 марта 1945 года 5 немецких дивизий под общим руководством командующего 9-й армией вермахта генерала Буссе начали наступление. Операция получила название «Одербрух». Согласно советским данным, в контрударе участвовали танковая дивизия «Силезия», 20-я и 25-я панцергренадерские дивизии, 303-я пехотная дивизия, 502-й тяжелый танковый батальон СС.

Ядром ударной группировки являлась 20-я панцергренадерская дивизия и 502-й батальон тяжелых танков СС.

20-я панцергренадерская дивизия после разгрома на Сандомирском плацдарме в январе 1945 года была превращена в боевую группу, которая до начала марта 1945 года действовала на правом фланге 1-го Украинского фронта. В середине марта она была выведена в район Фюрстенвальде, получив пополнение в личном составе и технике. В своем составе 20 пгд имела 76-й и 90-й панцергренадерские полки (1-й батальон 76 пгд был на бронетранспортерах. — *Примеч. авт.*), 20-й артиллерийский полк, 20-ю роту охраны, 20-й танкоистребительный дивизион, 20-й батальон связи, 20-й саперный батальон и другие спецподразделения.

Панцергренадерские полки дивизии были трехбатальонного состава, в каждом батальоне по 4 роты (3 стрелковых и пулеметная), по 80—90 человек в роте, 10—12 ручных пулеметов, 30—40 фаустпатронов. Артполк 20 пгд был двухдивизионного состава, в марте он получил новую матчасть.

Командиром 20-й панцергренадерской дивизии был генерал-лейтенант Яуэр¹⁸.

502-й отдельный батальон тяжелых танков СС имел 31 танк Pz.Kpfw. VI Ausf. В и выдвинулся в район Кюстрина 19 марта 1945 года.

Остальные дивизии, участвовавшие в операции, получили пополнение людьми и техникой, не выходя из боя.

Несмотря на отчаянные атаки, германское наступление провалилось. Фактически уже к исходу первого дня боев инициатива перешла к советским войскам. 23 марта соединения 5-й ударной и 8-й гвардейской армий 1-го Белорусского фронта нанесли удар по немецким войскам в районе Кюстрина и 30 марта разгромили гарнизон крепости. В результате два небольших плацдарма на левом берегу Одера удалось объединить в один обширный плацдарм оперативного назначения (ширина по фронту 54 км, глубина — 10 км). Провал контрударов германских войск в восточной части Померании и под Кюстрином явился одной из причин отстранения генерал-полковника Гейнца Гудериана от занимаемой должности. Вместо него 28 марта 1945 года начальником Генерального штаба германских сухопутных сил (ОКХ) был назначен генерал Кребс.

К началу апреля 1945 года войска Красной армии на 60 км приблизились к главному городу «тысячелетнего рейха». Теперь все зависело от того, сколько времени потребуется советскому командованию для окончательной подготовки к наступлению, которая на сей раз проводилась с удивительной тщательностью и с привлечением огромных сил. В начале апреля немецкая воздушная разведка донесла о движении крупных колонн Красной армии восточнее Одера. Под прикрытием мощного артиллерийского огня советские войска на своем плацдарме по обе стороны Кюстрина приступили к наводке мостов через Одер, проезжую часть которых саперы проложили несколько ниже поверхности воды. Недостаток боеприпасов не давал немецким войскам

принять эффективные контрмеры. Для наступления командование Красной армии развернуло на Одере и Нейсе войска трех фронтов. Севернее Шведта перед войсками 3-й танковой армии генерал-полковника фон Мантейфеля появился переброшенный из Померании и Восточной Пруссии 2-й Белорусский фронт маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского в составе четырех-пяти общевойсковых и одной танковой армии; между Шведтом и Фюрстембергом располагались войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Советского Союза Г.К. Жукова в составе восьми-десяти общевойсковых и трех танковых армий¹⁹. Кроме того, в ударе на Берлин должны были принять участие войска 1-го Украинского фронта маршала Советского Союза И.С. Конева, занимавшего позиции вдоль нижнего течения реки Нейсе между Губеном и Герлицем.

Немецкое командование уже не могло формировать полноценные боевые соединения для укрепления фронта. Когда генерал Хейнрици обратился к Гитлеру с просьбой о подкреплениях, ему было предложено 137 тысяч человек из личного состава авиации, флота и войск СС, что, по мнению фюрера, составляло по силе 12 дивизий и избавляло Хейнрици от всяких забот. На самом же деле нашлось всего 30 тысяч плохо вооруженных юнцов, исполненных, правда, высокого боевого духа, но еще не обстрелянных, не имевших никакой боевой выучки и лишенных опытного командования.

Крометого, Гитлер считал, что основной удар советских армий будет нанесен в Чехии и Моравии, поэтому половина подвижных соединений, находящихся в резерве группы армий «Висла», была 6 апреля передана в распоряжение группы армий «Центр».

С конца марта 1945 года началось масштабное перемещение германских танковых и панцергренадерских дивизий, обороняющих дальние подступы к Берлину. Активно проходил процесс доукомплектования немецких войск материальной частью. Так, на 7 апреля 1945 года в составе группы армий «Висла» находилось 719 танков и САУ в составе нескольких десятков соединений и подразделений. Большинство из них не имело возможности пройти переформирование — ремонт техники и доукомплектование личным составом проходили на фоне непрерывных оборонительных боев. Вот выписка из журнала боевых действий 502-го батальона тяжелых танков СС, характеризующая его деятельность с 18 марта по 15 апреля 1945 года:

17—18.03.45 г. — передвижение железной дорогой маршрутом Эберсвальде, Родерсдорф, Эркнер в Фортсенвальде и Беркенсбрук, далее выдвижение по шоссе в район Бризена.

19.03.45 г. — в течение ночного марша по маршруту Вильмерсдорф-Фалькенхаген, Долгелин заняли позиции в ближайшем лесу. Идет подготовка к наступлению на Кюстрин.

22.03.45 г. — днем пришли приказы атаковать Заксендорф. Время выступления назначено незадолго до полуночи, но из-за плохого взаимодействия с приданной танкам пехотой атака успеха не имела.

23.03.45 г. — после полуночи первые из вражеских позиций прорваны 2-й ротой. На рассвете танки обстреляны многочисленной артиллерией и противотанковыми пушками русских. Первая рота гауптштурмфюрера Каллиса пыталась наступать к югу от дороги, уничтожив подразделения наступательной группы русских. Она вывела из строя 3 танка. Неудовлетворительные

действия приданной пехоты и непрерывный огонь противника из противотанковых пушек в конечном итоге остановили наступление. В общем в ходе боя было уничтожено более чем 20 советских танков. Три командира боевых машин «Тигр II» убиты попаданиями в голову. За ночь восстановлены выведенные из строя танки. Готовые к бою танки пытались укрывать среди населенных пунктов Хатенов и Тухебанд, 3 «Тигра» находились в боевом охранении. Оберштурмфюрер Шейнхоффен спорил с командиром батальона о недопустимости концентрации танков в одном месте, которые и так уже попали под огонь тяжелой артиллерии и реактивных минометов противника. В ярости он размахивал пистолетом перед Харттрампфом, который в состоянии аффекта отдавал малопонятные приказы. Новый огневой налет и ранение Шейнхоффена осколком мины в голову естественным образом немного сгладили эту кризисную ситуацию. 4 «Тигра» 3-й роты и 2 БРЭМ *Bergepanther* были повреждены из-за чрезмерной концентрации техники на небольшом участке.

24.03.45 г. — танки прикрывали позиции в районе Гольцова.

26.03.45 г. — прикрывающие силы уничтожили 3 танка противника. В 21.00 танки покинули позицию в районе Горгаст для повторной атаки на Кюстрин. Командир батальона днем ранее сломал руку, поэтому теперь отдавал все команды со своей машины — полугусеничного бронетранспортера *Sd.Kfz. 251/1*, который в обычных условиях использовался в качестве подвижного командного поста.

27.03.45 г. — вскоре после начала атаки 1-я рота была остановлена минным полем, 3 «Тигра» прекратили движение; похожая ситуация и произошла с

3-й ротой, наступающей по правой стороне дороги Маншнов-Китц. Один «Тигр» под номером «321», несмотря на повреждения, полученные при его подрыве на mine, уничтожил 2 советских танка, после чего был сам подбит захваченными советскими солдатами противотанковыми средствами Panzerfaust. До рассвета на направлении наступления 1-й роты в минном поле был проделан проход, 2-я рота также получила приказ на прорыв. Но после уничтожения 4 вражеских танков атака снова остановилась из-за потери связи с пехотой. Новый командир 2-й роты был морально раздавлен, он продолжал отдавать совершенно нелепые команды командирам танков. Его танк застрял в воронке от снаряда во время отступления. 5 «Тигров» были уничтожены один за другим. После захода солнца ремонтные бригады отбуксировали их к Зеелову. Боеспособные танки были собраны около Альт-Тухебанда. Количество боевых танков — 13.

28/29.03.45 г. — на ночь поврежденные танки были восстановлены.

31.03.45 г. — покидаем позиции и отходим за Зеелов. В марте 4 танка батальона были отремонтированы в 559-м танкоремонтном батальоне (Panzerinstandsetzungabteilung 559), а 3 других находились на ремонте в Крупп-Дрюкен-Мюллер в районе Берлин-Темпельгофф.

03.04.45 г. — батальон был переброшен в район Дидерсдорф-Литцен.

06.04.45 г. — количество боевых танков: 27.

08.04.45 г. — ожидаем главного наступления советских войск, танки вкопаны.

10.04.45 г. — количество боевых танков: 28.

15.04.45 г. — количество боеспособных танков: 29. Сейчас батальон находится в районе Петерсхаген-Сиверсдорф. 2-я рота располагается в Долгелине ²⁰.

И все-таки новые германские соединения прибывали на фронт. Так в конце марта закончили формирование танковая дивизия «Мюнхеберг», панцергренадерская дивизия «Курмарк», 32-я гренадерская дивизия СС «30 января», 36-я гренадерская дивизия СС и некоторые другие соединения и части, которые приняли самое непосредственное участие в боях за столицу Третьего рейха...

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

¹ ЦАМО, ф. 299, оп. 76782сс, д. 87, л. 3.

² *Thomas L. Jentz. Panzertruppen 1943—1945.* Schiffer Military History, 1996, p. 234.

³ ЦАМО, ф. 299, оп. 76782сс, д. 87, л. 2.

⁴ *Thomas L. Jentz. Panzertruppen 1943—1945.* Schiffer Military History, 1996, p. 234.

⁵ *Тунпельскирх К.* История Второй мировой войны. Санкт-Петербург, 1994, т. 2, с. 228.

⁶ Tiger II. Culver and Feist, 1996, p. 369—371.

⁷ *Thomas L. Jentz. Panzertruppen 1943—1945.* Schiffer Military History, 1996, p. 233—234.

⁸ Там же, p. 233.

⁹ Там же, p. 245.

¹⁰ Там же, p. 232—233.

¹¹ *Bender R. J., Taylor H.P.* Uniforms, organizations and history of the Waffen-SS. San Jose, R. James Bender Publishing, 1986, vol. 3, p. 64—65.

¹² *Урвол Н.* Войска СС. Кровавый след. Ростов н/Д, Феникс, 2000, с. 331.

¹³ ЦАМО, ф. 299, оп. 20543сс, д. 7, лл. 79—81.

¹⁴ ЦАМО, ф. 233, оп. 2307, д. 189, л. 180.

¹⁵ *Тунпельскирх К.* История Второй мировой войны. Санкт-Петербург, 1994, т. 2, с. 226.

¹⁶ ЦАМО, ф. 299, оп. 20543сс, д. 7, лл. 79—80.

¹⁷ *Thomas L. Jentz. Panzertruppen 1943—1945. Schiffer Military History, 1996, p. 247.*

¹⁸ ЦАМО, ф. 299, оп. 76782сс, д. 87, л. 4.

¹⁹ В период с конца марта до середины апреля 1945 года численность и состав советских фронтов, готовившихся к наступлению на берлинском направлении, подвергались динамичным изменениям.

²⁰ *Tiger II. Culver and Feist, 1996, p. 333—334.*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Журнал боевых действий войск 1-й гвардейской танковой армии в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 (ЦАМО, ф. 299, оп. 20543сс, д. 7, лл. 1—255).

2. Описание разведотдела штаба 1-й гвардейской танковой армии боевых действий войск противника в Берлинской операции с 16 апреля по 2 мая 1945 года (ЦАМО, ф. 299, оп. 76782сс, д. 87, лл. 2—57).

3. История Второй мировой войны 1939—1945. М., Воениздат, 1979. 544 с.

4. Берлинская операция 1945 года. М., Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1950. 652 с.

5. *Катуков М.Е.* На острие главного удара. М., Воениздат, 1974. 429 с.

6. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. М., Воениздат, 1976, т. III. 415 с.

7. *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. Санкт-Петербург, 1994, т. 2. 304 с.

8. *Уильямсон Г.* СС — инструмент террора. /Пер. с англ. А.В. Бушуева, И.С. Соколова. Смоленск, Русич, 1999. 414 с.

9. Уорвол Н. Войска СС. Кровавый след. Ростов н/Д, Феникс, 2000. 350 с.

10. *Bender R. J., Taylor H. P.* Uniforms, organizations and history of the Waffen-SS. San Jose, R. James Bender Publishing, 1986, vol. 3. 176 p.

11. *Mollo A.* Uniformen der Waffen-SS. Friedberg, Podzun-Pallas-Verlag, 1993. 256 p.

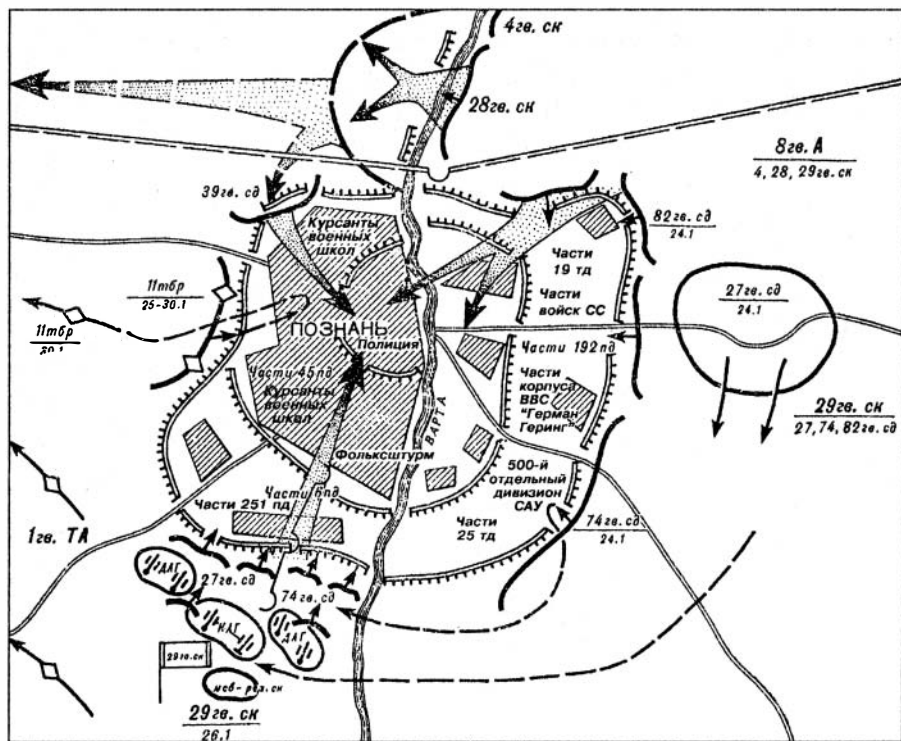
12. *Thomas L. Jentz.* Panzertruppen 1943—1945. Schiffer Military History, 1996. 297 p.

13. *Tiger II.* Culver and Feist, 1996. 319 p.

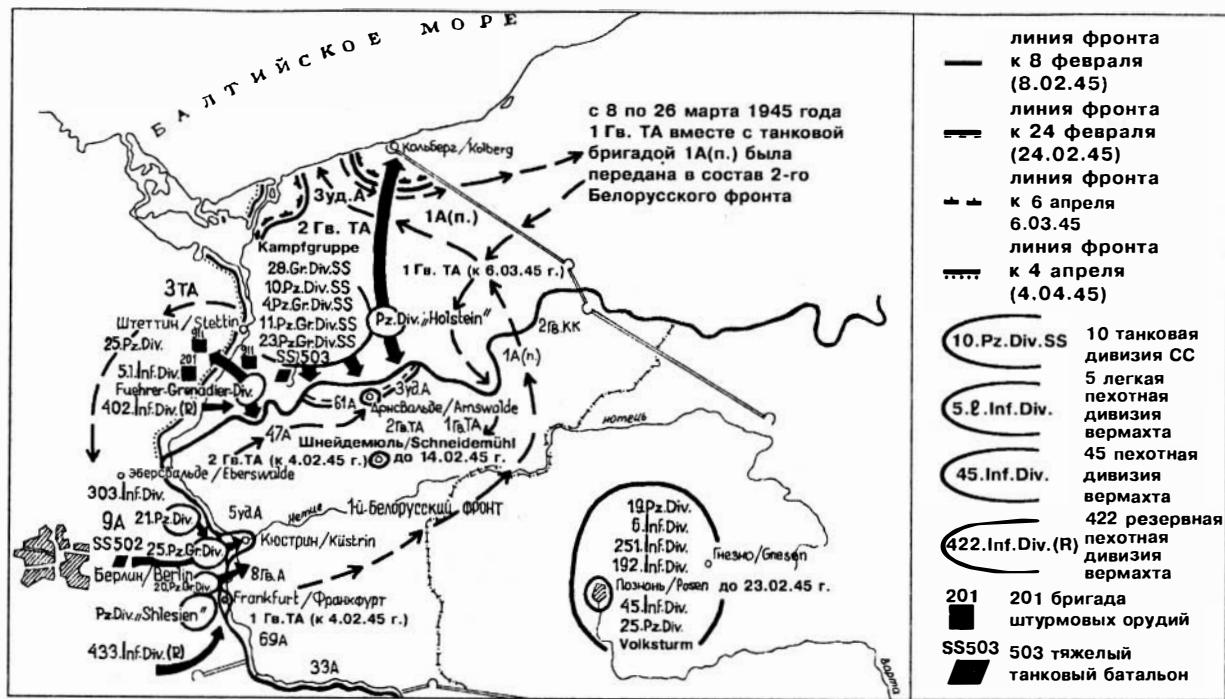
14. *Kurowski F.* Sturmgeschuetz dor! (Assault Guns to the Front!). J.J. Fedorowicz Publishing, 1999. 282 p.

**Состав танковых сил группы армий «Висла»
на 15 марта 1945 года**

Наименование соединения части	Типы танков и САУ					
	StuG	Pz.Kpfw.IV lg	Pz.Kpfw.IV/70	Flakpz	Pz.Kpfw.V	Pz.Kpfw.VI
25-я танковая дивизия	1 (0)	31 (11)	19 (12)	—	10 (3)	—
Танковая дивизия «Силезия»	—	30 (20)	10 (3)	—	—	—
Танковая дивизия «Мюнхенберг»	4 (4)	4 (3)	1 (1)	—	11 (10)	11 (8)
«Гренадеры фюрера»	34 (16)	3 (0)	7 (3)	3 (2)	26 (6)	—
20-я панцергренадерская дивизия		19 (0)	21 (21)	3 (3)		
25-я панцергренадерская дивизия	30 (30)	1 (1)	20 (19)	2 (2)	32 (30)	
Панцергренадерская дивизия «Курмарк»		3 (2)			38 (26)	1 (1)
2-й батальон 9-го танкового полка	—	17 (19)	13 (9)	—	—	—
10-я танковая дивизия СС «Фрунсберг»	—	32 (21)	8 (4)	8 (4)	50 (23)	—
11-я панцергренадерская дивизия СС «Нордланд»	26 (13)				2 (0)	
502-й отдельный батальон тяжелых танков СС						31 (31)
503-й отдельный батальон тяжелых танков СС				8 (5)		12 (1)
Всего (из них боеспособных)	95 (63)	141 (65)	99 (72)	24 (16)	169 (98)	55 (41)

Боевые действия по овладению г. Познань 8-й гвардейской армией с 26 января по 23 февраля 1945 года

Боевые действия группы армий «Висла» против советских войск с 4 февраля по 4 апреля 1945 года

ВОЙНА ПРОИГРНА

Начало апреля 1945 года на берлинском направлении было встречено войсками противоборствующих сторон в условиях сравнительного затишья. Красная армия перегруппировала силы для решительного удара по «цитадели нацизма», а германское политическое руководство и военное командование лихорадочно искало резервы для противодействия советской наступательной мощи. Причем обе стороны прекрасно понимали, что сражение за Берлин значительно ускорит падение Третьего рейха.

Именно так начиналась докладная записка рейхсминистра вооружений Шпеера фюреру Германии. Этот документ, основанный исключительно на анализе экономического положения и лишенный даже косвенной критики военного гения Гитлера, был сразу, без прочтения, положен в сейф. Германская политическая верхушка, сотворив за 13 лет своего правления бесчисленное количество злодеяний, даже под влиянием объективных обстоятельств не могла вести переговоры о мире. Все надежды Гитлера и его окружения были связаны с затяжной обо-

роной Берлина. Отсидеваясь внутри кольца обороны, они хотели дожидаться обострения отношений западных держав с Советским Союзом и развала антигитлеровской коалиции. 6 апреля 1945 года было принято решение о том, что политическое и военное руководство рейха останется в Берлине. «Если и можно добиться успеха, если и имеется возможность сохранить лицо и выиграть время, то только здесь, — разъяснял Гитлер своим приближенным. — Наступит момент, когда другие так или иначе, просто из чувства самосохранения выступят против этого ставшего непомерным пролетарско-большевистского колосса и молоха... Пока я удерживаю столицу, у англичан и американцев растет надежда, что при определенных обстоятельствах все же можно будет совместно с нацистской Германией противостоять этой угрозе. И единственный подходящий для этого человек — это я»¹.

«Надо просто продержаться. На Востоке можно еще по крайней мере два месяца оказывать русским сопротивление, — разъяснял Гитлер приближенным 6 апреля. — За это время дело дойдет до разрыва коалиции между русскими и англосаксами. Кто из них раньше обратится ко мне, с тем я и заключу союз против другого». Конечно, последняя фраза была сказана лишь для красного словца. С этим руководством Германии никто из членов антигитлеровской коалиции заключать мир не собирался.

Но сумасшествие продолжалось. Гитлер повесил у себя в кабинете огромный портрет прусского короля Фридриха II кисти известного швейцарского художника А. Граффа, а Геббельс подарил ему книгу английского историка Карлейля о Семилетней войне. Излюбленной темой бесед в германском руководстве стало «чудесное завершение» Фридрихом Семилетней

войны после того, как неожиданная смерть российской императрицы Елизаветы расстроила воевавшую против него коалицию.

Однако пропагандистский аппарат рейха продолжал готовить германский народ к тотальной войне. 4 апреля доктор Геббельс записал в дневнике:

«...Главная задача прессы и радио — разъяснить немецкому народу, что западный противник вынашивает те же гнусные замыслы уничтожения нации, что и восточный... Мы должны снова и снова указывать на то, что Черчилль, Рузвельт и Сталин безжалостно и не считаясь ни с чем осуществляют свои смертоносные планы, стоит только немцам проявить слабость и подчиниться врагу...»

Вначале известный рейхсминистр пропаганды «разоблачил» план Morgентау, согласно которому «вся Германия будет превращена в огромное картофельное поле». Потом он объявил о намерениях союзников «в принудительном порядке отправлять молодежь призывного возраста в качестве рабочего скота в свои страны». Весной 1945 года сотни ежедневных газет и журналов начали публикацию материалов о Пунических войнах, проводя параллель между борьбой Рима и Карфагена за господство над античным миром и современными событиями в Европе. Приблизительно в это же время нацистские издания начали комментировать пространные меморандумы Гнейзенау и Шарнхорста 1808 года о подготовке народной войны против французских оккупантов.

Сообщение о смерти президента США Рузвельта — оно последовало 12 апреля 1945 года — немецкое руководство восприняло как полное подтверждение реальности своих внешнеполитических планов. Оно

явно рассчитывало на то, что с уходом Рузвельта внутри правящих кругов США произойдет быстрая перестановка сил в пользу реакционных элементов и это откроет нацистской Германии путь к антисоветскому сговору с Вашингтоном и Лондоном. «Узнав о смерти Рузвельта, Геббельс пришел в экстаз. Он немедленно по личному проводу связался с Гитлером: “Мой фюрер! Я поздравляю Вас. Рузвельт умер. Расположение звезд говорит, что вторая половина апреля станет для нас поворотным пунктом. Сегодня пятница, 13 апреля. Это и есть поворотный пункт”»².

Гитлер немедленно сообщил по телефону эту новость Деницу, Гимmlеру и другим нацистским вожакам, находившимся вне Берлина.

Еще днем Геббельс посетил расположенный в окрестностях Берлина штаб командующего 9-й армией генерала Буссе, где разглагольствовал перед офицерами о том, что за свое стойкое поведение король Фридрих II был вознагражден смертью его врага — императрицы Елизаветы, а взошедший после нее на престол Петр III заключил с Пруссией союз. Один из офицеров осмелился спросить: на смерть какой же императрицы следует рассчитывать теперь? Геббельс промолчал. Однако вернувшись вечером в Берлин и получив сообщение о смерти Рузвельта, он немедленно бросился к телефону и позвонил в штаб Буссе: «Чудо свершилось. Императрица умерла!»

Последующие три дня в подземелье имперской рейхсканцелярии царило радостное оживление. «Шампанское льется рекой, — писал впоследствии очевидец событий, — газеты ликуют. Гитлер принимает со всех сторон бесконечные поздравления»³. На все лады варьировалась тема: смерть Рузвельта приведет к изменению

позиции Запада в отношении нацистской Германии и лично Гитлера.

14 апреля фюрер обратился с воззванием к вермахту: «Солдаты Восточного фронта, если в ближайшие дни и часы каждый из вас выполнит свой долг перед Отечеством, мы остановим и разобьем азиатские орды у ворот Берлина. Мы предвидели этот удар и противопоставили ему фронт невиданной мощи... Берлин останется немецким, Вена будет немецкой...»

В имперской канцелярии с большим нетерпением ожидали первого официального выступления нового президента США Г. Трумэна, антисоветские взгляды которого были хорошо известны. Однако нацистскую верхушку ожидало горькое разочарование. Трумэн не мог не считаться с тем, что в обстановке победоносного завершения войны американский народ не позволил бы ему развязать опасный конфликт со своим боевым союзником — Советским Союзом.

«Даже если у Трумэна и было намерение, например, решительнее выступить против России, — делает небезынтересное признание американский историк Д. Толанд, — это было бы чрезвычайно трудно сделать — подавляющее большинство американского народа поддерживало рузвельтовскую политику дружбы с Россией»⁴. Сыграла свою роль и заинтересованность правительства США в дальнейшем сотрудничестве с СССР в войне против милитаристской Японии. Взвешивая все «за» и «против», президент США, несомненно, учитывал и рекомендации комитета начальников штабов США, в которых весьма трезво оценивалось новое соотношение сил в мире и, в частности, между США и Советским Союзом. «Успешное завершение войны против наших нынешних врагов, — говорилось в одной из

них, — приведет к глубоким изменениям в соотношении военной мощи в мире, которые можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это имеет кардинальное значение для будущих международных политических соглашений и всех ведущих к ним переговоров. Первоклассными военными державами после поражения Японии останутся только США и Советский Союз. Это объясняется сочетанием таких факторов, как их географическое положение, размеры и громадный военный потенциал. Хотя США могут направить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относительная мощь и географическое положение этих двух держав не позволяют одной из них нанести поражение другой, даже в союзе с Британской империей»⁵.

В послании, направленном конгрессу США 16 апреля 1945 года, Г. Трумэн был вынужден заявить: «Ничто не может помешать нашей решимости наказать военных преступников, даже если бы нам для этого пришлось идти на край света»⁶.

Таким образом, внешнеполитический курс США, по крайней мере до завершения Второй мировой войны, остался без изменений. Однако немецкое руководство осознало этот факт слишком поздно и работало скорее по инерции. В ожидании политических перемен в обстановке все более нарастающего германского кризиса командование продолжало совершенствовать оборонительные позиции на берлинском направлении.

Германское командование еще в январе 1945 года, как только советскими войсками был прорван вислинский оборонительный рубеж немцев, спешно приступило к строительству оборонительных рубежей на территории самой Германии. С особой интенсивностью

оборонительные работы развернулись в феврале в связи с выходом войск 1-го Белорусского фронта на реку Одер и войск 1-го Украинского фронта на реку Нейсе, когда под непосредственную угрозу были поставлены центральные районы и сама столица нацистской Германии — Берлин.

На работы было мобилизовано немецкое население и привлечено большое количество военнопленных и иностранных рабочих.

Особое внимание немецкое командование уделило созданию прочной обороны по западному берегу рек Одер и Нейсе для надежного прикрытия берлинского направления. Противнику удалось создать здесь достаточно сильную в инженерном отношении и глубоко эшелонированную оборону. Одерско-Нейсенский оборонительный рубеж состоял из трех полос: первой (главной), второй и третьей (тыловой). На самых ответственных направлениях между этими полосами имелись еще промежуточные и отсечные позиции. Общая глубина Одерско-Нейсенского оборонительного рубежа достигала 20—40 км.

Главная полоса немецкой обороны, проходившая по западному берегу рек Одер и Нейсе, за исключением районов Франкфурта-на-Одере, Губена, Форста и Мускау, где противник продолжал удерживать небольшие плацдармы на восточном берегу, состояла из двух-трех позиций. Каждая позиция имела одну-две сплошные линии траншей. Общая глубина главной полосы обороны достигала 5—10 км. Все населенные пункты в этой полосе были превращены в сильные опорные пункты. Густая сеть траншей, большое количество опорных пунктов и сильных узлов сопротивления явились серьезным препятствием для наступ-

павших войск Красной армии. Кроме того, используя шлюзование реки Одер и многочисленные каналы, германское командование подготовило ряд районов к затоплению.

Инженерная подготовка главной полосы обороны была неоднородной. Наиболее сильно противником были подготовлены участки от Штеттина до Шведта — перед 2-м Белорусским фронтом, от устья реки Альте Одер до Франкфурта-на-Одере — перед 1-м Белорусским фронтом, и от Губена до Прибуса-на-Одере — перед 1-м Украинским фронтом.

Участок обороны от Штеттина до Шведта являлся самым труднопреодолимым. Здесь, как указывалось ранее, русло реки Одер имеет два рукава, образующих две самостоятельные реки: Ост (восточный) Одер и Вест (западный) Одер. Главная полоса обороны немцев проходила непосредственно по западному берегу реки Вест Одер. Через каждые 10—15 м по берегу реки были открыты ячейки для стрелков и пулеметчиков, связанные с траншеей ходами сообщения. Все мосты через Ост и Вест Одер, а также через каналы, немцы взорвали. Междуречье должно было преградить путь к переднему краю. На восточном берегу Вест Одера противник создал предмостные укрепления, состоявшие из приспособленных к обороне зданий, расположенных вдоль дамб; дороги, проходящие по пойме реки Одер, завалил деревьями и минировал. Вся пойма реки и междуречье были залиты водой и находились под огнем противника. Наступление войск 2-го Белорусского фронта должно было развертываться с форсированием рек Ост и Вест Одер.

Особенно много внимания и средств противник уделил укреплению главной полосы обороны на участке

Альте Одер, Франкфурт-на-Одере, то есть против кюстринского плацдарма 1-го Белорусского фронта.

На этом участке главная полоса обороны состояла из трех-четырёх траншей полного профиля с густой сетью ходов сообщения. Весь передний край был прикрыт проволочными заграждениями типа спирали Бруно и малозаметными препятствиями.

Главная полоса обороны на участке от Франкфурта-на-Одере до Губена, проходившая по лесисто-озерным районам, состояла только из одной-трех линий отдельных траншей, так как на этом направлении местность не допускала действия крупных сил, тем более танковых.

Главная полоса обороны на участке от Губена до Прибуса состояла из двух-трех линий траншей полного профиля, соединенных между собой широкой сетью ходов сообщения. Было подготовлено большое количество стрелковых ячеек и площадок для пулеметов.

Стрелковые ячейки были открыты, как правило, через каждые 10—15 м, пулеметные площадки — через 40—60 м, при этом при каждой пулеметной площадке имелась землянка с перекрытием для защиты от 82-мм мин.

Передний край главной полосы немецкой обороны на этом участке проходил по западному берегу реки Нейсе, за исключением районов Губена, Форста и Мускау, где противник имел предмостные укрепления на восточном берегу реки.

На всем протяжении от Губена до Прибуса передний край вражеской обороны был прикрыт полосой заграждений: минными полями и проволочными препятствиями в виде немецкого забора и спирали Бруно.

Города Губен, Форст и Мускау, входившие в систему главной полосы обороны, были превращены в сильные узлы сопротивления. Подступы к этим городам прикрывались четырьмя-пятью линиями траншей. В городах все здания противник приспособил к обороне.

Населенные пункты в глубине обороны тоже использовались как опорные пункты. Все улицы перекрыли баррикадами толщиной до 2—3 м, состоявшими из двойного бревенчатого забора, засыпанного землей и камнем.

Дороги, проходившие по лесам, были перекрыты завалами, местами перекопаны и заминированы.

При строительстве главной полосы обороны немецкое командование особое внимание уделило вопросам противотанковой обороны, стремясь сделать ее танконедоступной. С этой целью передний край главной полосы выбирался по возможности по танконедоступному рубежу с использованием для этого в первую очередь рек Одер и Нейсе. Перед первой траншеей и в глубине обороны были установлены в большом количестве минные поля. Средняя плотность минирования на важнейших направлениях достигала 2000 мин на 1 км фронта. Впереди первой траншеи, у узлов дорог, по их обочинам было открыто много ячеек для солдат, вооруженных фаустпатронами («фаустников»), на которых немецкое командование в этой операции возлагало большие надежды.

Из крупных узлов обороны, входивших в главную полосу, следует отметить: Штеттин, Гартц, Франкфурт-на-Одере, Губен, Форст и Мускау, которые во взаимосвязи с другими опорными пунктами служили остовом этой полосы.

Среди перечисленных узлов особо выделялся Франкфурт-на-Одере. Выгодно расположенный на западном берегу реки Одер, он являлся самым сильным узлом сопротивления в системе главной полосы немецкой обороны.

Особое внимание немцы уделили обороне города с востока и юга. В районе Франкфурта-на-Одере в русло реки Одер глубоко вклинивается полуостров Губенер Форштадт, прикрывающий город с востока. Полуостров был сильно укреплен. Вдоль дамбы по его западному берегу проходила сплошная траншея с выносными ячейками для пулеметов. Мост, соединявший северную часть полуострова с набережной города, был подготовлен к взрыву, а на восточном въезде на мост заложены управляемые фугасы.

На западном берегу реки Одер передний край обороны противника проходил по набережной. Здесь были отрыты траншеи и ходы сообщения глубиной до 1,1 м. Между ходами сообщения имелись отдельные, хорошо замаскированные окопы, связанные с подвальными помещениями домов, выходивших на набережную. В верхних этажах заводских построек, выходивших на набережную, были установлены пулеметы, под огнем которых находились как река Одер, так и ее восточный берег.

Большинство зданий, выходивших фасадами на набережную севернее Губенер Форштадт, было приспособлено к длительной обороне. Оконные и дверные проемы нижних этажей были заделаны кирпичом с оставлением амбразур для ведения из них пулеметного и авт.оматного огня. Улицы и переулки, выходящие на набережную, были перекопаны рвами и перегорожены баррикадами, для устройства которых использовались

грузовые машины и трамваи, наполненные булыжником.

Севернее моста через реку Одер, соединявшего город с пригородом Форштадт, были оборудованы заборы, состоявшие из двух рядов бревен диаметром 23—25 см, врытых в землю и скрепленных между собой скобами. Внутри такой забор заполнялся булыжником и землей. Высота заборов достигала 4 м при толщине 2,5—3 м.

В районе Лебузер Форштадт траншеи разветвлялись. Одна из них шла на северо-запад, а вторая на север, соединяя укрепления центральной части Франкфуртана-Одере с опорным пунктом противника в районе Нойе Вельт.

В северной и северо-западной частях Франкфуртана-Одере местность имеет наиболее возвышенный характер. Здесь на высотах по окраинам пригородов Нойе Вельт и Шляхтхоф находился опорный пункт противника. Перед траншеями на восточных скатах высот были установлены небольшие проволочные заграждения (рогатки, малозаметные препятствия). В Нойе Вельт в качестве ДОТов использовались посаженные на бревенчатые срубы башни танков. Западнее Нойе Вельт, в садах западнее разъезда Фатерлянд, находились огневые позиции тяжелой артиллерии немцев.

Высоты в районе Нойе Вельт господствовали над всей поймой реки Одер, что в значительной степени облегчало противнику организацию наблюдения и корректирования артиллерийско-минометного огня.

На западной окраине города немцы также создали разветвленную систему траншей и ходов сообщения. В траншеях были подготовлены подбрустверные укрытия с перекрытием. Имелись три ДОТа, простреливавшие подступы к городу.

На юго-западной окраине города в районе фольварка Нунен размещались огневые позиции немецкой артиллерии. От восточной окраины Маркендорф (северный) до северного берега озера Фаулерзее тянулись сплошные минные поля. Впереди траншей, огибающих Франкфуртер-Хез с юга, шла развитая система проводочных заграждений (большей частью спирали Бруно и малозаметные препятствия).

Южная часть города была также сильно укреплена. Здесь проходили две, а местами три и четыре линии сплошных траншей полного профиля с широкой сетью ходов сообщения.

Вдоль железнодорожной линии Франкфурт-на-Одере — Реппен, за насыпью, противник построил траншею с открытыми пулеметными площадками, фронтом на юг. Отсюда боевое охранение немцев могло простреливать весь болотистый берег реки Одер и лес южнее Франкфурта-на-Одере.

Южные подступы к Франкфурту-на-Одере прикрывало опорный пункт в районе Цшецшнов. Подвалы домов на южной окраине Цшецшнова, перед которыми проходила третья траншея, имели деревоземляное усиление. Оконные и дверные проемы этих домов были заложены кирпичом. Южнее Цшецшнова, по южной опушке сада, проходила вторая траншея, а по северным скатам высоты 72,0 — первая траншея.

Все дороги, ведущие к Франкфурту-на-Одере с юга, были заминированы.

Для обороны франкфуртского узла немцы использовали части Франкфуртского крепостного управления.

Передний край второй полосы обороны противника проходил по западному берегу реки Рандов, Ангермюнде, Бад Фрайенвальде, Врицен, Зеелов, Мюллеро-

зе, Катлов, Деберн, Вейсвассер, Герлиц. Находясь от переднего края главной полосы обороны на удалении 10—20 км, она состояла из одной-трех линий траншей и большого числа опорных пунктов. Глубина полосы колебалась от 1 до 5 км. Ее передний край проходил по выгодным естественным рубежам — рекам, каналам, озерам и господствующим высотам.

Инженерная подготовка второй полосы также не была одинаковой. Наиболее сильно в инженерном отношении был подготовлен участок от канала Финов до канала Одер-Шпрее, то есть перед кюстринским плацдармом войск 1-го Белорусского фронта.

Здесь вторая полоса обороны имела две-три линии сплошных траншей. Все населенные пункты и даже отдельные фольварки противник превратил в сильные опорные пункты и подготовил к круговой обороне. Каждый из них был опоясан круговой траншеей и проводочными препятствиями, а между собой они соединялись ходами сообщения. Вторая полоса обороны на этом участке проходила по Зееловским высотам. Эти высоты и город Зеелов являлись одним из наиболее мощных узлов сопротивления немцев на восточных подступах к Берлину.

Зееловские высоты представляют собой высокий берег старого русла реки Одер и тянутся по линии Вербиг (3 км севернее Зеелова), Зеелов, Мальнов (4 км северо-западнее Лебус), возвышаясь над долиной Одера на 40 м. Высота берега в районе Зеелова достигает 50 м. Крутизна берега в этом месте равна 30—40°; местами склоны обрывисты и изрезаны лощинами и оврагами.

Город Зеелов расположен в центральной части высот — на наиболее возвышенном участке. Шоссе Кюстрин—Берлин, проходящее через Зеелов, при въез-

де в город образует крутой подъем и на восточных подступах к городу проходит через дефиле — глубокую и узкую железнодорожную выемку.

Преимущества в использовании местности были на стороне противника. Выгодные для обороны высоты в районе Зеелова командовали почти над всей поймой реки Одер. С Зееловских высот противник мог просматривать и корректировать огонь своей артиллерии и минометов далеко в глубь обороны советских войск, и радиус обзора практически ограничивался лишь степенью мощности оптических приборов для наблюдения.

В то же время для наступающих войск наблюдение за расположением противника и его огневых средств на скатах Зееловских высот чрезвычайно затруднялось в связи с наличием густой зелени рощ и садов восточнее Зеелова. Преодолевать крутые скаты Зееловских высот наши танки и самоходные установки могли только по дорогам, где угол подъема допускал продвижение колесного и гусеничного транспорта. Но эти дороги были минированы и находились под огнем всех видов оружия, заранее подготовленных противником.

По восточным скатам Зееловских высот проходил передний край второй полосы обороны немцев. Скаты этих высот были сильно укреплены. Немцы отрыли здесь траншеи полного профиля и оборудовали большое количество ДЗОТов и открытых пулеметных площадок. Подступы к городу Зеелову с севера, востока и юга находились под многослойным пулеметным огнем. Шоссе Кюстрин—Берлин, а также дороги Вербиг—Зеелов и Ной Тухебанд (6 км восточнее Зеелова), Фридерсдорф (3 км южнее Зеелова) были минированы, а в районах Мол (1 км северо-восточнее Зеелова) и Вейнберг (1,5 км юго-восточнее Зеелова) были установлены противотанко-

вые минные поля. Подступы к переднему краю обороны прикрывались также проволочными заграждениями в 2—3 ряда кольев.

В опорном пункте Зеелов немцы сосредоточили большое количество орудий и минометов. Противотанковые и зенитные орудия (последние использовались так же, как противотанковые) были расположены в районе железнодорожной платформы северо-восточнее Зеелова и у въезда в город на шоссе Кюстрин—Берлин. Вместе с опорными пунктами Ной Вербиг (2 км северо-восточнее Зеелова), Фридерсдорф и высота 53,2 (4 км юго-восточнее Зеелова), с которыми опорный пункт Зеелов находился в огневой связи, весь район Зеелова представлял собой мощный узел сопротивления.

Зееловские высоты и расположенные в их районе населенные пункты были подготовлены к особо упорной обороне и рассматривались немцами как тактический «ключ» всей системы их обороны на собственно берлинском направлении.

Участок второй полосы обороны («Матильда») от Катлова до Вейсвассера перед 1-м Украинским фронтом состоял из одной траншеи и большого числа подготовленных к круговой обороне населенных пунктов. Кроме того, противником здесь широко были использованы лесные завалы.

На участке от Мюллерозе до Катлова вторая полоса обороны немцев проходила по лесисто-озерному району и состояла только из отдельных опорных пунктов и прерывчатой траншеи.

Проволочные заграждения и минные поля встречались только на узких дорогах и у опорных пунктов. На всех дорогах было построено большое количество баррикад с выдвижными воротами для прикрытия проездной

части. Вдоль дорог для борьбы с нашими танками были оборудованы огневые позиции для артиллерии и окопы для «фаустников».

Третья (тыловая) полоса обороны тянулась с севера на юг от Торгелов через Эберсвальде, Мюнхеберг, Фюрстенвальде, далее по западному берегу реки Шпрее до озера в 20 км южнее Беесков через Феров по западному берегу реки Шпрее до Угиста и далее на Нехерн. Эта полоса находилась на удалении 20—40 км от переднего края главной полосы. На такое же расстояние она была удалена и от Берлина к состояла из ряда сильно укрепленных населенных пунктов, превращенных в узлы сопротивления. Важнейшие из них — Торгелов, Пазевальк, Пренцлау, Эберсвальде, Штернебек, Мюнхеберг, Фюрстенвальде, Беесков, Коттбус и Шпремберг. Эти населенные пункты были окольцованы полностью оборудованными траншеями, соединенными ходами сообщения, и связаны между собой одной-двумя траншеями, оборудованными стрелковыми ячейками, пулеметными площадками и подбрустверными блиндажами. На отдельных направлениях были отрыты противотанковые рвы.

Наиболее полно в инженерном отношении была оборудована эта полоса на участке от Эберсвальде до Фюрстенвальде и от Коттбуса до Шпремберга.

Так, например, Коттбус имел два оборонительных обвода с развитой сетью траншей и ходов сообщения. На важнейших направлениях прямо в траншеях были установлены стационарные 75-мм пушки и переносные стальные огневые точки типа «Краб». Траншеи были прикрыты проволочными и противотанковыми препятствиями, проходившими в 10—15 м впереди траншей.

Все здания в городе немцы приспособили для ведения огня, а подвалы — для укрытия живой силы. Улицы перекрыли баррикадами, построенными из камня и железного лома.

Таким же образом была оборудована и приспособлена к обороне большая часть остальных городов, перечисленных выше.

Оборона этой полосы была возложена на саперные части, батальоны фольксштурма и части молодежной организации «Гитлерюгенд».

Кроме этих трех основных оборонительных полос на особо ответственных направлениях немцы создали промежуточные позиции.

В полосе 2-го Белорусского фронта была оборудована одна промежуточная позиция, проходившая в 10 км к западу от Штеттина и упиравшаяся своими флангами в главную полосу обороны.

В полосе 1-го Белорусского фронта были оборудованы две такие позиции. Первая проходила по линии Платков, западный берег канала Флисс, Бризен и была удалена от второй полосы обороны на 6—10 км. Вторая позиция проходила по линии Врицен, Требнитц, Штайнхфель с ответвлением на Райхенберг и была удалена от второй полосы обороны на 5—15 км.

Обе эти промежуточные позиции своими левыми флангами упирались во вторую полосу обороны, а правыми — в третью (тыловую). В инженерном отношении они были подготовлены слабо и имели одну-две прерывающиеся траншеи. Такого же типа промежуточная позиция у противника была на коттбусском направлении на участке Хайнерсбрюк, Мадлов между второй и третьей полосами обороны.

Одновременно с сооружением Одерско-Нейсенского оборонительного рубежа немецкое командование уже в январе спешно приступило к строительству Берлинского оборонительного района. Этот район состоял из трех кольцевых оборонительных обводов и самого города, подготовленного к упорной обороне.

Берлин со всех сторон окружен реками, каналами, озерами и лесами, что превращало город в естественную гигантскую крепость. Кроме того, реки и каналы делили на несколько частей и сам город, что облегчало немцам организацию упорной обороны отдельных районов Берлина. Следует отметить, что Берлин был расположен на площади 82 000 гектаров, и к началу наступления советских войск в нем оставалось свыше 3 миллионов жителей. Для оборонительных работ были привлечены саперные части, батальоны фольксштурма, гражданское население Берлина из ближайших районов, а также военнопленные.

К началу советского наступления Берлинский укрепленный район состоял из внешнего, внутреннего и городского оборонительных обводов.

Для удобства выполнения оборонительных работ, а главное, для удобства руководства боем, весь оборонительный район Берлина был разделен на восемь секторов. Кроме того, в центре города был оборудован сектор (№ 9), от которого радиально расходились восемь оборонительных секторов: два восточных (1-й и 2-й), два южных (3-й и 4-й), два западных (5-й и 6-й) и два северных (7-й и 8-й).

Каждый сектор в свою очередь делился на 3—4 подсектора.

Внешний оборонительный обвод находился на удалении 25—40 км от центра города и проходил по линии

Бизенталь, Хекельберг, озеро Штиниц-зее, озеро Зедди-зее, Миттенвальде, Рангсдорф, Тиров, озеро Швиллов-зее, Бризеланг, Вельтен, Биркенвердер, Ланке. Этот обвод проходил в основном по озерам, каналам и рекам, имея в качестве своей основы крупные населенные пункты, превращенные в узлы сопротивления.

Немецкое командование в своих документах называло этот обвод «внешним заградительным обводом».

По замыслу германского командования, немецкие войска, занимавшие этот рубеж, должны были разрушить наши наступавшие части и нанести им максимальные потери. В приказе по обороне Берлина указывалось: «В боях на внешнем оборонительном обводе необходимо умело использовать все построенные заграждения и опорные пункты, дабы парализовать силу неприятельского наступления, расколоть его силы и, нанеся врагу как можно больше потерь, приостановить его наступление.

К главной линии обороны (внутреннему обводу) противник должен подойти сильно ослабленным в численном и в материальном отношении».

К началу наступления Красной армии фортификационные работы на внешнем обводе не были полностью закончены. Траншеи полного профиля были открыты только на важнейших направлениях и в опорных пунктах. Заблаговременного минирования почти не было. Дороги и особенно улицы городов были перекрыты большим количеством баррикад. У внешнего оборонительного обвода в районе Цоссена (в Штамлагер — 2,5 км южнее Цоссена) находился основной командный пункт германского Генерального штаба.

Этот командный пункт по своему устройству и вместимости был одним из лучших командных пунктов гер-

манской армии. Постройка его была начата немецким правительством еще в 1936—1937 годах и закончена в 1939 году. Строительство шло непрерывно днем и ночью. Работы велись в строжайшем секрете. Окрестное население знало лишь о том, что в районе Цоссена строится большой учебный лагерь. Инженеры вели работы по чертежам отдельных объектов строительства. Общий же план командного пункта был известен только ограниченному кругу особо доверенных лиц.

В 1940 году в Цоссене помещалась главная квартира Генерального штаба сухопутных сил (ОКХ), где проходил ряд важных совещаний и военные игры. Так, здесь были проведены две военные игры генералов и офицеров Генерального штаба для проработки плана «Барбаросса». В результате этих игр план «Барбаросса» был уточнен и на основе его были разработаны директивы по стратегическому развертыванию германской армии против СССР. Здесь же начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковник Гальдер в декабре 1940 года вел секретные предварительные переговоры с начальником штаба финской армии генералом Хейнриком о предстоящей войне с СССР и о возможности взаимодействия немецких войск в Норвегии с финской армией.

Командный пункт занимал участок местности площадью до 200 гектаров и имел 156 отдельных строений, насчитывавших в общей сложности более 3100 комнат. Общий вид всей территории командного пункта напоминал собой учебный лагерь; отдельные его участки были похожи на обычные дачные поселки, расположенные в окрестностях Берлина.

Вся территория командного пункта была ограждена колючей проволокой. Главный въезд на команд-

ный пункт находился на его западной окраине — на углу Людендорфер-штрассе и Рейхс-штрассе. Улицей Людендорфер-штрассе, идущей с запада на северо-восток, территория командного пункта была разделена на две почти равные части — северо-западную и юго-восточную.

Территория, прилегающая к Людендорфер-штрассе, Фритч-штрассе и Рейхс-штрассе, была густо застроена стандартными одноэтажными и двухэтажными жилыми зданиями, в которых размещался офицерский состав, подразделения охраны, кухни, гаражи, мастерские. В промежутках между этими домами были сооружены надземные железобетонные конусообразные бомбо-газоубежища, напомилавшие по внешнему виду сигары. Всего на этом участке насчитывалось 12 таких убежищ, каждое вместимостью 350 человек. Каждое такое убежище состояло из семи этажей. Высота убежищ достигала 18 м, диаметр (у основания) 10 м. Толщина железобетона у основания была до 2 м, в средней части 1,2 м и в верхней части 0,6 м.

Шмайзер-штрассе вела от Гинденбург-платц на север к «Майбах-1» — участку территории командного пункта, занятого собственно командным пунктом Генштаба. Внутри «Майбах-1» бетонная дорога образовывала большое кольцо, вокруг которого симметрично располагались 12 одинаковых зданий, условно занумерованных «А-1», «А-2» и т.д. Каждое здание представляло собой надземную двухэтажную постройку с высоко поднятой кровлей, типичной для немецких деревень, и подземное сооружение в два этажа. Надземные стены здания тонкие — до 0,5 м. Однако внутри части помещений имелись еще железобетонные стены толщиной до 1—1,5 м. Перекрытия между этажами были также

железобетонные. Входные двери зданий имели броню толщиной до 30 мм и закрывались герметически. В надземной части зданий находились рабочие комнаты офицеров Генштаба и персонал охраны. В подземной части находились рабочие комнаты, а также комнаты для отдыха. В самом нижнем этаже зданий помещались фильтро-вентиляционные установки.

Под кольцеобразной дорогой площади на глубине 6—8 м проходил подземный кольцевой ход, соединявший все 12 зданий «Майбах-1» через отдельные подземные коридоры, ответвлявшиеся от кольцевого хода и подходившие к специальным выходам второго подземного этажа каждого здания. В качестве одного из средств связи имелась подземная пневматическая почта.

Между домами «А-3» и «А-4» от подземного кольцевого хода в северном направлении шел осевой подземный ход. Вдоль всей его правой стены были установлены железные кронштейны, на которых укладывались телеграфные кабели, связывавшие командный пункт не только со всей Германией, но и со всеми странами Европы и африканскими колониями, оккупированными немцами в 1941—1943 годах.

От осевого хода шел боковой ход, выводивший на Шмайзер-штрассе в подземную часть здания, расположенного вне ограды «Майбах-1», в так называемый «зеленый дом», в котором находилось машинное отделение и подземные склады горюче-смазочных материалов.

Далее осевой ход постепенно опускался на уровень второго, третьего и четвертого подземных этажей и шел в расположение узла связи. По обеим сторонам осевого хода имелись многочисленные помещения, где были расположены аппаратные узла связи, радиостанции, усилительные подстанции, а также рабочие комнаты.

В центральной части узла связи от осевого хода от- ветвлялся подземный ход, приводивший в небольшой поселок у северной окраины — Штамлагер. Этот под- земный ход выводил прямо в подвал одного из жилых домов стандартного типа, ничем по внешнему виду не отличающегося от других зданий поселка. Этот дом служил своеобразной маской выхода из подземного хода на улицу. Входом через этот дом пользовались лишь члены германского руководства, когда желали скрыть свое прибытие на командный пункт.

Северо-восточнее здания «А-6» от наземной коль- цевой дороги ответвлялась дорога на Актенбург- штрассе. От перекрестка на этой улице на запад шла бетонированная дорога с крутым уклоном к неболь- шому зданию, в котором был устроен грузовой подъ- емник. Последний мог поднимать одновременно две легковые машины или до 10 тонн груза. Ствол шахты грузоподъемника уходил в землю на глубину шести подземных этажей. В подземных этажах, устроенных вокруг этой шахты, были расположены столовые, ки- нозал, библиотека, амбулатория, комнаты для отдыха и т.д. На пятом этаже помещался гараж для автома- шин.

Юго-восточный участок территории командного пункта — «Майбах-2» ограничивался Рейхс-штрассе, Людендорфер-штрассе и Панцер-штрассе.

«Майбах-2» был построен по тому же плану, как и «Майбах-1», с той только разницей, что в «Майбахе-2» имелось не 12, а 11 зданий. В них размещалась охрана командного пункта. В подземных этажах, кроме того, имелось большое количество рабочих комнат и комнат отдыха. Узла связи и пункта обслуживания «Майбах-2» не имел.

Внутренний оборонительный обвод («зеленая линия») проходил по окраинам берлинских пригородов — по линии Мальхов, Марцан, Дальвиц, Кепеник, Рудов, канал Тельтов, Кладов, Фалькенхаген, Тегель, Розенталь. Этот обвод готовился немецким командованием как главная оборонительная полоса Берлинского укрепленного района. В борьбе на нем оно рассчитывало ввести в бой основные силы берлинского гарнизона и любой ценой удержать этот рубеж. В приказе по обороне Берлина указывалось, что если даже русским танкам и пехоте и удастся прорваться через внутренний обвод, все должны оставаться на своих местах и продолжать борьбу, пока контратаками резервов вновь не будет восстановлено положение.

Обвод состоял из трех-пяти линий траншей общей глубиной до 6 км. Оборонительные работы на нем к началу наступления Красной армии тоже не были закончены.

Городской обвод проходил по линии кольцевой железной дороги, имея впереди себя сравнительно небольшие дома, а также свободные и малозастроенные площади.

На всех улицах, ведущих к центру города, были возведены баррикады. На перекрестках улиц, площадях были оборудованы огневые позиции для артиллерии и минометов. На этом обводе немцы рассчитывали, как указывалось в приказе на оборону имперской столицы, «бороться за каждую улицу, за каждый дом, за каждую развалину, за каждый метр земли, широко используя при этом подземные коммуникации города (метро общей протяженностью 80 км, канализационную систему)».

Особое место в обороне Берлина занимал центральный девятый сектор, который являлся связующим

основанием для всех остальных восьми оборонительных секторов. В этом секторе размещались центральные государственные и политические учреждения, театры и другие крупные здания, в том числе рейхстаг и имперская канцелярия, где в период штурма Берлина в глубоком подzemелье находились Гитлер и Геббельс.

Передний край этого сектора проходил на севере по реке Шпрее, на востоке по Линден-штрассе, на юге по Ландвер-каналу и на западе по Хофегер-аллее. По периметру сектора имелось 42 моста, подготовленных к взрыву, 34 из которых в ходе боев были взорваны. Западная часть сектора включала центральный парк города — Тиргартен.

Оборона его противником готовилась особенно тщательно. В каждом квартале было оборудовано по несколько укрепленных позиций. Все позиции между собой были соединены ходами сообщения. Глубокие подвалы и специально построенные бомбоубежища использовались для укрытия войск. Разветвленная сеть метро в этом районе давала немецкому командованию широкие возможности скрытого маневра резервами.

Одерско-Нейсенский оборонительный рубеж, состоявший из трех основных полос общей глубиной 20—40 км, являлся безусловно серьезным препятствием для наступавших войск 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов.

Строя этот оборонительный рубеж, немецкое командование основной целью поставило широко использовать для обороны выгодную местность. Все оборонительные позиции, как правило, проходили по рекам, каналам, озерам, господствующим гребням и лесным

массивам, являвшимся естественными препятствиями как для танков, так и для пехоты.

Наличие в полосе между реками Одер, Нейсе и Берлином большого числа крупных населенных пунктов, заводов, отдельных фольварков с каменными постройками дало возможность противнику быстро оборудовать много сильных узлов сопротивления и опорных пунктов, которые явились основой оборонительных полос.

Главное внимание немецкого командования при организации обороны было направлено на прикрытие Берлина непосредственно с востока от возможного и наиболее опасного удара войск 1-го Белорусского фронта с кюстринского плацдарма. На этом направлении к началу нашего наступления была создана глубоко эшелонированная оборона. Общая глубина полосы, подготовленной к обороне, включая Берлинский укрепленный район, достигала 100 км.

Оборона противника в полосе наступления 2-го Белорусского фронта была эшелонирована на глубину до 40 км. Трудность преодоления ее усугублялась наличием крупной водной преграды — реки Одер, разветвлявшейся на два рукава с залитым водою междуречьем.

Неприятельская оборона в полосе наступления 1-го Украинского фронта была эшелонирована на глубину до 30 км. Преодоление ее было связано с необходимостью форсирования двух значительных рек — Нейсе и Шпрее. При наступлении войск 1-го Украинского фронта на Берлин с юга они были вынуждены также преодолевать оборонительные обводы берлинского укрепленного района⁷.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСК

После боев в Восточной Померании, на реке Одер и в Силезии немецкое командование спешно приступило к всесторонней подготовке к решающим боям на берлинском направлении.

Захваченный в плен нашими войсками бывший командир 5-го горнострелкового корпуса СС генерал войск СС Еккель показал: «Немецкому командованию было ясно, что после короткой передышки, во время которой будут подброшены новые армии, разгорятся новые ожесточенные бои за Берлин, которые решат исход войны. Поэтому немецкие военные власти сделали все возможное, чтобы во время этих боев оказать должное сопротивление русским войскам. Предполагали, что эти решительные бои начнутся в первой половине апреля».

В первую очередь германское командование решило быстро создать необходимые резервы. С этой целью в конце марта и в течение первой декады апреля оно вывело из первой линии обороны почти все танковые и панцергренадерские дивизии. В полосе 1-го Белорусского фронта из первой боевой линии были выведены 25-я панцергренадерская дивизия, панцергренадерская дивизия «Курмарк» и в полосе 1-го Украинского — танковые дивизии «Охрана фюрера», «Герман Геринг», 16, 17-я и 21-я танковые дивизии.

Дивизии, выведенные во второй эшелон, спешно пополнялись людским составом и материальной частью. Так, например, численный состав 21-й танковой дивизии к середине апреля был доведен до 11 000 человек.

Создание боевых резервов шло и за счет восстановления ранее разбитых в боях частей и соединений. К примеру, в полосе 1-го Украинского фронта 168, 545, 269-я и 45-я дивизионные боевые группы были вновь превращены в дивизии. А на базе 1244-го пехотного полка и 687-й саперной бригады была сформирована 615-я пехотная дивизия особого назначения.

Отдельные части и соединения, сильно обескровленные в предыдущих боях, расформировывались, и их личный состав направлялся на пополнение других частей. Так, были расформированы дивизия особого назначения «Маттершток» и 408-я пехотная дивизия 4-й танковой армии.

Новые пехотные народно-гренадерские дивизии, которые формировались в 1945 году, имели незначительное количество тяжелого оружия и следующую типовую организационную структуру:

- штаб дивизии;

- три пехотных полка трехбатальонного состава. В каждом батальоне было по 3—4 роты. На вооружении каждой роты находилось 6 ручных пулеметов и не имелось станковых пулеметов или какого-либо тяжелого пехотного оружия;

- моторизованный фузилерный батальон, состоящий из одной моторизованной роты тяжелого оружия (четыре станковых пулемета и два легких пехотных орудия), 2-й и 3-й рот (самокатных), имевших на вооружении только стрелковое оружие (без пулеметов), 4-й роты (кавалерийской). На вооружении — 9 ручных (единых) пулеметов;

- один артиллерийский полк смешанного состава с различным числом орудий;

— один зенитно-артиллерийский дивизион, имевший на вооружении 6 зенитных пушек калибра 88 мм, 2 зенитных пушки калибра 20 мм, одну зенитную пушку калибра 37 мм и одну счетверенную зенитно-артиллерийскую установку калибра 20 мм;

— один саперный батальон, имевший на вооружении только стрелковое оружие;

— один батальон связи.

В связи с глубоким отходом высвободилось большое количество учреждений и служб, находившихся в тыловых оперативных районах. Большинство из них было расформировано. Остальные реорганизовали в дивизионные штабы особого назначения. Так, еще между октябрём 1944 года и январём 1945 года возникло 15 таких дивизионных штабов, которые получили номера с 601-го до 610-го и с 613-го до 617-го. Большая часть этих дивизионных штабов особого назначения, созданных на базе главных полевых комендатур, военных школ, штабов расформированных дивизий и т.п., действовала на Востоке.

28 марта был издан приказ, смысл которого для немецкого народа выражался одной фразой: «Все силы родины — фронту». В соответствии с этим приказом все соединения и части, находившиеся в процессе формирования или же пополнения, должны были быть использованы в бою в том состоянии, в котором они находились к данному моменту. Кроме того, все отдельные укомплектованные части армии резерва подлежали сведению в соединения для использования в боях. Сверх этого предписывалось передать действующей армии на Востоке 96 тысяч запасников.

С небывалым размахом шел процесс организации всегерманского ополчения — фольксштурма⁸.

В 1945 году в рамках Армии резерва формировались части армии «Гнейзенау». На берлинском направлении предполагалось использовать до 200 батальонов фольксштурма (24 тысячи человек), которые использовались как в самостоятельных частях, так и действовали в составе 303, 309, 324, 325, 328-й дивизий, дивизии «Бервальде» и некоторых народно-гренадерских дивизий. 16 гренадерских полков «молодой смены фюрера» с номерами 1233—1242, 1246—1250, 1256, сформированных из числа курсантов офицерских школ, и гренадерский полк СС «Беккер», впоследствии организационно подчиненный 32-й панцергренадерской дивизии СС «30 января», также имели в своем составе батальоны ополченцев.

В дополнение к этим формированиям в составе вермахта для защиты оборонительных сооружений на Восточном фронте были сформированы крепостные части с номерами, начинающимися на 3000, состоящие из рот фольксштурма под командованием армейских офицеров. Было создано 11 пулеметных батальонов в составе четырех рот каждый, два пехотных батальона (3460, 3470), три трехбатальонных запасных артиллерийских полка (3132—3134), 25 запасных артиллерийских батальонов (3117—3126, 3135—3139, 3158—3160, 3163—3166, 3176, 3177, 3184), два артиллерийских батальона (3086, 3087) и несколько заградительных и подрывных инженерных рот.

В 1945 году в соответствии с приказом от 25 марта 1945 года о проведении акции «Родина — фронту» были сформированы 12 запасных и учебных дивизий, часть которых формировалась с использованием штабов расформированных ранее пехотных дивизий. Были сформированы 81, 149, 150, 151, 154, 156, 158, 193,

286, 402, 464-я запасные и учебные дивизии. Учебно-полевая дивизия «Норд» была переименована в запасную и учебную дивизию «Курляндия».

В ходе акции «Родина — фронту» из кадрового состава службы государственной трудовой повинности (РАД), состоящей из опытных и заслуженных солдат, были сформированы 3 дивизии (7500 солдат и офицеров — члены РАД, остальные бойцы — военнослужащие вермахта). Организационно они состояли из одного артиллерийского и трех пехотных полков. 1-я дивизия «Шлагетер» в составе 3-й танковой армии вела бои с советскими войсками под Вареном. 2-я «Фридрих Людвиг Ян» и 3-я «Теодор Кернер» находились к западу от Берлина в составе 12-й армии. Для пополнения этих дивизий был использован личный состав, отбывающий в то время службу трудовой повинности, то есть лица 1928—1929 года рождения, следовательно, шестнадцати- и семнадцатилетние юноши. Эти дивизии были оснащены только стрелковым оружием и ручными противотанковыми средствами. В большинстве случаев в этих дивизиях не было артиллерии, штурмовых орудий, саперов и т.д., не говоря уже о том, что их личный состав не прошел курс боевой подготовки и эти юноши не были физически тренированы для осуществления маршевых переходов и для ведения боевых действий.

Для полноты картины следует упомянуть о том, что 2 апреля 1945 года Национал-социалистическая партия Германии с громадной пропагандистской шумихой провозгласила создание организации «Вервольф» («Оборотень»). Эта организация должна была вести за линией фронта, в тылу противника, своего рода партизанскую войну. Поскольку это мероприятие

заранее не было ни продумано, ни подготовлено, оно осталось неосуществленным.

Однако главную роль в борьбе с войсками союзников по антигитлеровской коалиции германское командование отводило вермахту и войскам СС.

На усиление групп армии «Висла» и «Центр», оборонявших подступы к центральным жизненным районам Германии, немецкое командование бросило основную часть своих людских резервов и материальных средств. Генерал-полковник Йодль после капитуляции показал: «Для того чтобы обеспечить необходимое пополнение частей Восточного фронта к моменту предстоящего решительного наступления русских, нам пришлось расформировать всю резервную армию, то есть все запасные пехотные, танковые, артиллерийские и специальные части, военные училища и высшие военно-учебные заведения». Это позволило командованию обеих групп восстановить численный состав и техническую оснащенность своих частей и соединений. Состав стрелковых рот к середине апреля был доведен до 100 человек, а численный состав пехотных дивизий до 7—8 тысяч человек.

Немецкое командование, готовясь к решающим боям, стремилось не только увеличить количество своих войск, оборонявшихся на берлинском стратегическом направлении, но и поднять боевой дух армии, укрепить моральное состояние солдат. С этой целью 3 апреля руководством национал-социалистической партии были даны войскам следующие специальные указания:

“В скором будущем нужно ожидать большого наступления большевиков на реке Одер. Для укрепления духа и возбуждения фанатизма необходимо в период с

5 по 8 апреля провести беседы в частях. Основой для этих бесед служат следующие указания:

Война решается не на Западе, а на Востоке и именно на участке нашей (9-й) армии. Предстоящее большое наступление большевиков должно быть отбито при всех обстоятельствах. Предпосылки для этого имеются — люди и техника у нас есть. Наш взор должен быть обращен только на Восток, независимо от того, что будет происходить на Западе. Удержание Восточного фронта является предпосылкой к перелому в ходе войны.

При упоминании о событиях на Западе, тяжесть которых нельзя недооценивать, самое главное — поддержать и усилить мужественным тоном надежду, что положение будет исправлено»».

14 апреля, перед началом наступления войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, во всех частях и соединениях обеих групп был зачитан специальный приказ Гитлера. В этом приказе Гитлер для успокоения солдат указывал, что немецкое командование предвидит новый удар Красной армии на Берлин и заблаговременно подготовило оборону, оснащенную колоссальным количеством артиллерии (за счет нескольких сформированных народно-артиллерийских корпусов⁹). Но, не вполне надеясь на устойчивость своих войск, он в этом же приказе требовал расстрела на месте всех тех, кто отдаст приказ на отход или будет отходить, независимо от чина и занимаемого положения.

Вслед за Гитлером к солдатам Восточного фронта также обратились Геббельс и ряд других нацистских руководителей.

Еще задолго до начала нашего наступления немецким верховным командованием был издан приказ о репрессивных мерах против семей солдат и офицеров, которые сдадутся в плен советским войскам.

Кроме того, проводилась специальная чистка армии, в результате которой из войск генерала Хейнрици и генерал-фельдмаршала Шернера были изъяты все солдаты и офицеры, которые сами или их родители когда-либо и каким-либо образом были связаны с Россией. Дивизии, включавшие в свой состав ненемецкие национальности, были выведены из первой линии обороны и заменены чисто немецкими.

Одновременно германское руководство, стремясь оттянуть начало наступления наших войск, пыталось осуществить ряд мероприятий, направленных к дезинформации советского командования. В приказе командующего 9-й армией генерала Буссе от 3 марта 1945 года говорилось: «Генштабом сухопутной армии приказано провести дезинформацию с целью внушить противнику, что между рекой Одер и Берлином имеются крупные соединения, являющиеся оперативным резервом 9-й армии».

Немецкое командование рассчитывало убедить советское руководство в сосредоточении против нашего плацдарма на западном берегу реки Одер танкового корпуса «Берлин» в составе трех танковых дивизий и танкового корпуса «Бранденбург» из двух танковых дивизий¹⁰.

Для осуществления этой дезинформации были применены радиосредства, которые своей работой демонстрировали появление штабов танковых корпусов и танковых дивизий.

Начальнику военных сообщений было приказано увеличить железнодорожные перевозки на восток, начиная с 4 марта. Для сопровождения эшелонов были подготовлены специальные команды. В районах имитируемого сосредоточения этих танковых корпусов было поставлено в слегка замаскированном виде большое количество макетов танков. Но эта попытка противника полностью провалилась. Нашей разведкой уже в первой половине марта было вскрыто, что на восток следуют эшелоны, загруженные макетами танков.

Готовясь к решающей битве за Берлин, немецкое командование в первой половине апреля произвело перегруппировку своих войск для создания сильной группировки на берлинском стратегическом направлении.

С целью надежного обеспечения Берлина с северо-востока основные силы 3-й танковой армии были перегруппированы к ее правому флангу. В частности, в районе Миттенвальде, Бизенбров, Пассов в качестве армейского резерва были сосредоточены две панцер-гренадерские дивизии.

Для прочного прикрытия Берлина с юго-востока командование группы армий «Центр» перегруппировало свои резервы к левому крылу в полосу 4-й танковой армии. В резерве в районе Коттбус, Шпремберг, Лаубан (юго-вост. Герлица) были сосредоточены четыре танковые дивизии. В этот же район перебрасывались дивизия ВВС «Герман Геринг» и 20-я танковая дивизия, которые до сих пор действовали против левого фланга 1-го Украинского фронта.

В результате всех перегруппировок к середине апреля, то есть к началу Берлинской операции, не-

мецкие войска располагались в следующей группировке.

Группа армий «Висла» генерала Хейнрици оборонялась по западному берегу реки Одер на участке Берг-Дивенов, Франкфурт-на-Одере, Ратцдорф.

Перед 2-м Белорусским фронтом на 120-километровом участке фронта от Берг-Дивенов до Шведта занимали оборону корпусная группа «Свинемюнде» и основные силы 3-й танковой армии.

Корпусная группа «Свинемюнде» под командованием генерала Фрейхлиха обороняла перешеек севернее Штеттинской гавани на фронте в 30 км от Берг-Дивенова до Воллина, имея в первом эшелоне 6-ю школу военно-воздушных сил, 2-й морской пехотный батальон, 1, 2-й и 5-й крепостные полки «Свинемюнде», 1-й и 5-й крепостные полки «Штеттин», 301-й полк морской пехоты.

3-я морская пехотная дивизия, оборонявшая участок Берг-Дивенов, Воллин, была снята с фронта и к началу наступления 2-го Белорусского фронта перебрасывалась для действий против войск 1-го Белорусского фронта.

Необходимо заметить, что состав немецких войск, установленный по результатам работы разведорганов Красной армии, не всегда сходится с немецкими источниками. Так, по немецким документам, в составе корпусной группы «Свинемюнде» на 7 апреля числится 163-я пехотная дивизия вермахта, не указанная в советских разведсводках. В 1234-й танкоистребительной батарее 163 пд вермахта находилось 10 САУ Jagdpanzer 38(t) «Хетцер». С морскими пехотными дивизиями также не все ясно. Немецкие источники указывают, что в феврале—марте 1945 года из незадействованного

плавсостава были сформированы 1, 2-я и 3-я морские пехотные дивизии. Одна из них — 3-я — действовала против войск 2-го Белорусского фронта. Советские разведсводки, датированные началом марта 1945 года, указывают о существовании 301, 303, 304, 305, 306, 307-го и 308-го батальонов морской пехоты, которые входили в дивизию морской пехоты «Гросс-адмирал Дениц», а также о существовании бригады морской пехоты «Норд» (6—8 батальонов). Типовой морской пехотный батальон был трехротного состава (3 стрелковые роты по 230 человек каждая), также имелась рота тяжелого оружия (2—3 75-мм ПТО, 3—4 105-мм пехотных орудия и 2 20-мм зенитных орудия). Не исключено, что указанные выше соединения и есть 3-я морская пехотная дивизия, 301-й полк морской пехоты был одноименным батальоном, а 2-й и 4-й морские батальоны месяцем ранее носили другие номера. Можно сделать вывод о том, что на участке обороны корпусной группы «Свинемюнде», так же как и на других участках предполагаемого наступления советских войск, шла динамичная реорганизация соединений и частей.

В тылу этой группы в районе Свинемюнде в качестве резерва располагались части 402-й учебной пехотной дивизии.

3-я танковая армия под командованием генерал-полковника Хассо фон Мантейфеля силами 32-го армейского корпуса, армейского корпуса «Одер» оборонялась на 90-километровом фронте по западному берегу реки Вест Одер от Нойварпа до Шведта, имея в первом эшелоне 549-ю народно-гренадерскую дивизию, 3-й и 4-й крепостные полки «Штеттин», 610-ю резервную дивизию, 4-й полк «Померания», 1-й па-

рашютный полк особого назначения, батальон 27-й добровольческой гренадерской дивизии СС «Лангемарк», боевую группу «Шведт» и левофланговые части 547-й народно-гренадерской дивизии.

15-я гренадерская дивизия СС (1-я латышская), располагавшаяся в районе Штеттина, была снята с линии огня и к началу наступления 2-го Белорусского фронта перебрасывалась в район севернее Берлина.

Во втором эшелоне в районе Нойенкирхена находилась 281-я пехотная дивизия вермахта, в районе Кольбитцов — 27-я добровольческая дивизия СС «Лангемарк» (в реальности боевая группа из двух батальонов с несколькими штурмовыми орудиями) и 28-я добровольческая гренадерская дивизия СС «Валлония» (боевая группа «Дерикс» по имени командира этого соединения — гаупштурмфюрера Генри Дерикса общей численностью не более 1200 человек). В районе Миттенвальде, Пассов находились 23-я добровольческая панцергренадерская дивизия СС «Нидерланд» и 11-я добровольческая панцергренадерская дивизия СС «Нордланд» (впоследствии эти соединения, а также основные силы 547-й народно-гренадерской дивизии использовались в боях против войск 1-го Белорусского фронта, где они и учитываются).

Кроме того, во втором эшелоне 3-я танковая армия имела танкоистребительную бригаду «Фридрих», 103-ю пехотную бригаду СС, 171-ю противотанковую бригаду, 184-ю бригаду штурмовых орудий (23 САУ StuG III и 8 САУ StuH 42 на 7 апреля 1945 года), полевой запасной полк 3-й танковой армии, 5-й запасной танковый батальон, батальоны фолькштурма: «Гамбург», «Бранденбург», «Грайфенхаген», боевые

группы «Остзее», «Ладебург» и 4-ю венгерскую офицерскую школу.

Главная полоса Одерского оборонительного рубежа занималась двумя пехотными дивизиями, семью крепостными полками, тремя отдельными полками, тремя отдельными батальонами, одной боевой группой и одной школой. Оперативные резервы состояли из четырех пехотных дивизий, трех отдельных полков, четырех отдельных батальонов, двух артиллерийских, двух пехотных бригад, двух боевых групп и одной школы. При этом все перечисленные резервы за исключением одной пехотной дивизии были расположены в полосе предстоявшего наступления главной ударной группировки войск 2-го Белорусского фронта.

Таким образом, в полосе наступления 2-го Белорусского фронта на участке от н/п Берг-Дивенов до Шведта без учета 23-й добровольческой панцергренадерской дивизии СС «Нидерланд», 11-й добровольческой панцергренадерской дивизии СС «Нордланд», 547-й народно-гренадерской и 1-й морской пехотной дивизий, действовавших против войск 1-го Белорусского фронта, противник имел 6 пехотных дивизий, 7 крепостных полков, 6 отдельных полков, 7 отдельных батальонов (в том числе учитывается и батальон 27-й гренадерской дивизии СС «Лангемарк»), 3 боевые группы и 2 офицерские школы.

Наиболее плотная группировка противника, как это видно из приведенной таблицы, была создана на участке Нойварп, Шведт.

Кроме того, в ходе боев в глубине обороны противника в период с 25 по 30 апреля 1945 года немецким командованием были введены в бой 7-я танковая дивизия вермахта и 4-я панцергренадерская полицейская

дивизия СС, находившиеся с 20 апреля на формировании в тылу 3-й танковой армии, и части 25-й панцергренадерской, 5-й легкопехотной, 1-й и 3-й морских пехотных, 156-й учебной пехотной, 606-й народногренадерской пехотной дивизий, отошедшие в ходе боев из полосы наступления войск 1-го Белорусского фронта.

Данные о количественном составе 7-й танковой дивизии сил вермахта, 4-й полицейской панцергренадерской дивизии СС и 25-й панцергренадерской дивизии вермахта отрывочны. 7 тд на 15 марта 1945 года имела в своем составе 8 StuG III (из них 5 исправных), 2 танка Pz.Kpfw.IV (из них 1 исправен), 10 истребителей танков Pz.Kpfw.IV/70 (из них 6 исправных), а также 9 «Пантер» Pz.Kpfw.V (из них 5 исправных). Далее известно, что отведенная в тыл 7 тд 14 апреля 1945 года должна была получить 14 «Пантер» и 20 средних танков Pz.Kpfw.IV. Однако поставки новых танков по известным причинам были проблематичны, и новой матчастью удалось укомплектовать только 4-ю роту 11-го танкового полка. Это подразделение, в свою очередь, включили в состав 25-го танкового полка, который придали 7-й танковой дивизии. 19 апреля 1945 года боевая группа из 7 тд, представлявшая собой смешанный танковый батальон из 25 тп (10 танков Pz.Kpfw.V «Пантера» и 13 танков Pz.Kpfw.IV), была отправлена на фронт. 4-я полицейская панцергренадерская дивизия СС в марте понесла большие потери в боях под Данцигом. На 15 марта 1945 года она имела в своем составе 24 штурмовых орудия StuG III (из них 7 исправных), 8 ЗСУ на гусеничной базе Flakpz (5 исправных) и 2 «Пантеры» (обе машины неисправные). 25-я панцергренадерская дивизия также на 15 марта

1945 года насчитывала в своем составе 30 исправных штурмовых орудий StuG III/IV, 1 танк Pz.Kpfw.IV, 20 истребителей танков Pz.IV/70(V) (из них 19 исправных), 2 гусеничных ЗСУ и 32 танка Pz.Kpfw.V «Пантера» (30 исправных). Советское командование оценивало это соединение как опытное и вполне боееспособное. По данным разведотдела 1-й гвардейской танковой армии, на 1 апреля 1945 года в боевой состав 25-й панцергренадерской дивизии (командир генерал-майор вермахта Бурмайстер) входили 35-й панцергренадерский полк вермахта (командир подполковник Кроль), 119-й панцергренадерский полк (командир подполковник Хусе), 25-й артиллерийский полк, 25-й танкоистребительный дивизион, 25-й саперный батальон, 5-й танковый батальон, батальон связи, 125-я рота охраны и подразделения обеспечения. Панцергренадерские полки дивизии были трехбатальонного состава, в батальонах по 4 роты (3 стрелковых и одна пулеметная), насчитывавшие на 1.04.1945 года по 60—70 человек боевого состава. Первый батальон 119-го панцергренадерского полка был оснащен полугусеничными бронетранспортерами. Панцергренадерские полки имели 13-ю роту тяжелого оружия (2 150-мм и 6 75-мм орудий) и 14-ю роту ПТО. Противотанковый дивизион 25 пгд был трехбатальонного состава: 2 батареи самоходных орудий и одна батарея на мехтяге. 5-й танковый батальон на 1.04.1945 года имел 3 танковых роты по 7 танков Pz.Kpfw.V «Пантера» и батарею 75-мм САУ (8 единиц). На 7 апреля 1945 года в 5-м танковом батальоне 25 пгд имелись один Pz.Kpfw.IV, 2 Flakpz IV, 6 Pz.IV/70(A) и 28 танков Pz.Kpfw.V «Пантера» (вся техника исправная). 25-й танкоистребительный дивизион состоял из 30 StuG III, 12 Pz.IV/70(A) и

одного неисправного истребителя танков Jagdpanzer IV. Национальный состав дивизии (людей — 5000 чел., пулеметов — 350, минометов — 40, орудий ПТО — 10, орудий полевых — 40, танков и САУ — около 30) до 80 % — немцы, остальные — поляки (жители Данцига и Катовице) и австрийцы.

Возвращаясь к танковой технике, следует добавить, что в состав некоторых пехотных (народно-гренадерских, морских, учебных и т.д.) дивизий включались отдельные батареи 75-мм САУ «Хетцер», которые насчитывали 10 или 14 машин (по штату. — *Примеч. авт.*). 1-я морская пехотная дивизия получила 10 самоходных орудий в апреле 1945 года.

Непосредственно в полосе наступления 1-го Белорусского фронта на участке Шведт, устье реки Альте Одер (25 км) занимали оборону части 46-го танкового корпуса 3-й танковой армии немцев в составе 547-й народно-гренадерской и 1-й морской пехотной дивизий. Оба этих соединения были использованы в первом эшелоне для обороны главной полосы Одерского оборонительного рубежа. В тылу же этого корпуса в районе Миттенвальде, Пассов были сосредоточены оперативные резервы в составе 23-й добровольческой панцергренадерской дивизии СС «Нидерланд» и 11-й панцергренадерской дивизии СС «Нордланд».

23-я добровольческая панцергренадерская дивизия СС «Нидерланд» была сформирована из голландских нацистов. В конце марта 1945 года остатки этого соединения были выведены в район города Пассау и реформированы в три батальона (два созданы из состава 49-го полка «Де Рюйтер»), примерно в это же время практически уничтоженный 48-й полк «Генерал Зейффарт» начал заново формироваться в районе Шлохау.

В последующем в состав голландского соединения в качестве пополнения были влиты остатки 4-й полицейской дивизии СС. На 7 апреля 1945 года в оперативном подчинении командования 23-й панцергренадерской дивизии СС была следующая бронетанковая группировка: одна StuG III при штабе соединения, 23-й танкоистребительный дивизион с одной 105-мм гаубицей StuH 42, 6-й танкоистребительный дивизион вермахта (один неисправный Pz.Kpfw.III и 15 САУ «Хетцер»), а также 210-я бригада штурмовых орудий (12 StuG III, 13 StuH 42, 11 Pz.IV/70(V)).

Впоследствии немецкий пленный, захваченный советскими разведчиками 20 апреля 1945 года, сообщил, что в 23-ю панцергренадерскую дивизию СС «Нидерланд» входят 48, 49-й и 50-й панцергренадерские полки, 23-й артиллерийский дивизион, 23-й батальон связи и приданная соединению (23 пгд СС) 300-я рота снабжения 9-й армии вермахта. Танкового подразделения, разведывательного и саперного батальонов в 23-й панцергренадерской дивизии СС на момент сдачи «языка» в плен не было. 23-й артдивизион (в немецких источниках танкоистребительный) имел 3 батареи по четыре 105-мм орудий на мехтяге в каждой. До 19 апреля дивизия находилась южнее Штеттина и активно участвовала в боях. Штаб снабжения на 20.04 находился в городке Кагель.

11-я добровольческая панцергренадерская дивизия СС «Нордланд» имела в своем составе множество подразделений и частей, в которых служили представители германской языковой группы: немцы, датчане, фламандцы, англичане, голландцы, норвежцы, шведы, швейцарцы, а также несколько десятков финнов и эстонцев (угро-финская языковая группа).

В начале апреля дивизия проходила переформирование и 7.04.1945 года представляла из себя довольно грозную силу. 23-й и 24-й панцергренадерские полки «Норге» и «Данмарк» были значительно пополнены, а в состав объединенной танковой группировки дивизий вошли следующие части: 11-й танковый батальон СС «Герман фон Зальца» (24 StuG III, 10 Pz.IV/70(V), 503-й отдельный батальон тяжелых танков СС (10 Pz. Kpfw.VI, 7 ЗСУ Flakpz IV), 184-я бригада штурмовых орудий вермахта (23 StuG III, 8 StuH 42). В течение апреля 11 пгд СС продолжала получать пополнение. 23.04.1945 года дивизии была передана германская унтер-офицерская школа из Дании и 500 человек из состава расформированной 25-й венгерской дивизии СС, 24.04 — штурмовой батальон «Шарлемань» — остатки 33-й дивизии СС. Впоследствии дивизия «Нордланд» сражалась в Берлине (около 5000 человек в конце апреля 1945 года). Фактически под ее оперативным командованием находилась испанская боевая группа «Эскерра», а также эсесовцы из 15-й гренадерской латышской дивизии СС (сводный полк). В мае 1945 года свои последние бои 11 пгд СС вела в центре столицы Третьего рейха, у рейхсканцелярии, где ее солдаты и сложили оружие. До 26 апреля 1945 года дивизией командовал генерал-майор войск СС Иоахим Циглер, а с 26 апреля по 3 мая — генерал-майор войск СС Густав Крюкенберг.

Из советских разведсводок известно, что 23-й панцергренадерский полк «Норге» 11-й панцергренадерской дивизии СС «Нордланд» был введен в бой в районе Букова, а затем отходил с боями через Штраусберг на Нойенхаген. В ротах полка «Норге» на тот момент оставалось 15—20 человек. 24-й панцергрена-

дерский полк «Данмарк» 23 апреля получил пополнение в количестве 150 человек из 653-го пехотного полка, а также дивизии «Берлин». 24 апреля в количестве 250 человек эта часть оборонялась в районе Карлхорста. 27 апреля 11-й панцергренадерской дивизии СС «Нордланд» был придан 62-й учебный артиллерийский артполк, который имел 3 дивизиона. Один из них (дивизионов) действовал как пехота, в двух других (1-й и 3-й) имелось двенадцать 105-мм орудий. Касаясь штурмового батальона французских эсесовцев «Шарлемань» (в советских источниках — 33-я гренадерская дивизия СС «Карл Великий» или пехотная бригада СС «Шарлемань»), то известно, что в 20-х числах апреля остатки этого соединения находились на переформировании в Берлине. 58-й полк был расформирован, остался только 57-й полк из двух батальонов, каждый четырехротного состава (в ротах по 80—100 человек, на вооружении рот 5—6 пулеметов и фаустпатронов). 2-й батальон находился в районе Ной-Стрелиц. 1-й батальон 57 пп 25 апреля был введен в бой в районе Нейкельна, его действия поддерживали 2 штурмовых орудия и тяжелый танк Pz.Kpfw.VI «Королевский Тигр».

Уже 28 апреля советские войсковые разведорганы перестали фиксировать отдельные соединения СС. В этот день отмечалось, что в районе парка Тиргартен сосредоточено около 20 тыс. эсесовцев, а в районе парка Фридрихенхайн — около трех тысяч. К уже перечисленным частям следует добавить батальон СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» (7 рот по 80 человек в каждой на 24 апреля 1945 года, на вооружении каждой роты — по 4 пулемета и 40 фаустпатронов; 7-я рота имела 16 81-мм минометов), который оборонялся в

районе Комендантен-штрассе и Альт-Яков-штрассе. К 28 апреля от этого подразделения осталось только 100 человек. Большая часть «берлинских» эсесовцев погибла, а остальные военнослужащие попали в плен Красной армии. Так, 30 апреля был захвачен бывший офицер испанской армии Лоренцо Оканас Серрано в чине обер-лейтенанта, который служил в батальоне, которым командовал майор Баллис (из сводного полка 15-й гренадерской латышской дивизии СС). В подразделении (батальоне) насчитывалось 300 человек, в том числе испанская группа (50 человек) под командованием капитана Мигуэля Эскерры. В Берлине отмечалось также наличие литовских частей СС (?). К 1 мая 1945 года боеспособных эсесовских подразделений в разведсводках уже не наблюдалось. Последние бои в районе парка Тиргартен и Зоологического сада вел артполк 18-й панцергренадерской дивизии вермахта и солдаты дивизии РАД «Фридрих Людвиг Ян».

На 7 апреля 1945 года в тылу 3-й танковой армии вермахта также находилась 18-я панцергренадерская дивизия (вермахта). Согласно приказу от 30 марта 1945 года, для ее укомплектования (1-й батальон 18-го танкового полка из трех танковых рот Pz.Kpfw.IV и одной батареи Pz.IV/70) использовались материальная часть и л/с танковых дивизий «Голштиния» и «Силезия». На 7.04.1945 года в 18 пгд имелся танковый батальон «Силезия» (25 Pz.Kpfw.IV, 7 Pz IV/70(A), танкоистребительный дивизион «Силезия» (19 САУ Jagdpanzer 38(t) «Хетцер») и панцергренадерский батальон.

В советских отчетных разведсводках 18-ю панцергренадерскую дивизию вермахта нередко, согласно показаниям немецких военнослужащих, именовали

ли 118-й танковой дивизией. Скорее всего, дивизию пытались переформировать по штатам 1945 года, где панцергренадерские дивизии упразднились. Это соединение начало создаваться в середине марта 1945 года в Баварии, откуда в конце марта было переброшено в район Эберсвальде. В состав (соединения) вошли остатки дивизий «Голштиния» и «Силезия», а также ряд запасных и специальных частей. Структурно 18 пгд состояла из 30-го и 51-го панцергренадерских полков (двухбатальонного состава по 3 роты в батальоне; каждая рота насчитывала около 120 человек и была вооружена 15 ручными пулеметами и 30 фаустпатронами), 118-го танкового полка (двухбатальонного состава) общей численностью 1000—1200 человек при 50 танках и САУ, 18-го артиллерийского полка (2 дивизиона), 18-го танкоистребительного дивизиона, 18-го батальона связи, 118-го разведбатальона, 118-го батальона бронетранспортеров, 18-го саперного батальона, зенитного дивизиона, санитарной роты, ремонтной роты, дивизионной роты охраны, роты снабжения и полевой почты.

Артиллерия соединения состояла из трех дивизионов, в каждом дивизионе по 3 батареи, из них одна тяжелая — 105-мм гаубиц и 2 легких батареи с 75-мм пушками.

В бой 18 пгд (118 тд) была введена по частям. Первым боевое крещение принял 51-й панцергренадерский полк майора Иоахима 17 апреля 1945 года. Дивизия принимала активное участие в обороне Берлина.

1 мая 1945 года 18 ап дивизии в составе 12 105-мм орудий все еще продолжал сопротивление советским войскам в Берлине в районе Зоологического сада.

Из-за нехватки материальной части в штатных танковых и панцергренадерских дивизиях в начале 1945 года в германской армии стали формировать множество танкоистребительных дивизионов, чтобы придавать их пехотным соединениям, сражающимся на самых ответственных участках фронта. В составе 3-й танковой армии было 2 танкоистребительных дивизиона: 1-й (4 StuG III, 11 StuG IV и 5 «Хетцеров») и 281-й (10 Jagdpanzer 38). Кроме этого, в бой пошли различные запасные учебные и сводные подразделения. В 3-й танковой армии находилось сформированное приказом от 24 марта 1945 года сводное соединение «Остзее» (штаб 104-й танковой бригады, штаб танкового полка «Кобург», 5-й и 13-й запасные танковые батальоны — всего 2 «Пантеры» и 2 истребителя танков Jagdpanzer IV), а также боевое подразделение «Штеттин» (1 Pz.Kpfw.IV и 1 трофейный Т-34). Всего же в 3-й танковой армии на 7 апреля 1945 года числилось 220 танков.

9-я немецкая полевая армия в составе 101-го армейского корпуса, 56-го танкового корпуса вермахта, 11-го танкового и 5-го горнострелкового корпусов СС обороняла 120-километровый фронт от Альте Одера до Ратцдорфа, имея в первом эшелоне 10 пехотных (или приравненных к ним) и одну панцергренадерскую дивизию: 5-ю легкопехотную, 606-ю народногренадерскую, 309-ю пехотную «Берлин», 9-ю парашютную, 303-ю пехотную «Доберитц», 169, 712, 286-ю пехотные, 32-ю гренадерскую дивизию СС «30 января», 391-ю охранную и 20-ю панцергренадерскую. Также в первый эшелон входило крепостное управление Франфуркта в составе 1, 2, 3, 4-го и 6-го крепостных полков, трех отдельных полков, 8 отдельных батальонов. Оперативные резервы на этом направлении со-

стояли из 18-й (на 7 апреля числилась в оперативном подчинении 3-й танковой армии. — *Примеч. авт.*) и 25-й панцергренадерских дивизий, танковой дивизии вермахта «Мюнхеберг», панцергренадерских дивизий «Курмарк», 156-й учебной и 1-й учебной авиаполевой дивизий. Эти соединения были сгруппированы на левом фланге армии в районах Эберсвальде, Бернау, Лойенберг, Зеелов, Марксдорф против советского плацдарма западнее Кюстрина.

9-я армия вермахта была усилена 4 народно-артиллерийскими корпусами, двумя зенитными дивизиями, одним отдельным артиллерийским полком, тремя бригадами штурмовых орудий, 5 танкоистребительными дивизионами, тремя танковыми батальонами, одной минометной бригадой и одним минометным дивизионом.

На участке Ратцдорф — Гросс — Гастрозе (30 км) по реке Нейсе против левого фланга 1-го Белорусского фронта оборонялся уже 5-й армейский корпус 4-й танковой армии вермахта в составе 35-й полицейской дивизии СС, а также 275-й и 214-й пехотных дивизий.

Главная полоса Одерского оборонительного рубежа перед 1-м Белорусским фронтом противником занималась 16 дивизиями и частями крепостного управления Франкфурта. Оперативные резервы немцев составляли 8 дивизий.

Подобная оценка состояния немецкой обороны руководством Красной армии не сильно отличалась от действительности. В таблицах, приведенных в тексте, даны советские разведданные, которые в книге сравниваются с германскими источниками. Конечно, советские оценки содержат меньше конкретики, но

итоговые цифровые показатели в целом совпадают с немецкими.

Таким образом, руководство Красной армии считало, что в полосе 1-го Белорусского фронта на участке от Шведта до Гросс-Гастроze противник имел 24 дивизии, из них: пехотных — 17, панцергренадерских — 6 и одну танковую.

Наиболее плотная группировка противника, как это видно из приведенной таблицы, была создана перед кюстринским плацдармом.

Кроме того, завершали формирование уже упомянутые дивизии РАД: пд «Теодор Кернер» западнее Берлина в районе Лагер Доберитц, пд «Фридрих Людвиг Ян» и 2-я панцергренадерская дивизия ВВС «Герман Геринг» — южнее Берлина в районе н/п Ютербог и армейская группа генерала Штейнера (группа состояла из остатков 15-й и 33-й гренадерских дивизий СС, судьба которых была описана выше; 21 апреля 1945 года в состав этой боевой группы была введена 3-я морская пехотная дивизия, переброшенная из района Сви-немюнде) — севернее Берлина в районе Финовфурт, Либенвальде. Во всех городах и крупных населенных пунктах формировались батальоны фольксштурма, из них в самом Берлине — около 200 батальонов общей численностью до 150 тыс. человек.

Путем сравнения германских и советских архивных источников автор постарается уточнить боевой состав некоторых подразделений 9-й полевой армии вермахта.

32-я добровольческая гренадерская дивизия СС «30 января», получившая свое название в честь даты прихода Гитлера к власти, состояла из 86, 87, 88-го гренадерских полков, 32-го танкоистребительного

дивизиона (на 7 апреля 1945 года имел 20 исправных штурмовых орудий StuG III и 8 105-мм гаубиц StuH 42), 32-го фузилерного батальона, 32-го зенитного дивизиона, 32-го саперного батальона, 32-го батальона связи, 32-го учебного батальона и подразделений обеспечения. Дивизия начала формироваться 30 января 1945 года, а в феврале уже насчитывала в своих рядах 12 000 человек. Основой для формирования соединения послужили курсанты и постоянный состав танковой и панцергренадерской школ СС, поэтому среди л/с дивизии было много военнослужащих танкистов, сражавшихся в качестве пехоты. С 15 марта по 8 мая 1945 года дивизией командовал штандартенфюрер Ганс Кемпин.

303-я и 309-я пехотные дивизии вермахта формировались в учебном лагере Доберитц на западной окраине Берлина в январе—феврале 1945 года. Это были соединения, хорошо укомплектованные (для данного периода) л/с и состоящие исключительно из немцев (в основном из молодежи).

303-я пехотная дивизия «Доберитц» под командованием генерал-майора Хебера состояла из 300, 301-го и 302-го пехотных полков (пехотные полки двухбатальонного состава, в батальонах по 3 стрелковых и одной пулеметной роте: 80—90 человек л/с, 8—9 ручных пулеметов и 15—20 фаустпатронов). В полках имелись 13-е роты тяжелого пехотного оружия и 14-е роты ПТО.

Артполк соединения был четырехдивизионного состава, имел около пятидесяти 105-мм орудий. В батареях находилось по 120—130 человек.

В танкоистребительном дивизионе «Доберитц» на 7 апреля 1945 года числилось 17 исправных орудий StuG III и одно неисправное.

Таким образом, 303 пд на 1 апреля имела 5200 человек, 330 пулеметов, 36 минометов, 8 орудий ПТО, 48 полевых и 12 самоходных орудий (18 на 7.04.1945).

309-я пехотная дивизия «Берлин» состояла из запасного пехотного полка «Великая Германия», 653-го и 654-го пехотных полков, 309-го артиллерийского полка, 309-х саперного, фузилерного, связного, учебного батальонов, подразделений обеспечения, а также 309-го танкоистребительного дивизиона. Если в артиллерийском полку вся штатная артиллерия была буксируемой, то 309-й дивизион ПТО имел смешанную структуру: 1-я батарея насчитывала 12 88-мм орудий на мехтяге, 2-я батарея — 12 САУ StuG III (данные на 7.04.1945), 3-я батарея — 12 37-мм орудий зенитной артиллерии на базе полугусеничных тягачей. По описаниям пленных в процессе боев под Эберсвальде в апреле 1945 года в дивизию поступили 88-мм САУ Waffentraeger конструкции доктора Ардельта.

Интересно, что танкоистребительные дивизионы «Доберитц» и «Берлин» были сведены в один «кулак» под общим руководством командования 502-го отдельного тяжелого танкового батальона СС (на 7 апреля 1945 года — 27 исправных «Королевских Тигров»).

Вообще дивизии, занимавшие позиции в первой линии немецкой обороны, были совсем неплохо укомплектованы. Так, 169-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Рачи была даже по-своему элитной. На головных уборах л/с соединения прикреплялась дополнительная металлическая эмблема в виде лосиных рогов (опознавательный знак соединения — белая «голова лося» в синем кругу).

169 пд была укомплектована здоровыми и крепкими молодыми людьми (30—35 лет), стариков и молоде-

жи в ней практически не было. Соединение состояло из 378, 379, 392-го пехотных полков, 230-го артиллерийского полка, 230-го танкоистребительного дивизиона, 230-х фузилерного, связного и саперного батальонов. Последнее переформирование 169 пд проходила в Дании, где была переименована в народно-гренадерскую и получила наименование «Лось» (видимо, оно так и не прижилось. — *Примеч. авт.*).

Полки дивизии — двухбатальонного состава, в батальонах по 4 роты — 3 стрелковых и одна тяжелого оружия. В каждом из полков имелись 13-е роты (пехотных орудий), насчитывалось 80—90 активных штыков. Рота тяжелого оружия батальона состояла из четырех взводов: два взвода 81-мм минометов (6 штук) и взвод легких пехотных орудий (две 75-мм пушки). Численность подобной роты была около 150 человек.

13-я рота структурно состояла из двух взводов: взвод тяжелых пехотных орудий (две 150-мм орудия) и взвод тяжелых 120-мм минометов. В подобных ротах было по 100 человек.

14-я рота структурно состояла из трех танкоистребительных взводов, вооруженных реактивными системами «Оффенрор»; численный состав подобной роты составлял 90—100 человек.

230-й артиллерийский полк состоял из трех дивизионов трехбатарейного состава — по 3 орудия в каждой батарее. Всего насчитывалось 27 орудий, из них два легких дивизиона, 105-мм пушка и одна тяжелая 150-мм пушка. Имелись данные, что после переформирования в Дании 230 ап получил еще один легкий дивизион 105-мм пушек и к середине апреля 1945 года насчитывал в своем составе 36 орудий.

230-й фузилерный батальон был сформирован из 3-го батальона 392-го пехотного полка и представлял собой обычный стрелковый батальон.

В 230-м танкоистребительном дивизионе одна из батарей была оснащена 10 75-мм САУ Jagdpanzer 38(t) «Хетцер» (данные на 7 апреля 1945 года).

На 1 апреля 1945 года боевой и численный состав 169 пд вермахта насчитывал 8800 человек (из них боевой состав — 7000 человек), 435 пулеметов, 48 минометов, 13 противотанковых орудий, 10 САУ и 54 полевых орудия. Доклад советской войсковой разведки гласил: «Дивизия вполне боеспособна. Личный состав, как по возрасту, так и по боевой выучке подготовлен хорошо и прошел опыт боев на советско-германском фронте. Больших потерь дивизия не имела».

Вообще, большинство кадровых пехотных (или приравненных к ним) соединений 9-й немецкой армии, прикрывавшей берлинское направление, имело в своем составе подразделения из танков и самоходных орудий (все данные на 7 апреля 1945 года). В 5-й легкопехотной (егерской) дивизии вермахта имелась 1005-я танкоистребительная батарея (один StuG III и 10 Pz.IV/70(A)). В 9-й парашютной дивизии (в реальности пехотная ВВС) находился танкоистребительный дивизион, насчитывавший одно неисправное штурмовое орудие StuG III и восемь 75-мм САУ Jagdpanzer 38 «Хетцер». 600-я пехотная дивизия (русская), сформированная из бывших советских военнослужащих, также имела свою «танковую группировку», состоящую из 10 САУ «Хетцер» (8 исправных и 2 неисправных) и 9 трофейных танков Т-34 (все неисправны). Оперативно дивизии были приданы 105-й дивизион штурмовых орудий СС (10 итальянских 47-мм

САУ Semovente 47/32, из них одна неисправна) и 105-я танковая рота СС (одна САУ 47/32 и 10 итальянских танков М 13/40; из них САУ и 5 танков были неисправны), переброшенные из Югославии. Даже 391-я охранная дивизия имела в составе танковое подразделение (2 Pz.Kpfw.III и один неисправный Pz.Kpfw.IV). Вероятнее всего, во взаимодействии с ней действовал 303-й танковый батальон специального назначения (радиотанков), почему-то имевший на вооружении 8 штурмовых орудий StuG III (2 исправных и 6 неисправных). Наличие подразделений танков и САУ позволяло сделать немецкую оборону одновременно более гибкой и мощной.

Однако костяком немецкой обороны на этом участке фронта являлись вновь сформированные оперативные резервы: танковая дивизия «Мюнхеберг», панцергренадерская дивизия «Курмарк» и 20-я панцергренадерская дивизия.

Танковая дивизия вермахта «Мюнхеберг» начала формироваться 5 марта 1945 года с использованием материальной части и оргштатных структур танкового батальона «Куммерсдорф». Сам батальон был организован 16 февраля 1945 года из одной смешанной роты «Куммерсдорф» и одной смешанной роты батальона «Штансдорф 1». Танковая рота «Куммерсдорф» состояла из трех линейных взводов с самой пестрой матчастью (танк «Королевский Тигр», САУ «Ягдтигр», 4 танка «Пантера», 2 танка Pz.Kpfw.IV, танк Pz. Kpfw.III (50-мм пушка L/60), 88-мм САУ «Насхорн», 150-мм САУ «Хуммель», 2 американских танка М4 «Шерман»), взвода броневт. автомобилей (четырёхосный BA Sd. Kfz. 233 (75-мм орудие L/24), четырёхосный BA Sd. Kfz. 231 (20-мм пушка), двухосный трофейный БА, танкетка-транспортёр для

доставки взрывчатых веществ В-IV (с 20-мм пушкой и 2 В-IV с пулеметом) и танкового взвода немобильных машин («Тигр-Порше» с 88-мм пушкой L/70, САУ «Штейр» с 88-мм пушкой L/70, танк итальянского производства Pz.Kpfw.40/26(i). По другим данным, на 13 февраля 1945 года в танковой роте «Куммерсдорф» имелось 4 StuG III, 3 Pz.Kpfw.V, 1 Pz IV/70 (A), 1 Pz IV/70 (V), 3 Pz.Kpfw.IV, 2 Jagdpanzer IV, 1 Pz.Kpfw.III с 50-мм пушкой L/60, 1 Pz.Kpfw.IV с короткоствольным 75-мм орудием, 1 «Ягдтигр», «Бергерпантера» (ремонтно-эвакуационная машина на базе танка «Пантера»). Численность смешанной танковой роты из танкового батальона «Штансдорф 1» авт.ору точно не известна. После начала формирования дивизии батальон «Куммерсдорф» был переименован в 1-й батальон 29-го танкового полка. По немецким данным, в его состав входило 4 роты (3 в структуре батальона, одна придана дополнительно, из которых 3-я рота батальона была организована и оснащена по штатам тяжелых танков), на 25 марта имевших в составе 36 танков: 4 Pz.Kpfw.IV Ausf. J, 21 Pz.Kpfw.V «Пантера», 6 Pz.Kpfw.VI «Тигр I», 4 Pz.Kpfw.VI «Королевский Тигр», САУ «Ягдтигр». 10 танков «Пантера» согласно планам немецкого командования поступили в дивизию 5 апреля 1945 года. 7 апреля 1945 года 1-й батальон 29 тп и одна рота 25-го панцергренадерского полка железной дорогой из Вюнсдорфа были отправлены на участок группы армий «Висла».

По советским данным, на 16 марта 1945 года танковая дивизия «Мюнхеберг» состояла из двух мотопехотных полков, танкового батальона и артиллерийского полка. Командиром дивизии был генерал-майор Мусерт. Командирами 1-го и 2-го панцергренадерских

полков являлись, соответственно, майор Штойбер и подполковник Родуст. Название дивизии позаимствовано у района формирования этого соединения, где на базе охранного полка «Великая Германия», других запасных подразделений 3-го Военного округа оно и было, собственно, создано. В начале апреля, не будучи еще полностью сформированной (отсутствовали противотанковый дивизион, саперный батальон, дивизион самоходных орудий, 13-я и 14-я роты гренадерских полков), соединение было переброшено в район западнее Кюстрина, где сменило части 25-й панцергренадерской дивизии.

По показаниям немецких пленных, оба мотопехотных полка были трехбатальонного состава, каждый батальон состоял из трех стрелковых рот по 60—70 человек личного состава, 7—8 ручных пулеметов, 25—30 фаустпатронов и одной роты тяжелого орудия: 100—130 человек, 8 станковых пулеметов и 6 81-мм минометов.

Артполк 3-х дивизионного состава имел новую материальную часть.

Боевой и численный состав дивизии на 1 апреля 1945 года составлял: 5000 человек, 150 пулеметов, 22 миномета, 12 противотанковых орудий, 25 полевых орудий и 45 танков. 20 апреля 1945 года дивизии была подчинена боевая группа «Эйслер», имевшая несколько десятков бойцов, действующих в пешем строю.

Реально это соединение представляло из себя боевую группу на базе танковой дивизии, однако в официальных документах тд «Мюнхеберг» изначально формировалось по штату 1945 года как полнокровная танковая дивизия. Немецкие данные на 7 апреля 1945 года указывают на наличие в тд «Мюнхеберг» 3 Pz.Kpfz.IV

(2 неисправных), один Pz.Kpfz.IV/70(A), 22 «Пантеры» (из них 4 неисправны), 13 «Тигров» (5 неисправных) и один Jagdpanzer IV. Видимо, командование вермахта в скором времени предполагало полностью укомплектовать это соединение согласно штатному расписанию. Однако, несмотря на свою недоукомплектованность, тд Мюнхеберг имела в своем составе роту танков «Тигр» и была сильнейшим соединением вермахта на берлинском направлении, участвуя в боевых действиях до 2 мая 1945 года. Так, еще 1 мая 1945 года 5 «Тигров» вели бои в районе Зоологического сада, последняя из этих машин (танк «Тигр I») была подбита в конце дня в районе Бранденбургских ворот.

Панцергренадерская дивизия «Курмарк» начала формироваться по штатам Panzer-Grenadier-Division 44 30 января 1945 года. Согласно типовой структуре, данная дивизия должна была иметь дивизион штурмовых орудий: три батареи Jagdpanzer 38 «Хетцер» и одну батарею Pz.IV/70. Фактически для формирования танкового подразделения панцергренадерской дивизии «Курмарк» был использован 51-й танковый батальон. На его оснащение с 23 по 25 января прибыло 28 САУ «Хетцер». 2 февраля 1945 года в состав дивизии дополнительно был включен 1-й батальон танкового полка «Бранденбург», имевший на вооружении 45 танков типа Pz.Kpfw.V «Пантера». По советским данным, пехотная дивизия «Курмарк» была преобразована в панцергренадерскую в районе города Мюнхеберг. В состав дивизии на середину апреля входили мотополк, артполк и танковый батальон. По показаниям пленных, отдельный танковый батальон был объединен с одним батальоном на бронетранспортерах в танковый полк. Командир дивизии — полковник Лангхайт.

Таким образом, называясь панцергренадерской, дивизия «Курмарк» по составу и численности материальной части реально являлась танковой. 26 января в состав дивизии была включена боевая группа из двух танков «Тигр I», которые были переданы из состава танкового корпуса «Великая Германия». На 15 марта 1945 года в составе дивизии числилось 3 танка Pz.Kpfw.IV (из них 2 исправных), 38 танков Pz.Kpfw.V «Пантера» (из них 26 исправных) и один боеготовый танк «Тигр I». На 7 апреля 1945 года имеются другие немецкие данные: 29 «Пантер» (одна неисправна) в танковом батальоне, 12 StuG III, 3 Pz.Kpfw.IV (один неисправен), неисправная «Пантера» и 12 Jagdpanzer 38(t) «Хетцер» (две неисправны) в танкоистребительном дивизионе. По показаниям пленных, захваченных советской разведкой, стало известно, что количество САУ и танков в дивизии на 14—16 апреля 1945 года колебалось в пределах 40—45 машин, а на пополнение личного состава дивизии прибыло до 1000 человек моряков. К началу Берлинской операции дивизия находилась в резерве в районе Лицена (юго-западнее н/п Зеелов) и была введена в бой только 16 апреля 1945 года в районе Дольгелин.

В конце апреля 1945 года (18—19 апреля 1945 года) панцергренадерская дивизия «Курмарк» активно вела бои в районе южнее Марксдорфа, где действовало до 20 танков типа Pz.Kpfw.V «Пантера», а затем отошла на Бухгольц.

С выходом советских войск в районы Ной-Мюле, Кинбаум, Хангельсберг создалась прямая угроза всем коммуникациям Франкфуртской группировки немецких войск. Для обеспечения целостности ее левого фланга из района Ной-Мюле в район Фюрстенвальде была переброшена часть сил дивизии «Курмарк», которые

заняли оборону на рубеже Хойнерсдорф, Берлендорф, 2 км зап. Фалькенхагена. Однако уже 20 апреля немецкие войска были выбиты из города Бухгольц и отошли в южном направлении, где и завершили боевые действия в полосе ответственности 1-го Украинского фронта.

20-я панцергренадерская дивизия после ее разгрома на Сандомирском плацдарме была превращена в боевую группу и действовала на правом фланге 1-го Украинского фронта. В середине марта она была выведена в район Фюрстенвальде, получив пополнение в личном составе и технике. На 15 марта 1945 года в дивизии числилось 19 танков Pz.Kpfw.IV (все неисправны), 21 истребитель танков Pz.IV/70 (V) (все исправны) и 3 ЗСУ на танковом шасси. Дивизия имела 76-й и 90-й гренадерские полки (76-й имел на вооружении бронетранспортеры), 20-й артиллерийский полк, 20-ю роту охраны, 20-й противотанковый дивизион, 20-й батальон связи, 20-й саперный батальон и другие спецподразделения. Командиром дивизии был генерал-лейтенант Яуэр, командиром 90-го гренадерского полка — полковник Шумен.

В течение 12—13 марта 1945 года дивизия была переброшена в район западнее города Кюстрин, где безуспешно вела бои по деблокированию кюстринского гарнизона в течение марта — начала апреля 1945 года. С началом Висло-Одерской операции советских войск дивизия продолжала оставаться в указанном районе.

В боях за Кюстрин 76-й гренадерский полк потерял 350 человек убитыми и 230 ранеными. 28 марта 1945 года дивизия получила пополнение в количестве 3500 человек (главным образом летный состав из Фюрстенвальде). На 7 апреля 1945 года в 8-м танковом батальоне дивизии было 16 Pz.Kpfw.IV (одна неисправна), 3 ЗСУ Flakpz IV и 16 истребителей танков Pz.IV/70(A).

После начала нового советского наступления 20-я панцергренадерская дивизия вела оборонительные бои в районе Зеелов, Гузов. Согласно показаниям пленных, на 19 апреля 1945 года остатки 76-го панцергренадерского полка (100—150 человек) обороняли н/п Оберсдорф. 90-й полк также был практически полностью уничтожен. Из разговоров офицеров штаба одному из пленных стало известно, что 20-й артиллерийский полк потерял до 70 % материальной части, а дивизион ПТО — все орудия. Саперный батальон был полностью уничтожен. Пленный 20-го саперного батальона, захваченный 18 апреля 1945 года, показал: «При появлении русских 3-я рота разбежалась. Я в числе 14 человек был задержан на дороге жандармерией и послан в район н/п Гельсдорф, где находится штаб. Когда мы вновь увидели бегущих немецких солдат и оставили окопы, нас опять задержала жандармерия и послала на позиции в районе н/п Марксдорф. Нас было 17 человек во главе с лейтенантом. При приближении русских танков все разбежались, и первым убежал лейтенант. Я скрылся в одном доме и 18 апреля сдался в плен». Разведбатальон до 16 апреля насчитывал 80 человек и использовался как охрана штаба. На 20 апреля в батальоне осталось 15 человек. В самоходных установках имелся запас горючего только на 25 км. На 19 апреля штаб дивизии находился в городе Хохенгартен. К утру 20 апреля на участке 20-й панцергренадерской дивизии — Мюнхеберг — Эгерсдорф — Темпельберг образовался прорыв. На этом участке продвигающиеся передовые отряды советских войск сопротивления не встречали. Пленный радист разведбатальона 20-й панцергренадерской дивизии показал: «Командир 20 мд (пгд) в своих радиogramмах командирам мотополков требовал любой ценой

удерживать позиции, на что последовал ответ: “Несем большие потери, русские обошли наши позиции, солдаты бегут, нечем держаться”. На это командир дивизии ответил: “Бегущих расстреливать!”».

В 10.30 20.04.45 года группа пехоты противника численностью до батальона из состава 20-й панцергренадерской дивизии при поддержке артиллерии совершила последнюю попытку контратакой из леса юго-западнее Мюнхеберга выйти на тылы советских войск в районе н/п Эгерсдорф, но была полностью разгромлена. Уже 24.04.45 года 20-я панцергренадерская дивизия перестала существовать как боевая единица, имея в своем составе 80 % фолькштурмистов и только 20 % старого состава. Танков и САУ в составе дивизии практически не осталось, а личный состав действовал как пехота.

Кроме танковых соединений в боях за Берлин германское командование активно использовало отдельные бригады штурмовых орудий и отдельные танкоистребительные дивизионы и батареи. В обороне столицы Германии участвовали: 184-я бригада штурмовой артиллерии, 243-я бригада штурмовой артиллерии, 249-я бригада штурмовой артиллерии, 322-я бригада штурмовых орудий, 394-я бригада штурмовых орудий, 111-я учебная бригада штурмовой артиллерии, а также I (920-я) учебная бригада штурмовых орудий «Шилль».

184-я бригада штурмовой артиллерии под командованием капитана Корнелиуса стала участвовать в боевых действиях в составе 11-й панцергренадерской дивизии СС с 18 апреля 1945 года, имея задачу выдвинуться и оборонять восточные подступы к городу Эберсвальде, но из-за быстрого продвижения советских войск бригада расположилась в районе населенного пункта Финов.

Так как непосредственно крупных столкновений с советскими войсками у 184-й бригады не было, капитаном Корнелиусом практиковались разведывательные вылазки в направлении на Бернау. При столкновении с советскими войсками артиллеристы отступали. В середине апреля 1945 года бригада вела оборонительные бои в районе н/п Лихен между населенными пунктами Бибенвальде и Зехденик.

Когда советские войска обошли позиции 184-й бригады с юга и с севера и стремительно двинулись на запад, командир соединения счел свою задачу выполненной и решил пробиваться на север, в Голштинию. Там, в районе Нейбранденбурга, вела боевые действия вторая часть 184-й бригады, обороняя северную часть города вместе с солдатами 181-й пехотной дивизии. В конце апреля остатки этой части бригады отступили в район Гюстрова и Штенберга, где были вынуждены капитулировать перед советскими войсками.

Остатки соединения, участвующего в Берлинской операции, погрузились на платформы и через два дня прибыли в Хохен-Вильгельм. В этот период в бригаде оставались только добровольцы.

243-я бригада штурмовой артиллерии вступила в бои с советскими войсками в конце апреля 1945 года, имея на вооружении САУ StuG III и Pz.IV/70 (A). Она была оперативно подчинена пехотной дивизии «Теодор Кернер» под командованием генерала Франкевича из состава 12-й армии вермахта. Эти соединения вместе с подразделениями школы штурмовой артиллерии, а также пд «Шарнхорст», «Ульрих фон Хуттен», «Фридрих Людвиг Ян», прорывали внешнее кольцо окружения советских войск в районе Бухгольц, Беелитц. В начале мая, частично деблокировав окруженные

немецкие войска 9-й армии и 4-й танковой армии, части 12-й армии вермахта продолжали вести бои на два фронта — против советских и англо-американских войск. В этот период 243-я бригада штурмовой артиллерии подчинялась 38-му танковому корпусу вермахта в Гентине. Однако вскоре штаб корпуса прекратил свое существование и командир бригады капитан Рубиг некоторое время оборонял город Ратенов по собственной инициативе. 7—8 мая 1945 года личный состав 243-й бригады штурмовой артиллерии оставил позиции, переправился через Эльбу в районе Тангермюнде и сдался в плен американцам. Часть личного состава 243-й бригады (5 офицеров и 60 рядовых) американское командование вернуло советским войскам.

249-я бригада штурмовой артиллерии после разгрома в Восточной Пруссии и Померании переформировывалась в районе Крампнитца. В бригаде была создана батарея мотопехоты, а в течение 24—25 апреля 1945 года на заводе «Алкетт» в Шпандау (пригород Берлина. — *Примеч. авт.*) экипажами были получены новые штурмовые орудия. В этот же день бригада получила приказ убыть на Западный фронт вновь в район Крампнитца для участия в контрударе по американским войскам на Эльбе. Пока бригада находилась под Берлином, контрудар был нанесен, поэтому командование 249-й бригады штурмовой артиллерии осталось в столице Германии и заняла оборону в районе Бранденбургских ворот. После начала штурма Берлина оборона города стала носить очаговый характер. Штурмовые орудия 249-й бригады вели бои в районах Франкфуртер-аллее, Ландсбергерштрассе, Александерплац. 29 апреля 1945 года бои продолжались в районе Политехнической школы, где находился командный пункт бригады, а 30 апреля —

в чрайоне улицы Берлинерштрассе. 1 мая 1945 года организованное сопротивление немецких войск в столице Германии было прекращено. Берлин пал. Командир бригады капитан Яшке собрал оставшийся личный состав и предложил пробиваться на Запад. 3 мая 1945 года, воспользовавшись тем, что Красная армия только устанавливала контроль над городом, несколько штурмовых орудий и грузовиков прорвались в район Шпандау. Далее остатки бригады разделились на две группы: первой во главе с командиром бригады удалось прорваться в американскую зону оккупации, а вторая была уничтожена советскими войсками.

322-я бригада штурмовых орудий до 31 января 1945 года находилась в Силезии. После того как остатки бригады сдали материальную часть и 31.01.1945 года убыли с фронта на переформирование, данные немецких архивов по 322-й бригаде отсутствуют. Однако бригада все же была переформирована. В разведсводках 3-й гвардейской танковой армии, действующей в составе 1-го Украинского фронта южнее города Берлина, в период с 12 по 16 апреля отмечаются боевые действия именно с 322-й бригадой штурмовых орудий вермахта на участке Гросс Бризен, Губихен.

394-я бригада штурмовых орудий в конце марта 1945 года прибыла с Западного фронта в школу немецкой штурмовой артиллерии в городе Бурге. После доукомплектования она была включена в состав 12-й армии вермахта под командованием генерала Венка. По немецким данным, в конце апреля 1945 года 394-я бригада во взаимодействии со сводной пехотной дивизией «Фердинанд фон Шилль», имевшей в своем составе одноименную бригаду штурмовых орудий, участвовала в попытках немецкого командования деблокировать

окруженные в районе Берлина войска. Потеряв в боях все свои штурмовые орудия, личный состав бригады влился в дивизию, где сражался в качестве пехоты. После объявления приказа о капитуляции немецких войск оставшийся личный состав пересек Эльбу и сдался американским войскам, которые согласно договоренностям передали пленных в руки Красной армии.

111-я учебная бригада штурмовой артиллерии или II учебная бригада штурмовых орудий начала формироваться в Бурге на базе школы штурмовой артиллерии (по другим данным, бригада начала формироваться в феврале 1945 года. — *Примеч. авт.*). Так же как и учебная танковая дивизия на Западе, 111-я учебная бригада штурмовой артиллерии была элитным соединением. Бригадой командовал капитан Ганс-Иоахим Вагнер. Сама бригада состояла из штабной и трех линейных батарей. Штабная батарея была укомплектована офицерами, сержантами и солдатами из состава школы штурмовой артиллерии, 1-я линейная батарея — личным составом и, возможно, техникой 1-й батареи 909-й бригады штурмовых орудий, а 2-я батарея — остатками 191-й бригады штурмовых орудий, 3-я — сформирована заново на базе школы. 15 марта 1945 года бригада получила с заводов фирмы «Алкетт» 16 истребителей танков Pz.IV/70 (A). На 7 апреля боевой состав 111-й бригады был следующим: 33 StuG III, 9 StuH 42, Pz.IV/70(A) — 6 (одна неисправна).

В Берлинской операции бригада занимала оборону в районе Фриенвальде, Фюрстенберг. После начала наступления советских войск 16 апреля 1945 года бригада с боями отходила на северо-запад. В начале мая 1-я и 2-я батареи пересекли Эльбу в районе Виттенберге и сдались в плен американцам. 6 мая 1945 года в

районе Горлема пересекла Эльбу 3-я батарея. Однако не весь личный состав ушел на Запад. «Боевая группа Вагнера», сформированная из оставшейся материальной части под командованием капитана Вагнера, командира бригады и оставшихся добровольцев, вела оборонительные бои против Красной армии в районе Лауэнбург — Людвигслюст — Перлеберг. По окончании боевых действий большая часть этой группы попала в плен советским войскам.

920-я учебная бригада штурмовых орудий, или I учебная бригада штурмовых орудий, была вновь сформирована из 303-го дивизиона штурмовых орудий временного формирования, приданного пехотной дивизии «Доберитц». Бригадой командовал майор Вольфганг Кэпп. В середине апреля бригада находилась на фронте группы армий «Висла», обороняя позиции по реке Одер. В составе группировки 9-й армии и 4-й танковой армии вермахта в конце апреля 920-я учебная бригада попала в окружение юго-западнее Фюрстенвальде. По немецким данным, штурмовые орудия бригады участвовали в попытке прорыва из окружения частей 9-й армии и вели бои в районе Хальбе, Меркиш-Бухгольц. Несмотря на то что основная часть личного состава и техники этого соединения была уничтожена, отдельные машины и единичные экипажи все же вырвались из окружения в районе Белитца (южнее Потсдама) и в последние дни сражались в составе 12-й армии вермахта, а затем сдались американским войскам в районе Тангермюнде.

III учебная бригада штурмовых орудий была сформирована в районе Бурга в феврале—марте 1945 майором Вайрстом, который и стал ее командиром. В течение апреля 1945 года бригада вела боевые действия против американских войск в районе Магдебурга. В начале мая

бригада была переброшена на советско-германский фронт. Последняя боевая задача этого соединения — оборона железнодорожного моста через Эльбу в Тангермюнде. 8 мая 1945 года III учебная бригада штурмовых орудий капитулировала перед советскими войсками.

Учебная бригада «Фердинанд фон Шилль», или «Шилль», была сформирована начальником школы штурмовой артиллерии в Бурге подполковником Альфредом Мюллером предположительно в апреле 1945 года в связи с приближением линии фронта. Материальная часть школы, способная вести боевые действия, была включена в бригаду, а все тыловые службы и учебное оборудование были отправлены в Австрию. Видимо, на вооружении бригады были САУ всех возможных типов, — так, например, известно, что в школе штурмовой артиллерии было 2 САУ Pz.IV/70 (A), несколько StuG III различных модификаций и другие самоходные установки.

После окончания формирования под наименованием дивизион штурмовых орудий «Бург» выдвинулась с Западного на Восточный фронт (между которыми было всего 80 км. — *Примеч. авт.*). На фронте Мюллер, произведенный в полковники, принял командование сводной дивизией, состоящей из различных подразделений. Дивизион штурмовых орудий «Бург» и III бригада штурмовых орудий образовали бригаду штурмовых орудий «Шилль», которая, в свою очередь, являлась частью дивизии «Фердинанд фон Шилль». Данное соединение находилось около Лехнина, подчиняясь 22-му корпусу 12-й армии вермахта генерала Венка. Контратаки немецких войск с целью деблокировать гарнизон Берлина, а также вывести осажденные немецкие войска, окруженные южнее немецкой столицы, результата не

дали. Продолжая оборонительные бои, дивизия медленно «пятилась» на Запад. К 7 мая 1945 года ее остатки находились в районе Эльбы, севернее Магдебурга. Личный состав дивизии сдался американским войскам, которые затем согласно договоренностям передали немцев представителям Красной армии.

Кроме крупных танковых соединений и бригад штурмовых орудий при подготовке к Берлинской операции, а также в ходе боев за Берлин, немецким командованием вводились в бой части весьма оригинальной штатной структуры. Прежде всего, ими являлись отдельные танкоистребительные дивизионы и батареи САУ и сводные танковые подразделения.

На 7 апреля 1945 года в составе 9-й армии вермахта находились 2-й танкоистребительный дивизион вермахта (25 САУ Jagdpanzer 38(t) «Хетцер», одна из них неисправна) и 560-й танкоистребительный дивизион СС («Боевая группа 1001 ночь»): 8 StuG III (из них 2 неисправны) и 44 «Хетцера» (7 неисправных).

На немецкой стороне в Берлинской операции советских войск также участвовал 1170-й отдельный дивизион штурмовых орудий. Он был сформирован 8 апреля 1945 года с привлечением личного состава 322-й бригады штурмовых орудий в Бурге. Дивизион имел в своем составе штабную, две линейных, а также мотопехотную батареи и был оперативно подчинен пехотной дивизии «Шарнхорст», находящейся в Линдау, севернее городка Цербст. Дивизион должен был поддерживать полк Лангмайера. Сама дивизия в середине апреля 1945 года входила в 20-й корпус 12-й армии вермахта.

1170-й дивизион принял свой первый бой с американскими войсками между Дэссау и Магдебургом. С 25 апреля дивизия «Шарнхорст» и 1170-й отдельный

дивизион штурмовых орудий находились на советско-германском фронте. 28 и 29 апреля 1945 года в районе Бельцига эти части контратаковали советские войска, пытаясь соединиться с окруженной группировкой 9-й армии вермахта. К вечеру 29.04.1945 года в дивизионе осталось лишь несколько САУ. После неудачных попыток спасти 9-ю армию и деблокировать Берлин соединения 12-й армии вермахта под ударами советских войск отступили к Эльбе. Остатки 1170-го дивизиона обороняли населенный пункт Ратхеновоколо Гентхина, а затем отошли в местечко Хавельберг на Эльбе. Немногим более 80 человек — всё, что осталось от дивизиона в районе Тангермюнде — сдались американским войскам.

Из отдельных танкоистребительных батарей вермахта на 7 апреля 1945 года в 9-й полевой армии числились две: 15-я (один Pz.Kpfz.IV и 16 «Хетцеров», из них одна САУ неисправна) и 1129-я (12 «Хетцеров», из них две неисправны).

Огневая поддержка обороняющихся германских частей из 9-й полевой армии вермахта возлагалась на 404-й народно-артиллерийский корпус. Это соединение было сформировано в ноябре 1944 года в городе Гамбурге и состояло из 7 дивизионов (две огневых и одна штабная батареи в каждом). 1-й дивизион был вооружен тяжелыми мортирами, 2-й — 88-мм орудиями ПТО, 3-й — 105-мм тяжелыми полевыми гаубицами, 4-й — легкими 105-мм полевыми гаубицами, 5-й — советскими 122-мм орудиями, 6-й — 88-мм ПТО, 7-й — советскими трофейными 122-мм артсистемами. Все орудия были на мехтяге. В конце января 1945 года корпус в полном составе был переброшен на Кюстринский плацдарм, а затем располагался в полосе обороны 9А. По

показаниям взятого в плен военнослужащего 404-го народно-гренадерского корпуса (14-я батарея 5-го дивизиона), в соединении ощущался недостаток снарядов: «На каждое орудие батареи к 20 апреля приходилось примерно по 30 выстрелов. Всегда указывалось, что снаряды должны экономиться. Огонь можно было открывать только с разрешения штаба дивизии. Подвоз боеприпасов был затруднен вследствие тяжелого положения с бензином и, возможно, с производственными затруднениями в промышленности Германии». 404-й корпус поддерживал огнем тд «Мюнхеберг», 118 тд, панцергренадерскую дивизию «Курмарк» и другие части, а к концу апреля как целостное соединение перестал существовать.

Вообще в оборонительных боях под Берлином использовалось чрезвычайно много германских артчастей. Так, например, юго-западнее Зелова 17 апреля была введена в бой 26-я крепостная танкоистребительная бригада, которая была сформирована в феврале 1945 года в районе Франкфурта. Соединение состояло из 8 батарей, каждая из них имела 8—12 орудий, в основном советского производства. Из-за того что у бригады отсутствовали средства механической тяги, большую часть пушек бросили при отступлении. Примерно такая же судьба была и у других немецких артполков и дивизионов.

С 21 апреля 1945 года в полосе обороны 9-й армии начали массово вводиться в бой батальоны фольксштурма (103, 107, 109, 3/205, 3/209), а для прикрытия главной магистрали Мюнхеберг — Берлин была введена в бой танкоистребительная бригада «Дора». Это соединение было сформировано в середине марта 1945 года в районе Фюрстенвальде. К моменту ввода в бой она

имела в своем составе только 1-й батальон из четырех рот. На вооружении каждой из рот находились карабины, 2 пулемета и 100 фаустпатронов.

Что касается введенных в бой батальонов фолькштурма, то их численность колебалась в пределах от 150 до 400 человек, а вооружены они были карабинами, ручными пулеметами и фаустпатронами.

Возвращаясь к оценке немецкой группировки, следует перечислить состав германских сил, действующих перед войсками 1-го Украинского фронта.

Группа армий «Центр» в составе 4-й и 17-й полевой армии вермахта оборонялась перед войсками 1 УФ. 4-я танковая армия (без 5-го армейского корпуса) под командованием генерала танковых войск Грейзера в составе танкового корпуса «Великая Германия» (тд «Охрана фюрера», тд «Богемия», панцергренадерская дивизия «Бранденбург») и 57-го танкового корпуса оборонялась на 160-километровом фронте от Гросс-Гастрозе до Левенберга, прикрывая важнейшие направления: Коттбус — Берлин, Коттбус — Торгау, Герлиц — Дрезден. 230-километровый фронт от Левенберга до Крнова (160 км юго-восточнее н/п Яуэр, где проходила левая разграничительная линия 1-го Украинского фронта) оборонялся 17-й немецкой полевой армией под командованием генерала Газе в составе 8, 17, 72-го армейских и 40-го танкового корпусов.

4-я танковая и 17-я полевая армии были усилены двумя зенитными артиллерийскими дивизиями (10-й и 17-й), несколькими бригадами штурмовых орудий (из них известны 236, 300-я и 311-я), тремя артиллерийскими бригадами (405, 732-й и 3-й), тремя танкоистребительными бригадами (1, 2-й и 3-й), одной саперной бригадой (18-й), двумя отдельными танковыми полка-

ми, 6 артиллерийскими полками, 17 отдельными артиллерийскими дивизионами и 7 отдельными противотанковыми дивизионами.

На главной полосе обороны германское командование развернуло 17 дивизий: 36-ю гренадерскую дивизию СС11, 342-ю пехотную дивизию, 545-ю народно-гренадерскую дивизию, 615-ю дивизию особого назначения, 72-ю пехотную дивизию, 6-ю народно-гренадерскую, 17-ю пехотную, 100-ю легкопехотную, 208, 359-ю и 269-ю пехотные дивизии, 31-ю гренадерскую дивизию СС, 45-ю народно-гренадерскую, 78, 168, 254-ю пехотные дивизии и панцергренадерскую дивизию «Бранденбург».

В оперативном резерве противник имел 8 дивизий: 21-ю танковую дивизию и запасную бригаду «Великая Германия» в районе Коттбуса; танковые дивизии вермахта «Охрана фюрера» и «Богемия» в районе Штремберга; 10-ю танковую дивизию СС «Фрундсберг» в районе Лаубана; 20-ю гренадерскую эстонскую дивизию СС в районе н/п Хохен — Фридеберг (16 км южнее Яуера); 20-ю танковую, 344-ю пехотные дивизии и танковую дивизию «Герман Геринг» в районе Мюнстерберга, Патшкау (85 км юго-восточнее Яуера).

Таким образом, на 390-километровом участке фронта от Гросс-Гастрозе до Крнова немецкое командование располагало всего 25 дивизиями, из них: 18 пехотными, одной панцергренадерской и 6 танковыми.

Кроме того, в районе Дрездена в стадии формирования находилась корпусная группа генерала Мозера в составе 193, 404-й и 464-й пехотных дивизий.

Непосредственно в полосе наступления ударной группы 1-го Украинского фронта (иск.) Форст, (иск.) Пенцих (70 км) оборонялись войска 4-й танковой ар-

мии вермахта в составе трех пехотных (342-я пехотная, 545-я народно-гренадерская, 615-я пехотная особого назначения дивизии), четырех танковых (21-я танковая дивизия, 10-я танковая дивизия СС, дивизии вермахта «Охрана фюрера» и «Богемия») дивизий, панцергренадерской дивизии «Бранденбург», пехотной бригады «Великая Германия», 687-й саперной бригады, а также ряд отдельных полков, батальонов и групп.

Большая часть соединений и частей группы армий «Центр» принимала в битве за Берлин лишь опосредованное участие, поэтому автор в этой книге ограничился их перечислением, не подвергая состав и структуру этой группировки многостороннему анализу.

План предстоящих немецких действий в битве за Берлин строился на упорной обороне занимаемых позиций и контрударов во фланги наступающим войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

За исключением плохо подготовленного фольксштурма резервов на берлинском направлении было крайне мало. Оперативные резервы составляли 16 дивизий, которые были расположены за 20—30 км за линией фронта. В более глубоком тылу, за исключением 9 реорганизуемых соединений (три пехотные дивизии, входившие в состав армейской группы генерала Штейнера, пехотные дивизии «Теодор Кернер», «Фридрих Людвиг Ян», панцергренадерская дивизия (2-я) «Герман Геринг» и три пехотные дивизии корпусной группы генерала Мозера), никаких резервов не было. Поэтому, когда советские войска прорвали германскую многоэшелонированную оборону и вышли на оперативный простор, в бой начали вводить импровизированные соединения и части.

20 апреля 1945 года начала формироваться боевая группа Риттера (который 22 апреля возглавил это соединение), состоящая из штаба 2-го танкового батальона 36-го танкового полка, 4-й роты 11-го танкового полка, роты броневых автомобилей и 614-й танково-истребительной батареи. В последнем подразделении находилось четыре 88-мм самоходные установки «Элефант» (Sd.Kfz.184), две из которых были брошены из-за неисправностей в районе Франкфурта-на-Одере. Оставшиеся машины вели боевые действия в пригородах Берлина в районе испытательного полигона города Цоссена. Дополнительно в состав роты был включен трофейный советский танк Т-35, который вскоре был подбит. В окруженном городе последние два самоходных орудия «Элефант» вели боевые действия в составе Берлинского гарнизона — на площади Карла-Августа и у Церкви Святой Троицы. По другим данным, один «Элефант» был брошен в районе Миттенвальде из-за неисправностей двигателя. Второй «Элефант» вел боевые действия с позиций около Кляйн Кернсхат у дороги на Лептен.

С 20 по 22 апреля 1945 года из последних поступающих с заводов танков было создано несколько танкоистребительных подразделений, действующих южнее города Цоссена против наступающих советских войск 3-й гвардейской танковой армии: 2-й батальон 36-го танкового полка и 2-й батальон 2-го танкового полка. Большинство из них вошли в боевую группу полковника Кетхера. Известна численность 2-го батальона 2-го танкового полка: 2 танка «Пантера», 2 БРЭМ «Бергерпантера» из состава 2108-го танкового батальона, 1 «Пантера» с заводов «Крупп», 11 «Пантер», полученных с заводов «Даймлер-Бенц» (из Мариенфель-

де). Большинство из «Пантер» вступило в бой к вечеру 22 апреля 1945 года, а 6 по мере прибытия участвовали в боях с 23.04.1945 года.

В это же время в Шпандау была сформирована специальная боевая рота полугусеничных бронетранспортеров: один Sd.Kfz.251/3, один Sd.Kfz.251/9, 6 Sd.Kfz.251/1, 6 Sd.Kfz.251/16. Место ее применения автору неизвестно.

Юго-восточнее Берлина 25—26 апреля 1945 года попала в окружение значительная группировка немецких войск, состоящая из части сил 9-й армии и 4-й танковой армии вермахта

Для деблокирования окруженных войск, а в перспективе и столицы Германии, немецким командованием была создана группировка из нескольких дивизий и бригад 12-й армии вермахта под командованием генерала танковых войск Венка, переброшенных с Западного фронта. По советским данным, на 29 апреля 1945 года в нее входили дивизия «Фердинанд фон Шилль» (район наступления Лехнин), дивизии «Ульрих фон Хуттен» (район наступления Белиц), «Шарнхорст», 7-й пехотный полк дивизии «Теодор Кернер» и пехотная дивизия «Фридрих Людвиг Ян» (район наступления иск. Бухгольц, Нихель). Эту группировку поддерживало до 65 танков и самоходных орудий. 20 из них относились к 243-й бригаде штурмовой артиллерии, 10—12 к отдельной батарее САУ «Магер», 10 — к танкоистребительной батарее «Вульфен», которые, в свою очередь, входили в 3-й танкоистребительный дивизион. Дополняя имеющуюся информацию германскими данными, получаем реальный состав немецкой танковой группировки, пытавшейся нанести удар по советским войскам. «Шарнхорст» поддерживал вышеупомянутый 1170-й дивизион

зион штурмовых орудий, 7-й пехотный полк дивизии «Теодор Кернер» — 243-я бригада штурмовой артиллерии, пд «Ульрих фон Хуттен» — отдельная батарея САУ «Магер» и танкоистребительная батарея «Вульфен», пд «Фридрих Людвиг Ян» — САУ неустановленной принадлежности. Сводная дивизия «Фердинанд фон Шилль» имела для огневой поддержки бригаду штурмовых орудий «Шилль», состоящую из III учебной бригады штурмовых орудий и отдельного дивизиона штурмовых орудий «Бург». В 243-й бригаде числились САУ StuG III и 3—4 Pz.IV/70 (A), в 1170-м дивизионе на момент этой операции — предположительно StuG III и не менее 10 Jagdpanzer 38 «Хетцер», полученных для дивизии 10 апреля 1945 года, в отдельных батареях «Ульрих фон Хуттен» — 10 САУ Jagdpanzer 38, предположительно 10 САУ Waffentrager, двенадцать 88-мм орудий Рак 43, буксируемых бронированными тягачами, собранными на базе трофейных французских колесных бронетранспортеров. В дивизии «Фердинанд фон Шилль» были САУ самых различных марок и назначения.

В боях 26—27 апреля им удалось незначительно потеснить советские войска внешнего фронта окружения (4-й гвардейской танковой армии и 13-й общевойсковой армии) и к исходу 28 апреля 1945 года захватить южную часть города Бранденбург. В течение 29—30 апреля 1945 года на стыке двух фронтов западнее Вендиш-Бухгольц окруженная немецкая группировка прорвала оборону 3-го стрелкового корпуса 28-й армии и стала отходить на Луккенвальде по коридору прорыва шириной 2 км. В том же направлении с запада продолжали наносить удары пехотные дивизии 12-й немецкой армии. Возникла угроза соединения двух вражеских

группировок. К исходу 29 апреля советские войска решительными действиями остановили продвижение противника в районе Шперенберг, Куммерсдорф (12 км восточнее Луккенвальде). Однако уже 30 апреля немецкие атаки на внутренний фронт окружения возобновились. Несмотря на то что немецкие части были расчленены на три различные группировки еще 29 апреля, одной из групп в ночь на 1 мая удалось пробиться на стыке 13-й и 4-й гвардейской танковой армии в районе Белица. От 12-й армии ее отделяло всего 3—4 км. Однако в связи с введением в бой советской стороной четырех свежих танковых и механизированных бригад, к исходу дня эта группировка была ликвидирована.

Для обороны самого города еще 22 января 1945 года начала формироваться особая танковая рота «Берлин» из 10 танков Pz.Kpfw.V и 12 танков Pz.Kpfw.IV, у которых по каким-либо причинам не подлежали восстановлению двигатель или ходовая часть. Перед угрозой возможного советского наступления в период проведения Висло-Одерской операции подобное боевое подразделение форсированными темпами было сформировано к 24 января 1945 года. В дальнейшем эта рота была усилена неподвижными огневыми точками (из подбашенной коробки в виде бункера и башни танка «Пантера»), которые были вкопаны на наиболее «танкоопасных» улицах Берлина и приняли активное участие в обороне города.

На берлинском направлении в общей сложности перед войсками трех наших фронтов действовало: пехотных дивизий — 49, танковых — 7, моторизованных — 8, отдельных пехотных бригад — 4, отдельных пехотных полков — 37, отдельных пехотных батальонов — 98, отдельных танковых полков — 2, артилле-

рийских корпусов — 4, артиллерийских дивизий — 5, артиллерийских и минометных бригад — 16, отдельных артиллерийских полков усиления — 10.

Таким образом, под командованием генерала Хейнрици и генерал-фельдмаршала Шернера, который получил свой чин 5 апреля 1945 года (соответственно группы армий «Висла» и «Центр»), насчитывалось около 1 млн солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 10,4 тыс. орудий и минометов. Воздушное прикрытие осуществляли 3,3 тыс. боевых самолетов.

Анализируя действия германского политического руководства и военного командования при подготовке к битве за Берлин, можно сделать вывод о том, что это сражение рассматривалось немецкими властями как наиважнейшая операция, определяющая судьбу германского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

¹ Der Spiegel, 1966, Nr. 3, s. 34.

² Trevor-Roper H. The last Days of Hitler. L., 1972, p. 100.

³ Luedde-Neurath W. Regierung Doenitz. Die letzten Tage des dritten Reiches. Goettingen, 1953, s. 22.

⁴ Toland J. Op. cit., p. 431.

⁵ Foreign Relations of the United States. Conference of Berlin, 1945, Vol. 1, Wash., 1952, p. 265.

⁶ Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers. 1945, Vol. VII, Wash., 1951, p. 43.

⁷ Берлинская операция 1945 года. М., Воениздат, 1950, ч. 1, с. 20—32.

⁸ Указ о формировании фольксштурма был издан 25 сентября 1944 года. Это ополчение было предназначено для обороны рейха из пригодных к военной службе мужчин в возрасте от 16 до 60 лет. Эта новая организация вошла в состав не вооруженных сил, а в национал-социалистическую партию.

⁹ Народно-артиллерийские корпуса начали формироваться в 1944 году и имели в своем составе от 13 до 15 батарей, то есть эти корпуса были несколько сильнее, чем артиллерийские полки в дивизиях. В связи с имевшимися в 1944 году затруднениями

в отношении укомплектования личным составом и боевой техникой, а также в связи с трудностями осуществления боевой подготовки, эти корпуса достигли весьма ограниченной боеспособности. Структура народно-артиллерийского корпуса была следующей: штаб, штабная батарея, батарея АИР, 5 артиллерийских дивизионов (артдивизион 75-мм противотанковых пушек трехбатарейного состава по 6 пушек в каждой батарее; артдивизион 105-мм легких гаубиц трехбатарейного состава по 6 гаубиц в каждой батарее; артдивизион 100-мм пушек двухбатарейного состава по 4 пушки в каждой батарее; артдивизион 122-мм трофейных гаубиц двухбатарейного состава по 4 орудия в каждой батарее; одна артиллерийская батарея 170-мм пушек). В дальнейшем предусматривалось усилить корпус одной батареей управления огнем и двумя батареями 210-мм мортир. Корпуса оснащались той матчастью, которая имелась на складах, и не всегда соответствовали не только планам усиления, но и указанным штатам.

¹⁰ Это реально существующее соединение находилось в тот момент на другом участке советско-германского фронта.

¹¹ 36-я гренадерская дивизия СС была сформирована в феврале 1945 года на базе печально известной бригады Дирлевангера. Чтобы довести это соединение до размеров дивизии, ему придали 1244-й гренадерский полк, 681-й танкоистребительный дивизион, танковый батальон «Штансдорф» с 28 САУ, 687-ю саперную бригаду вермахта, а также бывших курсантов брауншвейнского училища СС, проходивших службу в парашютно-танковой дивизии ВВС «Герман Геринг 1». Командовал дивизией Фриц Шмедис.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Журнал боевых действий войск 1-й гвардейской танковой армии в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 (ЦАМО, ф. 299, оп. 20543сс, д. 7, лл. 1—255).

2. Описание разведотдела штаба 1-й гвардейской танковой армии боевых действий войск противника в Берлинской операции с 16 апреля по 2 мая 1945 года (ЦАМО, ф. 299, оп. 76782сс, д. 87, лл. 2—57).

3. История Второй мировой войны 1939—1945. М., Воениздат, 1979. 544 с.

4. Берлинская операция 1945 года. М., Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1950. 652 с.

5. *Катуков М.Е.* На острие главного удара. М., Воениздат, 1974. 429 с.

6. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. М., Воениздат, 1976, т. III. 415 с.

7. *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. Санкт-Петербург, 1994, т. 2. 304 с.

8. *Уильямсон Г.* СС — инструмент террора. /Пер. с англ. А.В. Бушуева, И.С. Соколова. Смоленск, Русич, 1999. 414 с.

9. *Уорвол Н.* Войска СС. Кровавый след. Ростов н/Д, Феникс, 2000. 350 с.

10. *Bender R. J., Taylor H.P.* Uniforms, organizations and history of the Waffen-SS. San Jose, R. James Bender Publishing, 1986, vol. 3. 176 p.

11. *Mollo A.* Uniformen der Waffen-SS. Friedberg, Podzun-Pallas-Verlag, 1993. 256 p.

12. *Thomas L. Jentz.* Panzertruppen 1943—1945. Schiffer Military History, 1996. 297 p.

13. *Tiger II.* Culver and Feist, 1996. 319 p.

14. *Kurowski F.* Sturmgeschuetz dor! (Assault Guns to the Front!). J.J. Fedorowicz Publishing, 1999. 282 p.

Боевой и численный состав немецких войск, действовавших в полосе наступления главной ударной группировки 1-го Белорусского фронта против Кюстринского плацдарма (на фронте Гюстебизе, Вуден — 44 км), на 14 апреля 1945 года

№ п/п	Наименование частей	Количество батальонов	Людей	Минометов	Орудий	Танков и штурмовых орудий
1	606-я народно-гренадерская дивизия	8	6500	50	40	20
2	309-я пехотная дивизия «Берлин»	7	6500	60	78	6
3	9-я парашютная дивизия	10	12 000	58	72	27
4	20-я панцергренадерская дивизия	7	8000	60	81	10
5	303-я пехотная дивизия «Доберитц»	6	6200	40	77	10
6	169-я пехотная дивизия	9	7800	60	91	49
7	Танковая дивизия «Мюнхенберг»	5	6000	55	78	69
8	Панцергренадерская дивизия «Курмарк»	6	8000	60	100	55
9	18-я панцергренадерская дивизия	7	9000	60	94	92
10	25-я панцергренадерская дивизия	6	9000	60	104	60
11	23-я дивизия СС «Нидерланд» (пгд)	6	7500	80	80	45
12	23-я дивизия СС «Нордланд» (пгд)	6	11 000	60	84	—
13	Артиллерия РГК	29	11 000	—	330	—
14	Противотанковая бригада	2	2000	—	78	106
15	Бригада штурмовых орудий	3	1850	—	9	78
16	Противотанковая дивизия	5	1300	—	35	—
17	Танкоистребительная бригада	1	1200	—	8	—
18	Минометные батальоны	7	3300	116	—	—
19	Части 23-й и 17-й зенитных дивизий	12	7600	—	450	—
20	Танковые батальоны	3	1850	—	—	106
	Всего	145	127 600	819	1 889	733

**Боевой и численный состав немецких войск перед 2-м Белорусским фронтом (120 км)
на 20 апреля 1945 года***

№ п/п	Наименование частей	Количество батальонов	Людей	Мино- метов	Орудий	Танков и штурмо- вых орудий
<i>В первой линии</i>						
1	6-я школа ВВС	1	500	5	—	—
2	2-й морской пехотный батальон	1	300	5	—	—
3	4-й штурмовой пехотный батальон	1	500	5	—	—
4	301-й полк морской пехоты	2	1200	12	16	—
5	1, 2-й и 5-й крепостные полки «Свинсмюндс»	6	4200	27	18	—
6	1-й и 5-й крепостные полки «Штеттин»	4	2800	18	32	—
7	549-й народно-гренадерская дивизия	6	6200	32	76	12
8	3-й и 4-й крепостные полки «Штеттин»	4	2800	18	32	—
9	4-й полк «Померания»	2	1500	12	12	—
10	610-я резервная дивизия (50-й и 8-й полицей- ские полки	8	7600	36	100	—
11	50-й полицейской бригады)	4	4150	36	85	—
12	Части 547-й народно-гренадерской дивизии и 1-й парашютный полк особого назначения	3	1900	18	8	—
	Итого в первой линии	42	33 650	224	409	12

<i>Во второй линии (в резерве)</i>						
1	402-я учебная пехотная дивизия	2	2000	10	20	—
2	281-я пехотная дивизия	8	6500	32	76	8
3	28-я гвардейская дивизия СС «Валлония»	5	5000	24	70	24
4	27-я гвардейская дивизия СС «Лангемарк»	6	6000	32	72	24
5	Танко-истребительная бригада «Фридрих»	2	2000	—	—	—
6	103-я пехотная бригада СС	—	2000	32	36	—
7	171-я противотанковая бригада	—	2000	—	76	—
8	184-я бригада штурмовых орудий	—	1000	—	—	50
9	Полевой запасный полк АК «Одер»	2	2000	18	8	—
10	Полевой запасный полк 3-й танковой армии	2	2000	18	8	—
11	5-й пехотный полк «Померания»	2	2000	18	8	—
12	5-й запасный танковый батальон	1	1000	—	12	10
13	Батальон фольксштурма «Гамбург»	1	1000	9	8	—
14	Батальон фольксштурма «Бранденбург»	1	1000	9	8	—
15	Батальон фольксштурма «Грайфенхаген»	1	1000	9	8	—
16	Боевая группа «Остзее»	2	2000	18	8	—
17	Боевая группа «Ладебург»	2	2000	18	8	—
18	4-я венгерская офицерская школа	1	500	5	—	—
	Итого по второй линии	38	41 000	252	426	116
	Всего перед 2-м Белорусским фронтом	80	74 650	476	835	128

* Составлена по документам Разведывательного управления фронта и по трофейным документам немецкого командования и содержит только общие оценки численности немецких частей.

Боевой и численный состав немецких войск, действовавших в полосе наступления главной ударной группировки 2-го Белорусского фронта на фронте Нойварп, Шведт (90 км) на 20 апреля 1945 года

№ п/п	Наименование частей	Количество батальонов	Людей	Минометов	Орудий	Танков и штурмо-вых орудий
1	549-й народно-гренадерская дивизия	6	6200	32	76	12
2	3-й и 4-й крепостные полки «Штеттин»	4	2800	18	32	---
3	4-й полк «Померания»	2	1500	12	12	---
4	610-я резервная дивизия	8	7600	36	100	---
5	Батальон 27-й пехотной дивизии СС «Лангемарк» и боевая группа «Шведт»	4	4150	36	85	---
6	Части 547-й народно-гренадерской дивизии и 1-й парашютный полк особого назначения	3	1900	18	8	---
7	281-я пехотная дивизия	8	6500	32	76	8
8	28-я гренадерская дивизия СС «Валлония»	5	5000	24	70	24
9	27-я гренадерская дивизия СС «Лангемарк»	6	6000	32	72	24

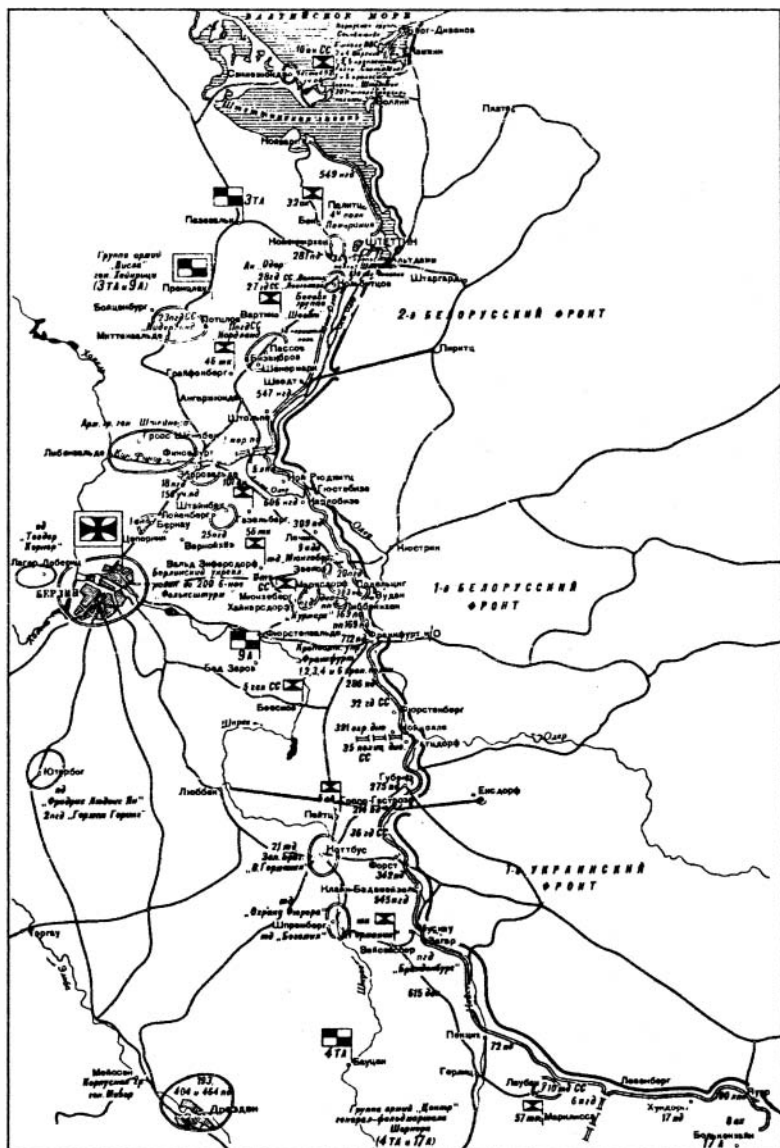
<i>Во второй линии (в резерве)</i>						
1	402-я учебная пехотная дивизия	2	2000	10	20	---
2	281-я пехотная дивизия	8	6500	32	76	8
3	28-я гвардейская дивизия СС «Валлония»	5	5000	24	70	24
4	27-я гвардейская дивизия СС «Лангемарк»	6	6000	32	72	24
5	Танко-истребительная бригада «Фридрих»	2	2000	—	—	—
6	103-я пехотная бригада СС	—	2000	32	36	---
7	171-я противотанковая бригада	—	2000	—	76	---
8	184-я бригада штурмовых орудий	—	1000	—	—	50
9	Полевой запасный полк АК «Одер»	2	2000	18	8	—
10	Полевой запасный полк 3-й танковой армии	2	2000	18	8	---
11	5-й пехотный полк «Померания»	2	2000	18	8	---
12	5-й запасный танковый батальон	1	1000	—	12	10
13	Батальон фольксштурма «Гамбург»	1	1000	9	8	—
14	Батальон фольксштурма «Бранденбург»	1	1000	9	8	---
15	Батальон фольксштурма «Грайфенхаген»	1	1000	9	8	---
16	Боевая группа «Остзее»	2	2000	18	8	---
17	Боевая группа «Ладебург»	2	2000	18	8	---
18	4-я венгерская офицерская школа	1	500	5	—	---
	Итого по второй линии	38	41 000	252	426	116
	Всего перед 2-м Белорусским фронтом	80	74 650	476	835	128

* Составлена по документам Разведывательного управления фронта и по трофейным документам немецкого командования и содержит только общие оценки численности немецких частей.

**Боевой и численный состав немецких войск перед 1-м Белорусским фронтом (175 км) на
14 апреля 1945 года***

№ п/п	Наименование частей	Количество батальонов	Людей	Минометов	Орудий	Танков и штурмовых орудий
<i>В первой линии</i>						
1	547-я народно-гренадерская дивизия	7	7000	54	86	—
2	1-я морская пехотная дивизия	9	5000	26	65	--
3	5-я легкопехотная дивизия	7	7000	48	33	11
4	606-я народно-гренадерская дивизия	8	6500	50	40	—
5	309-я пехотная дивизия «Берлин»	7	6500	60	78	20
6	9-я парашютная дивизия	10	12 000	58	72	6
7	20-я панцергренадерская дивизия	7	8000	60	81	27
8	303-я пехотная дивизия «Доберитц»	6	6200	40	77	10
9	169-я пехотная дивизия	9	7800	60	91	10
10	712-я пехотная дивизия	9	7000	66	88	--
11	Крепостное управление Франкфурта	25	16 000	342	171	22
12	286-я пехотная дивизия	8	7000	54	74	—
13	32-я гренадерская дивизия СС «30 января»	6	6800	60	79	26
14	391-я охранная дивизия	5	5000	46	61	2
15	35-я полицейская дивизия СС	5	5200	42	60	10

16	275-я пехотная дивизия	7	6000	42	109	12
17	214-я пехотная дивизия	8	6900	48	98	--
	Итого в первой линии	143	125 900	1 156	1 163	156
	Части усиления, отдельные полки, батальоны, армейские корпусные управления		75 000	134	919	311
	Всего в первой линии с частями усиления		200 900	1290	2 282	467
<i>Во второй линии (в резерве)</i>						
1	23-я дивизия СС «Нидерланд» (пгд)	6	7500	80	80	60
2	23-я дивизия СС «Нордланд» (пгд)	6	11 000	60	84	45
3	18-я панцергренадерская дивизия	7	9000	60	94	55
4	156-я учебная пехотная дивизия	7	7200	50	54	8
5	25-я панцергренадерская дивизия	6	9000	60	104	92
6	Танковая дивизия «Мюнхеберг»	5	6000	55	78	49
7	Панцергренадерская дивизия «Курмарк»	6	8000	60	100	69
8	1-я учебная авиаполевая дивизия	7	7000	55	36	10
	Итого во второй линии	50	64 700	480	630	388
	Гарнизон Берлина До 200 батальонов фолькштурма, охр. полк «Великая Германия», 1-я зенитная дивизия с частями усиления, три танкоистребительные бригады, три противотанковых дивизи		150 000		330	--
	Всего перед 1-м Белорусским фронтом		415 600	1770	3242	855

Карта расположения немецких войск перед 1-м и 2-м Белорусскими фронтами и правым крылом 1-го Украинского фронта на 16 апреля 1945 года

Книга 2
АГОНИЯ РЕЙХА

ИСХОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ

К началу 1945 года исход Второй мировой войны был предрешен. Поражение Германии становилось неизбежным. Еще в начале января советско-германский фронт и рубеж, занимаемый англо-американскими войсками, разделяло более тысячи километров. Причем Берлин находился как раз посередине. Однако спустя месяц положение кардинально изменилось. В ходе стремительного наступления Красная армия вторглась в пределы Германии и к концу января вышла на ближайшие подступы к Берлину, ей оставалось преодолеть всего 60 км. Англо-американские войска смогли начать наступление только 8 февраля — после того, как оправались от внезапного и мощного контрудара немцев в Арденнах. В начале апреля западные союзники, окружив рурскую группировку вермахта, находились от столицы Германии в 300 км.

И Красная армия, и англо-американские войска стремились овладеть Берлином первыми. В таком состязании не было никакой военной необходимости. Главная причина имела политическую подоплеку, хотя границы

оккупационных зон Германии были уже согласованы главами правительства СССР, США и Великобритании на Крымской конференции. Согласно ее решениям, западная граница советской зоны оккупации должна была проходить в 150 км западнее от Берлина, который также надлежало поделить между союзниками.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Идея упредить Красную армию в овладении германской столицей принадлежала британскому премьер-министру Уинстону Черчиллю. Свои соображения по этому поводу он изложил еще осенью 1944 года, но, несмотря на изменившуюся обстановку, продолжал отстаивать их и весной 1945 года. 1 апреля Черчилль настойчиво уговаривал президента США Франклина Рузвельта: «Если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения». Однако Главнокомандующий союзными войсками в Западной Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр имел все основания считать, что «с военной точки зрения будет неправильно при данной стадии развития операции делать Берлин главным объектом наступления, особенно ввиду того, что он находится в 35 милях от рубежа расположения русских».

Эйзенхауэр еще 28 марта направил И.В. Сталину личное послание, в котором излагал план своих дальнейших действий. Он рассчитывал в конце апреля, а может быть, и ранее, разгромить окруженного в Руре противника и продолжать наступление с целью расчленения всех его сил путем соединения с советскими войсками. Главный удар предполагалось нанести в на-

правления Эрфурта, Лейпцига, Дрездена, где и намечалась встреча с Красной армией. В послании ни слова не говорилось о Берлине, хотя на Крымской конференции было решено, что именно сюда будут наступать англо-американские войска.

На 21 марта 1945 года германские соединения на Западном фронте располагались в составе следующих группировок. На фронте от реки Маас до Дуйсбурга (200 км) действовали группа армий «Х» в составе двух армий (25-я полевая и 1-я парашютная). От Дуйсбурга до Висбадена (250 км) оборону занимала группа армий «Б», имевшая в своем составе три армии (5-ю танковую, 15-ю и 7-ю). Фронт от Висбадена до швейцарской границы (270 км) обороняла группа армий «Г» в составе двух армий (1-й и 19-й).

Немецкие оборонительные порядки почти всегда строились в один эшелон, резервы фактически отсутствовали. Лишь в полосе группы армий «Х», в районах северо-восточнее Эссена и севернее Дортмунда, располагались относительно боеспособные 15-я панцергренадерская и 116-я танковая дивизии, но и эти соединения не имели полной укомплектованности.

Всего к концу марта 1945 года в составе германских войск на Западном фронте имелось 73 дивизии и 6 различных формирований (боевые группы и бригады). Из них 5 дивизий были танковыми и 3 — панцергренадерскими. При этом, по оценке англо-американского командования, в некоторых соединениях комплект живой силы и техники достигал 75 %. С воздуха германскую группировку прикрывало около 300 самолетов.

Англо-американские войска на рубеже реки Рейн располагались в следующей группировке. 6-я группа армий в составе двух армий (1-я французская и 7-я

американская) находилась на фронте от швейцарской границы до Вормса (250 км). 12-я группа армий в составе двух армий (1-я и 3-я американские) действовала на фронте от Вормса до Кельна (200 км). В полосе этой группы имелось два плацдарма в районе реки Рейн: один в районе н/п Оппенгейм и другой — в районе Ремагена. 21-я группа армий имела в своем составе три армии (9-ю американскую, 2-ю английскую и 1-ю канадскую) и действовала на фронте от Кельна до устья реки Маас (250 км).

В резерве главнокомандующего экспедиционными силами генерала Дуайта Эйзенхауэра находилась 15-я американская полевая армия, предназначавшаяся для действий на центральном направлении и несения оккупационной службы. Часть ее сил все еще продолжала блокировать гарнизоны германских войск в портах атлантического побережья Западной Европы.

Всего на Западном фронте к концу марта 1945 года англо-американское командование имело 95—100 дивизий (из них более 25 % бронетанковых), свыше 11 тысяч танков и свыше 10 500 самолетов. Большинство дивизий было укомплектовано на 80—90 %.

Немецкие бронетанковые силы, еще столь грозные в 1944 году, уже не доставляли англичанам и американцам много хлопот. В группе «Х» действовали 116-я танковая (11 StuG III, 6 Pz. Kpfw. IV, 7 Pz. IV/70, 10 Flakpz и 32 Pz. Kpfw. V) и 15-я панцергренадерская (14 StuG III, 3 Pz. Kpfw. IV, 21 САУ Pz. IV/70, 2 Flakpz) дивизии. Немецкую группу армий «Б» поддерживали 2-я (22 StuG III, 16 Pz. Kpfw. IV, 5 Flakpz, 35 Pz. Kpfw. V), 9-я (2 StuG III, 5 Pz. Kpfw. IV, 8 Pz. IV/70, 4 Flakpz, 18 Pz. Kpfw. V), 11-я (6 StuG III, 17 Pz. Kpfw. VI, 11 Flakpz, 33 Pz. Kpfw. V) и учеб-

ная (6 танков Pz. Kpfw. IV, 2 Flakpz, 29 Pz. Kpfw. V, 14 Pz. Kpfw. V/70) т.д. Там же находилась 3-я панцергренадерская дивизия (9 StuG III, 1 Pz. Kpfw. IV, 20 Pz. IV/70), 106-я танковая бригада (3 Pz. Kpfw. IV, 7 Pz. IV/70, 3 Flakpz, 5 Pz. Kpfw. V), 301-й специальный бронетанковый батальон радиоуправления (13 танков Pz. Kpfw. VI) и 506-й отдельный тяжелый танковый батальон (15 Pz. Kpfw. VI). Группу армий «Г» поддерживала единственная в этом объединении 17-я панцергренадерская дивизия СС «Гетц фон Берлихинген» (62 StuG III, 2 Pz. Kpfw. IV, 4 Flakpz). Всего на 15 марта на Западном фронте было 488 различных германских танков и САУ. Из этого количества около 60 % материальной части было неисправно, однако постоянно на фронте находилось 3—4 бригады штурмовых орудий, каждая из которых имела по 20—25 исправных машин. Таким образом, превосходство союзников в танках и САУ было подавляющим.

Свое техническое и тактическое отставание от германских войск наши союзники также постепенно ликвидировали. Если в 1944 году более или менее эффективно с «Тиграми» и «Пантерами» могли бороться танки спецмодели «Шерман Фаерфлай» и немногочисленные «Челленджеры» и «Ахиллесы», то в 1945 году этот список расширился. Как и ранее, британцы старались вооружить новые образцы БТТ своей 76,2-мм противотанковой пушкой МК.І (имевшей при угле встречи 90° и дальности стрельбы 1000 м бронепробиваемость 90 мм) или ее модификациями. Так, в октябре 1944 года в производство пошла САУ «Арчер» на базе легкого танка «Валентайн». Перед самым Рождеством в действующую армию стали поступать крейсерские танки модели А34 «Комета» (глубокая модернизация

«Кромвеля»), главным достоинством которой стала новая модификация вышеописанной ранее противотанковой пушки фирмы «Виккерс» HV75 (танковая версия МК.1). Боеприпасы для нее остались теми же, только гильза стала короче и шире, что облегчало работу заряжающегося в башне танка. Несмотря на укороченный ствол и меньшую начальную скорость снаряда, новая пушка превосходила по своим баллистическим качествам все танковые орудия союзников (за исключением самоходных установок — истребителей танков). Во избежание ошибок в обозначении и путаницы при снабжении боеприпасами артсистему «Кометы» стали называть «77-мм». Из-за слабости английской промышленности во время войны «Кометы» получила на вооружение только 11-я бронетанковая дивизия. Уже в мае 1945 года для испытаний на фронте прибыло несколько прототипов нового среднего танка «Центурион».

Американцы преодолевали свое техническое и тактическое отставание несколько иным путем. В первую очередь с большим упорством и систематичностью они совершенствовали конструкцию своего среднего и основного танка М4 «Шерман».

Слабая толщина брони оказалась не единственным недостатком «Шермана» — танк был очень пожароопасен, что в первую очередь было вызвано наличием в танке, как и на большинстве машин американской армии, карбюраторного двигателя, а не дизеля. Дизели стали пользоваться популярностью только после установки на некоторые истребители танков М10. Их безопасность вскоре выявилась в полной мере, и в некоторых частях истребителей танков даже стали практиковать следующий обряд «посвящения» новичков. Испытуемому предлагали определить на глаз, сколько

Танки ИС-2 (тактические номера «221» и «65») выходят из засады для отражения немецкой контратаки. Германия, войска 1-го Белорусского фронта, февраль 1945 года (РГАКФД)

Группа солдат войск СС за получением корреспонденции из тыла. Советско-германский фронт, февраль 1945 года (РГАКФД)

Т-34—76 под командованием младшего лейтенанта В.И. Юхарова (тактический номер «110») направляется к линии фронта. 1-й Белорусский фронт, февраль 1945 года (РГАКФД)

Легкий автомобиль американского производства «Додж» WC. Определение точной модификации модели затруднительно, так как дверь кабины, вероятно, уже приделана в ремонтных мастерских Красной Армии. 1-й Белорусский фронт, февраль 1945 года (АВЛ)

*Советские танки ИС-2 входят в пригороды Познани.
1-й Белорусский фронт, конец января 1945 года (РГАКФД)*

*На германском ремонтном заводе в районе Познани. Тяжелый
танк Pz. Kpfw. V Ausf. A в помещении завода на ремонте.
1-й Белорусский фронт, февраль 1945 года (АВЛ)*

Корректировщик артиллерийского огня на одной из улиц города. Под ватником у него надета меховая телогрейка с рукавами. 1-й Белорусский фронт, февраль 1945 года (АВЛ)

Уличные бои в Познани. Командир 122-мм гаубицы-пушки М-30 образца 1938 года сержант Саберьянов, который воюет с немцами с 1941 года, и наводчик орудия красноармеец Бровка бьют прямой наводкой по дому с солдатами противника с расстояния 50 м. 1-й Белорусский фронт, февраль 1945 года (АВЛ)

Щит перед мостом в городе Познань. Надпись: «Мост в Познани через Варту — последний мост перед логовом фашистского зверя!» 1-й Белорусский фронт, февраль 1945 года (АВЛ)

Встреча советских бойцов с военнослужащими Красной Армии. Видимо, красноармейцы попали в плен еще в 1941—1942 годах, так как их головным убором является буденовка. Освободители с удивлением разглядывают нанесенную светлой краской аббревиатуру «SU», обозначающую принадлежность к группе советских военнопленных. 1-й Белорусский фронт, февраль 1945 года (АВЛ)

Колонна Т-34/85 из состава 2-й гвардейской танковой армии продвигается в глубь германской территории. Тактический номер головного танка «162». 1-й Белорусский фронт, штеттинское направление, февраль 1945 года (РГАКФД)

Фотопортрет танкиста гвардии капитана Д.С. Миронова, награжденного 3 орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Отечественной войны 1-й степени. Он прошел свой боевой путь от Ленинграда до Одера. 1-й Белорусский фронт, начало марта 1945 года (РГАКФД)

Командир 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг» бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Гейнц Гармель. Германия, 1944—1945 годы (АВЛ)

Советские солдаты осматривают брошенное германское штурмовое орудие StuG 40 Ausf.G. Машина позднего выпуска, с поручнями для посадки десанта. 1-й Белорусский фронт, март 1945 года (РГАКФД)

Члены отрядов истребителей танков на базе подразделений вермахта и германского фольксштурма (снимок сверху). Истребители танков, как правило, вооружались кумулятивными гранатометами: одноразовым «Панцерфауст» (снимок сверху) или многоразовым «Панцер-шрек» (снимок в середине), а передвигались (особенно члены фольксштурма) на велосипедах. На нижнем снимке — члены молодежной организации «Гитлерюгенд» (входила в фольксштурм) из команды истребителей танков на велосипедах закреплены по 2 гранатомета «Панцерфауст»). Германия, март—апрель 1945 года (Bundesarchiv)

Немецкий пулеметчик из 19-й танковой дивизии вермахта. На плечах он держит 7,92-мм единый пулемет MG-42. Центральная Германия, март 1945 года (АВЛ)

Артиллерийский расчет 57-мм противотанковой пушки ЗиС-2 ведет огонь по противнику. Германия, 1-я армия Войска Польского, апрель 1945 года (АВЛ)

*Один из укрепленных районов, взятый нашими войсками. Бойцы рассматривают шестиамбразурный ДОТ, прикрывающий подступы к подземному заводу боеприпасов. На колпаке ДОТа видны вмятины от прямых попаданий 203-мм гаубицы Б-4.
1-й Белорусский фронт, март 1945 года (АВЛ)*

На 2-м Белорусском фронте. Командующий 5-й гвардейской танковой армией генерал-полковник В.Т. Вольский заслушивает донесение начштаба армии генерал-майора Г.С. Сидоровича. На снимке (слева направо): замкомандующего армией генерал-майор Д.И. Заев, командарм, начштаба, замкомандующего М.М. Синенко. На заднем плане — БТР американского производства М3А1 «Скаут». 27 марта 1945 года (АВЛ)

Колонна танков ИС-2 в городе Млава. 2-й Белорусский фронт, 48-я армия, конец марта 1945 года (АВЛ)

Расчет 122-мм пушки-гаубицы М-30 образца 1938 года под командованием сержанта В.П. Павлова (кавалера ордена Красной Звезды) ведет по немецким позициям огонь прямой наводкой. 1-й Белорусский фронт, штеттинское направление, конец марта 1945 года (АВЛ)

Нацистская государственная машина была сломлена. На фото — убитый в центре Берлина солдат одного из соединений Имперской службы трудовой повинности — РАД (из 185-го батальона). Апрель—май 1945 года (АВЛ)

Переправа через Одер. На ней стоит регулировщик старший сержант Е.С. Лазовой. Долгих три года от самого Сталинграда шел он к Берлину. Через мост переезжает грузовик ГАЗ-АА. 1-й Украинский фронт, март 1945 года (АВЛ)

БРЭМ на базе старого танка КВ (с него демонтирована башня) в одном из городков на подступах к Берлину. 1-й Белорусский фронт, апрель 1945 года (РГАКФД)

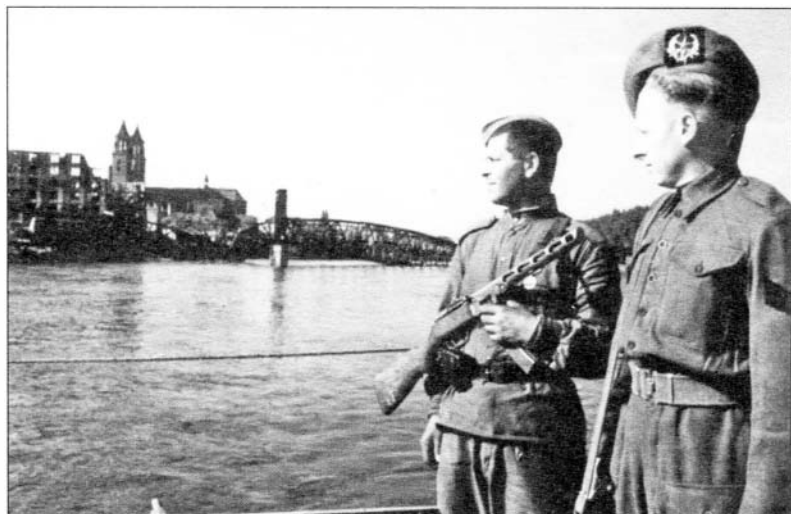
Генералы Осликовский (командир 3-го гвардейского кавкорпуса) и Геллем (командир 13-го моторизованного корпуса) переправляются через Эльбу. Германия, май 1945 года (АВЛ)

Герой Советского Союза гвардии капитан Неумов обменивается автографом с командиром 333-го американского полка полковником Гомесом. Германия, 13-й корпус США, май 1945 года (АВЛ)

Уполномоченные немецкие офицеры после подписания акта о безоговорочной капитуляции. На снимке: генерал-фельдмаршал Кейтель (с маршальским жезлом) от сухопутных войск, генерал-адмирал фон Фридебург (справа за Кейтелем) от военно-морского флота и генерал-полковник Штумпф (слева от Кейтеля) от военно-воздушных сил. Берлин, Карлхорст, 8 мая 1945 года (АВЛ)

Советский и британский часовые в районе поста через Эльбу. Германия, май 1945 года (АВЛ)

На реке Эльбе. Казаки-кавалеристы лейтенант Зазуля и старшина Фролов показывают американским солдатам свои шашки. Лейтенант Сотн из Чикаго, лейтенант Битн из Южной Дакоты, рядовой Франчек, сержант Хольстер и капрал Хелл — все из штата Пенсильвания. Май 1945 года (АВЛ)

Войска Чехословацкого корпуса на Староградской площади в Праге. Май 1945 года (АВЛ)

в баке осталось солярки. Когда новобранец отчаивался что-либо разглядеть в темноте, его экзаменатор чиркал спичкой и швырял ее в бензобак. Ожидая пожара и взрыва, новичок в панике бросался на землю, к большому удовольствию зрителей.

Однако опыт сражений и испытания Артиллерийского департамента показали, что главной причиной пожаров на «Шерманах» была детонация метательного заряда боеприпасов. Значительно реже причиной пожара становилось загорание масла в гидравлической системе привода башни, личных вещей экипажа и топлива. По оценкам, 60—80 процентов подбитых «Шерманов» сгорало. Это вполне вероятно, поскольку попадание снаряда в переднюю полусферу танка неминуемо поражало боезапас, а из-за того, что большинство немецких бронейных снарядов имели разрывной заряд, то взрыв и пожар становились неизбежны. Перегрузка танков боезапасом только обострила эту проблему. Если происходило возгорание метательного заряда, то у экипажа оставались считанные секунды на то, чтобы покинуть обреченную машину.

Артиллерийский департамент предложил два пути решения этой проблемы. Первое подобное решение заключалось в усилении брони над боеукладками в спонсонах при помощи дополнительных бронеплит толщиной 25—35 мм. Эта полумера повысила устойчивость танков типа «Шерманов» к мелкокалиберному противотанковому оружию и неплохо себя показала в Италии в 1943 — начале 1944 года, но оказалась полностью неэффективной против тяжелых «Тигров», «Пантер» и противотанковых гранатометов.

В феврале 1944 года на некоторых М4А3 поздних выпусков применили новые «мокрые» боеукладки-

стеллажи, погруженные в воду. У этих машин боезапас был убран из спонсонов и перенесен в «мокрые» укладки, расположенные на дне танка. В 10 укладках на дне корпуса размещалось 100 выстрелов калибра 75 мм, залитых 163 литрами воды. Еще четыре снаряда хранили в контейнере на полке башни. Эти снаряды заливались 4,4 литрами воды. Боеприпасы калибра 76,2-мм размещались в двух укладках, расположенных на полу корпуса и залитых 152 литрами воды — всего 75 выстрелов. Еще шесть таких снарядов хранились в контейнере на полке башни. От детонации эти снаряды предохраняло 9 литров воды. Танки армии США, оборудованные «мокрыми» боеукладками, обозначались буквой «W» (wet — мокрый). Отличительной чертой этих танков было отсутствие дополнительных бронезкранов на бортах. Чтобы совсем предотвратить замерзание воды, в нее добавляли этиленгликоль. Коррозия металла предотвращалась при помощи специального средства «Аммудамп». На гаубичных танках «мокрых» боеукладок не применяли, вместо них использовали бронированные контейнеры.

При попадании бронебойного снаряда в «мокрую» боеукладку поврежденные снаряды заливало водой, что или предотвращало пожар или замедляло его распространение, тем самым давая экипажу возможность покинуть подбитый танк. Склонность американских танкистов перегружать свою машину боеприпасом снижало эффективность таких боеукладок, но гореть танки стали значительно реже. Так, боевые машины, оборудованные «мокрыми» боеукладками, сгорали в 10—15 процентах случаев против 60—80 процентов у необорудованных танков. «Мокрые» боеукладки уста-

навливались на танках М4А1 и М4А3, вооруженных 76-мм пушкой, и на очень небольшом количестве танков М4А3 с 75-мм артсистемой.

Чтобы бороться с замаскированными пушками противника, в некоторых частях передовые танки для лучшей защиты стали обкладывать мешками с песком. Однако от этого приема в конце концов отказались, так как перегрузка передней оси повреждала подвеску и вызывала в жаркий день разрушение резинового бандажа опорных катков всего за 30—40 км пути.

Артиллерийский департамент США предложил более эффективное решение этой проблемы, сконструировав штурмовой танк М4А3Е2 «Джамбо» («здоровяк»). По сравнению с обычным М4А3 лобовую броню и борта «Джамбо» усилили бронелистами толщиной 38 мм. Толщина маски пушки составила 140 мм, а башня, по форме напоминавшая башню Т23 под 76-мм пушку, имела толщину брони не 63, а 152 мм. Таких танков было выпущено всего 254, но они стали очень популярны в частях, куда начали поступать осенью 1944 года. Большой вес брони снизил скорость танка, но хорошее бронирование в глазах танкистов с лихвой компенсировало низкую скорость. Эти танки обычно шли впереди танковых колонн, выявляя замаскированные противотанковые пушки противника. Поначалу М4А3Е2 имели на вооружении 75-мм пушки, но впоследствии, уже в частях, машины часто перевооружались пушками калибра 76 мм. Кроме того, некоторые «Джамбо» получили взамен курсового пулемета огнемёт. Выпуск штурмовой модификации такого «Шермана» был приостановлен, когда приняли решение пустить в серию тяжелый танк М26 «Першинг». Но из-за задержек до конца войны в части успела прийти только горстка «Першингов», и

основная тяжесть военных действий продолжала лежать на «Шермане».

Несмотря на то что к весне 1945 года в распоряжении германского военного командования оставалось немного танков, американских танкистов, так же как и их советских коллег, стали беспокоить новые противотанковые гранатометы типа «Панцерфауст» и «Панцершрек», обобщенно называемых фаустпатронами.

Немцы же называли фаустпатронами (от нем. Faust — кулак и патрон) только динамореактивные одноразовые РПГ. Идея объединить в одной конструкциикумулятивный боеприпас с реактивным двигателем принадлежала инженеру Генриху Лангвайлеру, работавшему на фирме HASAG в Лейпциге. Первая модель 1943 года «Панцерфауст Кляйн 30М» калибром 101 мм имела гранату массой 1,65 кг и с 30 метров пробивала броню толщиной 140 мм. В конце 1943 года появился модернизированный 149-мм РПГ «Панцерфауст 30М» с массой гранаты 2,4 кг, позволяющий пробивать бронированную плиту толщиной 200 мм при дальности стрельбы 30 м. В 1944 году подобная конструкция дважды модернизировалась, в основном за счет увеличения дальности действия сначала до 60, а затем и до 100 метров. Германские боевые динамореактивные гранатометы стали не только одним из самых массовых видов оружия немецкой армии, но также и самым дешевым: на выпуск подобного РПГ затрачивалось 8 человеко-часов, а стоимость равнялась 25—30 маркам. С августа 1943 по март 1945 года включительно общий выпуск таких РПГ составил 9,21 млн единиц, в том числе «Кляйн 30М» и 30М — 2,077 млн, 60М и 100М — 7,133 млн РПГ.

Реактивный 88-мм многозарядный противотанковый гранатомет RPzB.43 явно создавался с оглядкой

на американский РПГ «Базука», но был помощнее и эффективнее. Бронепробиваемость РПГ типа «Офенро-ра» (неофициальное название РПГ, с нем. Ofenrohr — дымовая труба) составляла 150—220 мм на всей дальности полета гранаты (до 200 м). Летом 1944 года на вооружение поступил модернизированный спецгранатомет RPzB.54 «Панцершрек» (угроза танкам). Отличие RPzB.54 от RPzB.43 состояло в том, что для защиты стрелка от пламени при выстреле был введен легкий металлический щиток, увеличивший массу РПГ на 300 г. В декабре 1944 года появилась модернизированная версия «Панцершрека» — RPzB.54/1 с более мощной кумулятивной гранатой, которая пробивала броню до 220 мм на расстоянии до 200 метров. Длина всей системы сократилась с 1640 до 1070 мм. Себестоимость РПГ подобного типа составляла 70 марок. Всего в годы войны промышленность германской армии выпустила около 300 тысяч 88-мм гранатометов «Панцершрек» всех трех модификаций.

Существовал также 88-мм станковый противотанковый боевой гранатомет «Пюппхен» (Puerpchen, с нем. — куколка), разработанный конструктором фирмы WASAG Эрихом Хольтом. В ноябре 1943 года под индексом PWR.43 эта система была принята на вооружение. Кумулятивная граната отстреливалась пороховым зарядом, размещенным в небольшой гильзе, а после вылета из канала ствола включался маршевый ракетный двигатель. При начальной скорости боеприпаса 130 м/с бронепробиваемость RWR.43 составляла 180 мм. Максимальная дальность стрельбы достигала 700 метров, но масса оружия в 149 кг сводила на нет все преимущества этой системы. Изготовив 3150 «Пюппхенов», в июле 1944 года немецкая промышленность свернула

производство станкового РПГ. Ручные «Панцершреки» и «Панцерфаусты» были гораздо эффективнее.

Это оружие могло эффективно использоваться только на близких расстояниях, когда кумулятивная боевая головка легко пробивала броню «Шермана», неминуемо вызывая пожар. Чтобы защитить себя и свои танки, американцы предприняли несколько импровизаций с целью усилить броню «Шерманов». В некоторых частях на броню танков навешивали запасные гусеничные траки, однако самым распространенным способом стало обкладывать лобовую броню (а иногда и борта) корпуса и башни мешками с песком. Вдоль корпуса приваривалась двутавровая мощная балка, которая поддерживала мешки, а сверху они прижимались металлической решеткой или сеткой. На танк укладывали около 150 мешков с песком, добавляя тем самым около двух-трех тонн веса. Эффективность подобной защиты была сомнительной, вот что вспоминал наводчик из 2-й танковой дивизии:

«Мы шли в атаку на “Шермане”, вооруженном 75-мм пушкой. Видимость была хорошей. Передовая линия фрицев была в 40 метрах перед нами. Несколько немцев вскочило и бросилось бежать. Вдруг в наш танк попали из фаустпатрона — разбили левую гусеницу. Танк потерял ход и тогда в нас попали из фаустпатрона во второй раз. Ракета попала в лоб башни, но не смогла пробить броню. Третье попадание пришлось в лобовую часть корпуса, сорвало все мешки с песком и раскололо лобовую бронеплиту. Четвертая ракета расколола лобовую бронеплиту еще сильнее и вызвала пожар. Пятая ракета разбила дополнительные бронелисты танка, толщиной около полутора дюймов, навешенные около курсового пулемета, и пробили лобовую броню».

Несмотря на свою сомнительную эффективность, мешки с песком поднимали уверенность экипажей, которые часто были обеспокоены безопасностью своей машины. В некоторых частях, например, в 4-й танковой дивизии, мешки с песком не практиковались, поскольку они повышали массу танка и снижали его боевые характеристики, лишь незначительно усиливая защиту. Вместо мешков с песком в этой дивизии на броню навешивали запасные и трофейные гусеничные траки, а также приваривали дополнительные бронеплиты, вырезанные у подбитых «Тигров» и «Пантер». Защищенные трофейной броней танки ставили впереди, подобно штурмовым танкам М4А3Е2 «Джамбо».

В начале 1942 года на двух танках М3 впервые испытали горизонтальную спирально-пружинную подвеску (HVSS — horizontal volute spring suspension), по своей конструкции напоминавшую подвеску танка М2. Эта подвеска позволяла поддерживать постоянное натяжение гусениц, а также использовать гидравлический амортизатор между плечами переднего и заднего катка в каждой тележке, что более равномерно распределяло нагрузку на подвеску.

После двух лет испытаний этой конструкции военные пришли к выводу о том, что новая подвеска значительно улучшила ходовые качества танка. В августе 1944 года начался переход на подвеску HVSS, а в начале 1945 года они уже начали массово появляться в действующей армии. Именно такой подвеской был оснащен самый совершенный из «Шерманов» — модификация М4А3Е8.

Так как американская 76,2-мм длинноствольная танковая пушка М1 и ее модификации (М1А1, М1А1С, М1А2) не отличалась особо выдающимися

баллистическими характеристиками, конструкторы США попытались поставить на гусеничное шасси более мощную артсистему. Основой для модернизации стала САУ М10 «Вулверин» (ее сняли с производства в декабре 1943 года). Модификацию М1А1 модернизировали, установив в открытой сверху рубке 90-мм пушку М3 (длина ствола 53 калибра, начальная скорость бронебойного снаряда 9,10 кг 850 м/с; бронепробиваемость под углом 30° к нормали на дистанции 457 м — 120 мм обычным, 195 мм — подкалиберным боеприпасом, а на дистанции 914 м — 88 мм обычным снарядом, а 133 мм — подкалиберным боеприпасом) и назвали новую САУ М36 «Слаггер». Вновь изготовлено было 85 САУ М36, а 1213 машин были переделаны из М10А1.

САУ новой модификации М36В1 выпускались в конце 1944 года (187 единиц), а М36В2 (переделка М10А1) — весной 1945 года (237 машин). Они имели усиленную броню, в результате чего возросла их масса.

В 1945 году на фронте появился тяжелый американский танк «Першинг», в очередной раз названный именем генерала армии США. Танки модификации Т26Е3 имели 90-мм пушку, 20 таких машин в январе 1945 года были поставлены американским войскам. Так как действовали они успешно, «Першинги» пошли в крупносерийное производство. По июнь 1945 года было выпущено 1436 единиц М26, а также 52 Т26. Они приняли участие в заключительных боях войны.

А чем же ответили на это немцы? В течение второй половины марта на Западный фронт были отправлены для компенсации потерь 66 танков Pz. Kpfw. IV, 61 танк Pz. Kpfw. V «Пантера» и 34 Pz. Kpfw. VI — все «Тигры»

различных модификаций. В апреле 1945 года на Запад была отправлена новая танковая дивизия «Клаузевиц» (10 «Пантер», 5 «Ягдпантер», 10 истребителей танков Pz. IV/70 на 14—15 апреля) и танковый батальон «Путлос» (7 Pz. Kpfw. IV, 12 Pz. Kpfw. V, «Пантера», 2 «Тигра», Jagdpanzer IV, StuG III, 4 Pz. IV/70 на 17 апреля 1945 года). Десятиорудийными батареями 75-мм САУ «Хетцер» были оснащены 187-я и 716-я народно-гренадерские дивизии, которые отправили на Западный фронт. В апреле 1945 года такие батареи получили 85, 212-я и 715-я пехотные дивизии, а также 1-я и 2-я морские пехотные дивизии. На Западном фронте также сражались две гренадерские дивизии СС: 34 тд СС «Ландштурм Нидерланд» и 38 тд «Нибелунги», которые получили по 10 САУ «Хетцер» в апреле 1945 года. Против англо-американских войск использовались две парашютно-десантные бригады — XI и XII, а также еще несколько соединений армейской штурмовой артиллерии. В учебных и тыловых частях на 1 марта 1945 года было 328 танков Pz. Kpfw. III, 130 Pz. Kpfw. IV, 2 истребителя танков Pz. IV/70 (A), 2 Pz. IV/70 (V), 189 Pz. Kpfw. V, 3,8 «Тигров» и 17 «Королевских тигров», 3 Flakpz (20 мм) и 2 Flakpz (37 мм) — всего 711 машин. И это — все резервы на Восточный, Западный и Итальянский театры военных действий.

Предполагая свое основное сопротивление на советско-германском фронте, на Западе немцы прибегли к психологическому оружию особого рода. Например, именно против союзников в основном использовали самые тяжелые боевые машины из всех серийно изготовлявшихся образцов БТТ в годы Второй мировой войны. 70-тонная тяжелая 128-мм самоходно-артиллерийская установка называлась «Ягдтигр».

Техническое задание на САУ со 128-мм пушкой на базе «Королевского тигра» еще в 1943 году было выдано заводу «Нибелунгенверке». Прототип установки завод представил в апреле 1944 года. Было заказано 150 САУ, но из-за бомбардировок с июля 1944 по март 1945 года было выпущено 77 машин (в 1944 году — 48, в 1945 году — 29).

«Ягдтигр» вооружался 128-мм полуавт.оматической пушкой Pak 44 L/55 с горизонтальным клиновым затвором, пулеметом у радиста в шаровой установке корпуса, а иногда и зенитным пулеметом. Артсистема САУ была сконструирована на основе германских зенитных пушек. Как ни странно, выбор калибра был связан прежде всего с увеличением поражающей силы не бронебойного, а фугасного боеприпаса. Снаряд пушки весом в 28,3 кг, начиненный 3 кг взрывчатки, обладал страшной разрушительной силой и мощностью, но скорострельность такой артсистемы отдельного заряжания не превышала 2—3 выстрелов в минуту.

Броня этой САУ была еще мощнее, чем у «Королевского тигра»: лоб корпуса — 150 мм (под углом 50°), лоб рубки — 250 мм (15°). Боковые стенки корпуса (верхняя часть) и рубки выполнялись из единого бронелиста толщиной 80 мм, установленного под углом 25°. Нижние листы корпуса составляли: лоб — 100 мм (50°), борт — 80 мм (вертикальный). Над гусеницами навешивались 5-мм экраны.

Эту «бронекрепость» обслуживали 6 человек. Чтобы неисправная САУ не досталась врагу, в ней постоянно возилось два подрывных заряда — один под двигателем, другой — под казенником пушки.

Истребители танков «Ягдтигр» использовались против союзников в составе тяжелых танкоистребительных

дивизионов. Последний из таких дивизионов — 512-й вместе с 507-м тяжелым батальоном «Королевских тигров» (также в нем находились 88-мм САУ типа «Ягдпантера») прибыли на Западный фронт в конце марта 1945 года. Так же как и в Австрии (там тоже активно использовались «Ягдтигры»), особенных преимуществ перед другими тяжелыми машинами эти самоходки не снискали. «Ягдтигры» были явно перетяжеленными машинами, не могли совершать длительных маршей и, как правило, оставлялись экипажами из-за технических аварий и неисправностей. Американские БРЭМ без какой-либо предварительной подготовки не могли их даже сдвинуть с дороги, так и стояли они большими «пирамидами» впустую растроченных средств и ресурсов. Также в районе Падеборна английскими войсками был захвачен опытный образец гигантского танка Е-100 (на него предполагалось установить орудие калибра 150 или 170 мм), который уже в июне 1945 года был отправлен в Великобританию для испытаний.

Наступление союзников развивалось достаточно успешно и стремительно. Войска вермахта на Западном фронте не оказывали серьезного сопротивления. Однако в ходе быстрого продвижения армий союзников к Эльбе верховное командование союзных войск встретилось с рядом сложных проблем. Прежде всего необходимо было срочно оказать продовольственную помощь населению оккупированных немцами районов Голландии, а также разрешить трудности, внезапно возникшие во взаимоотношениях с французами в связи с занятием англо-американскими войсками Штутгарта.

В последнюю неделю апреля союзники даже вынуждены были прекратить свои боевые действия в Западной Голландии с тем, чтобы дать возможность

разным представителям верховного командующего союзников и нацистского верховного комиссара в Голландии Зейс-Инкварта обсудить порядок снабжения продовольствием населения в оккупированных районах данной страны. Этот вопрос беспокоил западные державы со времени Арнемской операции, которая проводилась осенью 1944 года. Нехватка продовольствия имела место частично в результате эмбарго, введенного Зейс-Инквартом в отместку за ослабление и прекращение голландцами железнодорожного сообщения в оккупированной части страны. После продолжительных переговоров в январе 1945 года было ввезено некоторое количество продовольствия через шведскую организацию Красного Креста и из Швейцарии. В том же месяце верховное командование союзников направило своих представителей в Эйнховен, чтобы обсудить с голландскими медицинскими экспертами вопрос о помощи. После дальнейших встреч в Лондоне и Брюсселе были подобраны врачи и другой подготовленный персонал для оказания медицинской помощи людям, подверженным начальной стадии дистрофии. В апреле, несмотря на помощь органов Красного Креста и строгое ограничение потребления пищи, положение с продовольствием угрожало принять катастрофический характер. Когда запасы продовольствия достигли минимума и когда немцы намекнули, что затопят страну в случае наступления союзников, находившееся в изгнании голландское правительство обратилось к союзникам за помощью. Тем временем Зейс-Инкварт обсуждал с известным доктором Хиршфельдом, генеральным секретарем по экономике, различные возможности избежать катастрофы в Голландии. Зейс-Инкварт указал, что он, возможно, согласится начать по данному

вопросу переговоры с союзными властями. Это заявление было передано в Лондон. 19 апреля Черчилль запросил об этом мнение Вашингтона. Американские начальники штабов, высказав сомнение в том, что немцы осуществят свою угрозу против голландцев, подчеркнули опасность самовольного изменения формулы безоговорочной капитуляции и возможной неблагоприятной реакции советского руководства. Они просили не предпринимать ничего без предварительной консультации с русскими и Эйзенхауэром. Когда у верховного командующего спросили его точку зрения, он заявил, что нужно что-то сделать, чтобы помочь голландцам, даже с риском помешать боевым операциям. Он одобрил намерение вступить в переговоры с Зейс-Инквартом при условии, что руководство СССР также согласится с этим. В случае неудачи в достижении соглашения он считал нужным использовать 1-ю канадскую армию для помощи населению оккупированного района.

Эйзенхауэр, все более обеспокоенный положением в Голландии, предупредил германского командующего в Нидерландах, что он понесет заслуженную кару, если немцы усилят страдания голландцев. Утром 28 апреля боевые действия были прекращены, и генерал Гинган с бригадиром Уильямсом из штаба 21-й группы армий направился в Ахтервелд, чтобы встретиться с немецким представителем. Англичане предложили план союзников на оказание помощи населению Голландии, но встреча оказалась безрезультатной, так как немцы заявили, что они не уполномочены давать на что-либо свое согласие. Тогда генерал Гинган стал настаивать, чтобы через сорок восемь часов они вернулись туда с Зейс-Инквартом или по меньшей мере с полными правами принимать решения.

30 апреля Зейс-Инкварт и сопровождавшие его лица встретились с делегацией союзников. Была достигнута договоренность о том, что в десяти пунктах будет сброшено с самолетов союзников продовольствие. Кроме того, должна была быть открыта одна дорога для подвоза продовольствия на грузовиках, а в Роттердаме должны быть приняты суда с продовольствием.

В ходе обсуждения вопроса о помощи голландцам генерал Смит пытался внушить Зейс-Инкварту безнадежность положения немцев в Голландии и указал, что настало время для перемирия или безоговорочной капитуляции. Зейс-Инкварт согласился с выдвинутыми доводами, но заявил, что, пока германские гражданские и военные власти в Нидерландах имеют связь с Берлином, они должны оставить вопрос о капитуляции на решение высших инстанций. Он доказывал также, что немцы должны продолжать драться в Голландии до тех пор, пока в Германии существует какое-либо правительство.

В конце апреля 1945 года союзное командование столкнулось еще с одной, достаточно болезненной проблемой. Так называемый Штутгартский инцидент возник неожиданно и буквально на ровном месте, после того как этот французский город был окружен войсками 7-й американской армии. 1-я французская армия тут же заняла город. За день до его падения генерал Деверс изменил границы армии в своей полосе, включив Штутгарт в полосу 7-й армии. Его целью было не допустить перемешивания американских и французских частей и предоставить своим армиям надлежащие линии коммуникаций. Однако генерал де Голль, по-видимому, полагал, что Деверс поступил так прежде всего с целью выдворить французов из этого важного германского

города, а не для того, чтобы обеспечить эффективную работу линий снабжения 7-й армии. Поэтому он решил, что, пока Франции не будет выделена определенная ей зона оккупации, он должен удерживать то, что имеет. Де Голль указал генералу де Латтру, что это вопрос не военный, а политический, и что в этом случае французские войска не ответственны перед Эйзенхауэром или Деверсом. Когда вслед за этим американские войска 24 апреля вошли в Штутгарт, чтобы сменить в городе французские части, французы были вежливы, но полны решимости не уходить. По получении вторичного указания Деверса французской армии очистить город де Голль отдал де Латтру следующий приказ: «Я приказываю Вам иметь в Штутгарте французский гарнизон и установить там немедленно военное управление... На возможные нарекания американцев Вам надлежит отвечать, что Ваше правительство приказало удерживать и управлять территорией, захваченной нашими войсками, до тех пор, пока заинтересованными правительствами не будет установлена французская зона оккупации, что, к Вашему сведению, еще не было сделано».

Вслед за этим генерал де Латтр информировал командующего 6-й группой армий о невозможности передать город американцам, но заявил, что Штутгарт может быть использован 6-й группой армий.

Когда командующий 6-й группой армий пожаловался, что его властью пренебрегают, Эйзенхауэр заявил де Голлю официальный протест, указав, что город крайне необходим как звено в системе снабжения 7-й армии. Он выразил беспокойство по поводу того, что французы используют этот вопрос, чтобы вынудить английское и американское правительства к уступкам, а затем заявил: «Ввиду сложившихся обстоятельств я, конеч-

но, должен согласиться с существующим положением, поскольку я сам не желаю предпринимать какие-либо действия, которые могли бы уменьшить эффективность военных усилий против Германии, отказав 1-й французской армии в снабжении или прибегнув к другим мерам, которые могут повлиять на ее боевую мощь. Более того, я лично никогда не буду принимать участие в каких-либо разногласиях или спорах между вашим правительством и войсками, находящимися под моим командованием, могущих иметь своим результатом лишь ослабление их национальной дружбы, а равно и образцового духа сотрудничества, которые характеризуют действия французских и американских войск на поле сражения. Соответственно вышеизложенному я ишу иного решения вопроса снабжения 7-й армии».

Эйзенхауэр твердо заявил: «Отдача непосредственно 1-й французской армии приказов, основывающихся на политических соображениях и идущих вразрез с оперативными приказами, отданными по командной линии, нарушает договоренность с американским правительством, согласно которой французские дивизии, вооруженные и снаряженные Соединенными Штатами, должны быть отданы в распоряжение объединенного штаба, чьи приказы я выполняю на данном театре военных действий». Он далее заявил, что счел своей обязанностью передать этот вопрос объединенному штабу, доложив ему, что не может далее определенно рассчитывать на оперативное использование каких-либо французских войск, которые предполагается оснастить в будущем. Эйзенхауэр выразил сожаление, что не знал о переговорах между французским и союзными правительствами относительно проблемы французской зоны оккупации. «Вследствие этого затруднения, испыты-

ваемые мною в снабжении и в руководстве тылом 7-й армии и в координации боевых операций, в которых участвует 1-я французская армия, представляются заслуживающими наибольшего сожаления».

Де Голль отверг протест, напомнив, что расположение французских штабов в Манси и Меце не служило препятствием к «великолепным успехам генерала Паттона». Он согласился, что возникшие трудности не являются результатом действий Эйзенхауэра. Они имели место скорее потому, что между французским и союзными правительствами не было согласия «в отношении военной политики в целом и оккупации территории Германии в особенности». Французское правительство, не будучи в состоянии согласовать свои взгляды со взглядами союзников, должно выступать с ними самостоятельно. Поскольку французы не принимали участия во встречах объединенного штаба, решения, принимаемые им, не берут в расчет государственные интересы Франции. В результате это положение, как писал далее де Голль, «вынуждает меня лично, к моему большому сожалению, выступать иногда по вопросу о планах или их осуществлении. Вы, конечно, знаете, что, соглашаясь отдать французские действующие войска на Западном театре под Ваше верховное командование, я всегда оставлял за французским правительством право в случае необходимости принять меры к тому, чтобы французские войска использовались в соответствии с национальными интересами Франции, единственными интересами, которым они должны служить».

Он подчеркивал, что вооружение для этих войск получалось в порядке ленд-лиза и что в обмен на это предоставлялось французское обслуживание. Он напомнил о том, что после начала операций на Западе Соединенные

Штаты не оснастили полностью ни одной новой французской дивизии. Он выразил свою признательность за ту роль, которую играл лично Эйзенхауэр, и выразил надежду на сохранение духа добрых отношений между французскими и американскими войсками на театре военных действий.

В Вашингтоне Трумэн заявил, что он шокирован действиями де Голля и обеспокоен тем, что сообщение об инциденте, которое получено в Соединенных Штатах из французских источников, по-видимому, вызовет бурю негодования. По его мнению, если пришло время, когда французскую армию следует рассматривать как армию, выполняющую лишь политические устремления французского правительства, тогда следует внести изменения в структуру командования. Генерал де Голль выразил пожелание избежать создания такого положения и указал, что легко добиться этого, если только союзники Франции признают, « что такие непосредственно затрагивающие Францию вопросы, как оккупация германской территории, должны обсуждаться и решаться при ее участии. К сожалению, несмотря на мои неоднократные просьбы, дело не обстоит таким образом ».

В той мере, в какой это касалось Эйзенхауэра, с выводом американских войск из Штутгарта инцидент был исчерпан. Война была так близка к концу, что неудобства оставления путей снабжения неприкрытыми хотя и были неприятны, но не носили серьезного характера. Вскоре после этого случая союзники достигли соглашения по вопросу о французской зоне оккупации и участии Франции в контрольном органе для Германии. Этим были удовлетворены главные требования де Голля.

В коалиционной войне в Северо-Западной Европе, когда силы союзных и объединенных держав неудержимо неслись навстречу друг другу через территорию противника, уже к концу марта возникла опасность, что через несколько недель или даже дней могут произойти столкновения между наземными силами дружественных государств. Такие столкновения между частями, дерущимися бок о бок, могли случиться и случались, когда отсутствовала надлежащая координация и связь. Еще более велика была опасность такого столкновения между советскими войсками и англо-американскими союзниками, так как между ними не было прямой проводной связи, а сражение достигло той стадии, когда даже командиры дивизий не всегда полностью были уверены в местонахождении в данный момент своих передовых частей. До первых чисел апреля 1945 года эта трудность не достигла особенной остроты в наземных войсках, но между советской, английской и американской авиацией неприятности возникали еще с лета и осени прошлого года. Усилия, предпринятые с обеих сторон после высадки союзников в июне 1944 года с целью разрешения этого вопроса, осложнялись отсутствием какой-либо договоренности по таким моментам, как установление предельной глубины бомбовых ударов, характер демаркационных линий, метод действий на тот случай, когда соприкосновение окажется неизбежным, отвод войск сторон в соответствующие зоны оккупации и вопрос о продвижении далее согласованной демаркационной линии, когда это окажется необходимым для спасения населения дружественной страны от расправы со стороны немцев.

Попытки выработать единую систему взаимопознавания техники войск антигитлеровской коалиции

начались в 1945 году, когда Красная армия вышла на границы Германии. На одном из совместных совещаний было решено, что для взаимопознавания на советские танки будет наноситься одна, а на союзные — две белые полосы по периметру башни. На крыши танковых башен и рубок САУ также наносились перекрещенные белые полосы. Подобная система использовалась у союзников в авиации, где широкие белые полосы дополнительно помогали визуальному опознаванию. Но на земле подобный подход прижился лишь частично. На Западном фронте эта система так и не была применена, там продолжали все еще использовать красно-желтые флюоресцирующие панели для воздушного опознавания (войск), продублированные хорошо узнаваемым символом — белой пятиконечной звездой — американским национальным опознавательным знаком, принятым в качестве базового для всех войск антигитлеровской коалиции на Западе (США, Великобритания, Канада, Франция, а также польские, бельгийские, голландские и чехословацкие части). В советских и польских танковых подразделениях (Войско Польское) белые полосы наносили только на танки и САУ, участвовавшие в Берлинской операции, да и то частично. К тому же оказалось, что немцы раскрыли этот «опознавательный код» и стали тоже наносить опознавательные полосы на свои танки. Поэтому уже в майских, завершающих боях на советской технике кроме полос можно было видеть вновь нанесенные кистью довольно традиционные опознавательные знаки — белые треугольники.

Определенное политическое сотрудничество было выработано между англичанами и русскими еще вскоре после германского вторжения в СССР и между американцами и русскими после переговоров о соглашении

по ленд-лизу в 1941 года, но систематические усилия по согласованию планов Красной армии и планов вторжения на Европейский континент предпринимались лишь в конце 1943 года. Американская и английская военные миссии в Москве предприняли меры к тому, чтобы информировать высшее советское командование о повседневных действиях вооруженных сил западных держав и в обмен получать некоторую информацию о действиях Красной армии. Вскоре после высадки в Нормандии была достигнута договоренность, согласно которой союзники сообщали советскому правительству общие планы предполагаемых боевых операций Эйзенхауэра и в необходимых случаях — его планы на будущее. Советское командование, в свою очередь, давало военным миссиям союзников в Москве копии коммюнике Красной армии за короткое время до того, как они передавались в прессу.

С продвижением Красной армии на запад возникла необходимость в официальном соглашении о демаркационных линиях и зонах оккупации. В начале 1944 года европейская Консультативная комиссия обсудила в Лондоне этот вопрос. В январе 1944 года был представлен на рассмотрение английский план разделения Германии на три зоны фактически в том же виде, в каком он был окончательно принят. Этот план, который выносил советскую зону далеко на запад от Эльбы, был в феврале принят советскими представителями и, по-видимому, удовлетворял управление гражданской администрацией военного министерства США. В конце февраля представители управления гражданской администрацией предложили новый план, по которому все три зоны оккупации должны сойтись в Берлине. Это предложение было признано неясным и неосуществи-

мым, и работа по определению зон заглохла до апреля 1944 года, когда президент США уполномочил своих представителей в Лондоне одобрить общие основы от первоначального английского предложения о зонах оккупации. Он возражал лишь против того, чтобы Соединенные Штаты имели свою зону на юге Германии, и просил, чтобы она была на севере. Его настояния по этому вопросу затянули достижение окончательного соглашения о протоколе, рассматривающем зоны оккупации, до окончания второй Квебекской конференции, когда он наконец согласился на зону в Южной Германии. Вплоть до сентября месяца 1944 г. (европейская) Консультативная комиссия не посылала свой протокол о зонах оккупации трем главным заинтересованным правительствам. Даже и тогда окончательное одобрение протокола задержалось из-за того, что английский и американский представители не могли прийти к соглашению по поводу права американцев вступить в район Бремерхафена. Этот вопрос получил разрешение в ноябре, и пересмотренный протокол был в декабре 1944 года одобрен английским правительством.

В январе 1945 года американский посол в Великобритании Вайнат был обеспокоен тем фактом, что Соединенные Штаты и Советский Союз все еще официально не одобрили зоны оккупации. Он выразил свою озабоченность Гопкинсу, когда последний находился в пути на Мальту и в Ялту, высказав опасение, что при отсутствии соглашения в ближайшее время русские могут продолжать наступать на запад и после того, как пересекут границу намеченной для них зоны. Государственный секретарь США Стеттиниус и министр иностранных дел Англии Иден 1 февраля обсуждали на Мальте этот вопрос и пришли к соглашению побудить

объединенный штаб достигнуть немедленного решения о зонах оккупации в Германии. Позднее в этот же день генерал Маршалл и фельдмаршал Брук после обмена мнениями по данному вопросу со Стеттиниусом и Иденом распорядились об отправке телеграммы (европейской) Консультативной комиссии с извещением, что английское и американское правительства одобрили протокол о зонах оккупации. Этот шаг был предпринят, по-видимому, без ведома президента США. Как потом писал Стеттиниус, когда 2 февраля Рузвельт прибыл на Мальту, он, «казалось, испытал большое облегчение, услышав от меня, что генерал Маршалл и фельдмаршал Брук наконец одобрили план зон оккупации и что Иден и я послали инструкции нашим представителям в (европейской) Консультативной Комиссии в Лондоне».

Начертание зон, произведенное по принципу равного распределения населения и ресурсов между оккупирующими державами, не соответствовало военным соображениям в части, касающейся рубежей, на которых прекращалось продвижение. Часть русской зоны находилась намного западнее от Эльбы, но было бы неразумным остановить продвижение войск западных держав у границы этого района, оставляя немецкие войска здесь неразгромленными до тех пор, пока Красная армия не займет свою зону полностью. Было очевидно, что армии должны продолжать наступление с востока и запада до тех пор, пока они фактически не соединятся или не достигнут ясно обозначенной демаркационной линии непосредственно перед тем, как должно будет произойти соединение. В начале апреля Дуайт Эйзенхауэр указал, что не следует ограничивать продвижение с какой-либо стороны демаркационными линиями, установленными заблаговременно. Гораздо

лучше, если обеим сторонам будет предоставлена свобода продвижения, пока они не войдут в соприкосновение. Он считал, что в дальнейшем в зависимости от оперативной необходимости либо Красная армия, либо верховное командование западных союзников могут просить другую сторону отойти за межзональную границу, установленную (европейской) Консультативной комиссией. Английские начальники штабов по политическим и военным соображениям были против упоминания о межзональной границе, поскольку боевые действия еще продолжались. Вместо этого они предложили, чтобы армии оставались на месте до тех пор, пока не получат от своих правительств приказ на отход.

Английское предложение вызвало немедленное возражение со стороны американского военного министерства и госдепартамента. Работники европейского и русского отделов госдепартамента считали, «что руководство передвижениями войск со стороны правительства указывает определенно на политический характер этих действий и что подобные передвижения должны остаться военным мероприятием по меньшей мере до тех пор, пока не ликвидировано верховное командование и не создана союзная контрольная комиссия». Они очень опасались, что английское предложение может побудить «русских погнаться за остальной частью территории Германии, чтобы приобрести по возможности больше квадратных миль, прежде чем кончится война». Работники из военного министерства США считали такое толкование означаящим, что госдепартамент предпочитает «прямое военное решение данного вопроса, а именно, чтобы Эйзенхауэр готовил передвижение американских и английских войск, если позволят боевые действия, соответственно в американскую и английскую

зоны, согласовывая эти передвижения с местным военным командованием или, если необходимо, с И.В. Сталиным через генерала Дина и адмирала Арчера».

Позднее объединенный штаб союзных войск более полно выразил свою точку зрения, предложив, чтобы обе стороны оставались в таком положении и месте, как они встретились, и чтобы рубеж расположения войск был затем уточнен местным военным командованием с учетом необходимости ликвидировать сопротивление остатков войск противника. После прекращения военных действий войска западных союзников должны быть расположены в соответствии с военной необходимостью независимо от границ зон оккупации. Насколько позволит обстановка, верховный командующий, прежде чем производить крупные изменения в начертании границ зон, должен получить одобрение объединенного штаба. В этих пределах он свободен вступать в переговоры непосредственно с советским генеральным штабом через миссию союзников в Москве. В случае если в ходе операций возникнут важные для английского и американского правительств политические и военные вопросы, верховный командующий должен, прежде чем обращаться к советскому высшему командованию, проконсультироваться с объединенным штабом, кроме случая, когда, по его мнению, задержка будет нежелательна «по важным военным соображениям». Эти указания в день их получения были Эйзенхауэром переданы командующим группами армий.

В то время как союзники, решая проблемы снабжения населения Голландии продовольствием и разрешая противоречия с де Голлем, почти не встречая сопротивления со стороны германских войск, продвигались на восток, советское командование завершало плани-

рование Берлинской операции. На заседании Ставки ВГК 1 апреля в присутствии командующих 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами обсуждался ее замысел. Мощными ударами 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов намечалось прорвать оборону противника на Одере и Нейсе, окружить и уничтожить основные силы его берлинской группировки и, выйдя на Эльбу, соединиться с наступающими с запада союзниками. Одобрив общий замысел наступления, И.В. Сталин потребовал подготовить операцию в короткие сроки, причем начать ее не позднее 16 апреля, а завершить через 12—15 дней. Ставка спешила, опасаясь, как бы союзники не опередили советские войска в овладении Берлином.

Именно в этот же день, после совещания, Сталин ответил на послание от 28 марта. Он сообщал, что план Эйзенхауэра целиком совпадает с планами командования Красной армии. Сталин заверял союзника, что Берлин якобы уже утратил свое прежнее стратегическое значение и поэтому для взятия его советское командование выделяет лишь второстепенные силы, а главный удар нанесет с целью соединения с англо-американскими войсками. Наступление главных сил начнется приблизительно во второй половине мая. «Впрочем, — писал он далее, — этот план может подвергнуться изменениям в зависимости от изменения обстановки».

В какой-то мере последнее дополнение должно было оправдать две сознательно допущенные советским лидером неточности: во-первых, для наступления на Берлин выделялись главные силы советских войск, а не второстепенные; во-вторых, согласно только что намеченному сроку оно должно было начаться на целый месяц раньше.

Германское командование стремилось любой ценой сдержать наступление Красной армии в надежде выиграть время для заключения сепаратного мира с западными державами. Такая политика, рассчитанная на раскол антигитлеровской коалиции, после Крымской конференции глав правительств трех великих держав стала уже абсолютно нереальной. В опубликованном коммюнике об итогах работы конференции Ф. Рузвельт, И.В. Сталин и Уинстон Черчилль заявили: «Нацистская Германия обречена. Германский народ, пытаясь продолжать свое безнадежное сопротивление, лишь делает для себя тяжелее цену своего поражения».

Однако Гитлера волновала не судьба германского народа, а сохранение нацистского режима. Все его помыслы о сепаратном мире были устремлены на Запад. На Восточном фронте он потребовал от вермахта, наоборот, усилить сопротивление. В специальных указаниях национал-социалистической партии от 3 апреля говорилось: «Наш взор должен быть обращен только на восток, независимо от того, что будет происходить на западе. Удержание Восточного фронта является предпосылкой к перелому в ходе войны!»

При организации обороны на советско-германском фронте немецкое командование основные силы сосредоточило на берлинском направлении. Спешное оборонительное строительство здесь началось в январе, когда советские войска прорвали оборону на Висле. Интенсивность его нарастала за счет привлечения местного населения, иностранных рабочих и даже части военнопленных, хотя использование последних на объектах военного значения международными законами категорически запрещалось.

Основой обороны противника на берлинском направлении являлся рубеж вдоль рек Одера и Нейсе. Наиболее сильные рубежи и на большую глубину были созданы против 1-го Белорусского фронта, войска которого ближе всех подошли к Берлину. За одерско-нейсенским рубежом был оборудован Берлинский оборонительный район, который состоял из трех кольцевых обводов вокруг столицы.

Берлинское направление обороняли войска групп армий «Висла» и «Центр» под командованием генералов Г. Хейнрици и Ф. Шернера. 5 апреля Гитлер присвоил последнему звание генерал-фельдмаршала. Войска немцев, сосредоточенные на этом направлении от Балтики до Карпат, насчитывали около 1 млн солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 10,4 тыс. орудий и минометов. Их поддерживали основные силы люфтваффе в количестве 3,3 тыс. боевых самолетов, в том числе 120 новейших реактивных истребителей Me-262.

В составе группы армий «Висла» на 15 марта 1945 года находились 25-я танковая дивизия (1 StuG III, 31 Pz. Kpfw. IV, 19 Pz. IV/70), танковая дивизия «Мюнхеберг» (4 StuG III, 4 Pz. Kpfw. IV, 1 Pz. IV/70, 11 Pz. Kpfw. V типа «Пантера», 11 Pz. Kpfw. VI), дивизия «Гренадеры фюрера» (34 StuG III, 3 Pz. Kpfw. IV, 7 Pz. IV/70, 3 Flakpz, 26 Pz. Kpfw. V), 20-я панцергренадерская дивизия (19 Pz. Kpfw. IV, 21 Pz. IV/70, 3 Flakpz), 25-я панцергренадерская дивизия (30 StuG III, один танк Pz. Kpfw. IV, 3 Flakpz), панцергренадерская дивизия «Курмарк» с приданным ей 2-м батальоном 9-го танкового полка (20 Pz. Kpfw. IV, 9 Pz. IV/70, 38 Pz. Kpfw. V, 1 Pz. Kpfw. VI «Тигр»), 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг» (32 Pz. Kpfw. IV, 8 Pz. IV/70,

8 Flakpz, 50 Pz. Kpfw. V), 11-я панцергренадерская дивизия СС «Нордланд» (26 StuG III, 2 Pz. Kpfw. V), 502-й тяжелый танковый батальон СС (31 танк Pz. Kpfw. VI), 503-й тяжелый танковый батальон СС (8 Flakpz, 12 Pz. Kpfw. VI).

В составе группы «Центр» на 15 марта 1945 года находились 8-я танковая дивизия (42 Pz. Kpfw. IV, 30 Pz. IV/70, 10 Pz. Kpfw. V), 16-я танковая дивизия (31 StuG III, 4 Pz. Kpfw. IV, 16 Pz. IV/70, 14 Pz. Kpfw. V), 17-я танковая дивизия (14 Pz. Kpfw. IV, 19 Pz. IV/70, 3 Flakpz), 19-я танковая дивизия (20 Pz. Kpfw. IV, 11 Pz. IV/70, 17 Pz. Kpfw. V), 20-я танковая дивизия (13 StuG III, 21 Pz. Kpfw. IV, 10 Pz. IV/70, 2 Flakpz, 9 Pz. Kpfw. V), 21-я танковая дивизия (1 StuG III, 31 Pz. Kpfw. IV, 16 Pz. IV/70, 4 Flakpz, 33 Pz. Kpfw. V), спецдивизия «Охрана фюрера» (43 StuG III, 10 Pz. Kpfw. IV, 20 Pz. IV/70, 5 Flakpz, 20 Pz. Kpfw. V), 10-я панцергренадерская дивизия (29 StuG III, 9 Pz. IV/70), панцергренадерская дивизия «Бранденбург» с приданными ей 1-м батальоном 39-го танкового полка вермахта, 1-м и 2-м танковыми батальонами «Штансдорф» (58 StuG III, 1 Pz. Kpfw. IV, 23 Pz. Kpfw. V), 1-я парашютно-танковая дивизия (20 Pz. Kpfw. IV, 20 Pz. Kpfw. V, 1 Pz. Kpfw. VI), 18-я панцергренадерская дивизия СС «Хорст Вессель» (19 StuG III).

Уровень исправности материальной части колебался в пределах 65—70 %. Во второй половине марта 1945 года на советско-германский фронт было направлено 41 Pz. Kpfw. IV, 82 Pz. Kpfw. V «Пантеры» и 31 танк Pz. Kpfw. VI «Тигр». Фактически — 154 танка на весь фронт, полностью включая не только вышеперечисленные объединения, но и группы армий «Юг», «Север» и «Курляндия».

Кроме танковых соединений в боях за Берлин германское командование активно использовало отдельные бригады штурмовых орудий. В обороне столицы рейха участвовали: 184-я бригада штурмовой артиллерии, 249-я бригада штурмовой артиллерии, 322-я бригада штурмовых орудий, 394-я бригада штурмовых орудий, 920-я учебная бригада штурмовых орудий, 111-я учебная бригада штурмовой артиллерии, III учебная бригада штурмовых орудий, учебная бригада «Фердинанд фон Шилль», дивизион «Бург» и 1170-й дивизион штурмовых орудий.

Советским войскам предстояла тяжелая борьба, особенно 1-му Белорусскому фронту КА. Против кюстринского плацдарма на реке Одер, захваченного войсками этого фронта, на участке 44 км генерал Г. Хейнрици сосредоточил 14 дивизий. В среднем на каждый километр фронта приходилось 60 немецких орудий и минометов, 17 танков и штурмовых орудий. Самый мощный узел сопротивления на пути к Берлину немцы оборудовали на Зееловских высотах. Их крутые, изрезанные оврагами склоны, которые возвышались над широкой долиной Одера в 10—12 км от кюстринского плацдарма, танки могли преодолеть только по дорогам. Фронту предстояло прорвать подготовленную и заранее занятую войсками оборону противника общей глубиной около 100 км. В то же время 2-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам противостояли значительно меньшие силы, оборона которых имела глубину не более 40 км.

Наступление советских войск осложняли весеннее половодье и распутица. В первую очередь это касалось 2-го Белорусского фронта, который должен был начинать прорыв обороны с форсирования Одера. Река здесь имела два рукава — Ост-Одер и Вест-Одер, — раз-

деленные двухкилометровой поймой. Сильно залитое половодьем междуречье допускало движение только по дамбам. Для 1-го Белорусского фронта значение Одера как водной преграды снижалось наличием кюстринского плацдарма. Однако на коротком пути к Берлину его войскам нужно было продвигаться по густо населенной местности с множеством каменных построек. В полосе предстоящих действий 1-го Украинского фронта основными естественными преградами были реки Нейсе и Шпрее, не говоря уже о сплошных лесных массивах.

Разгром мощной группировки войск противника на берлинском направлении в сжатые сроки требовал больших усилий. Кроме армии трех фронтов к проведению Берлинской операции привлекались часть сил 18-й воздушной армии дальней авиации, войск противовоздушной обороны страны, Балтийского флота и Днепровская военная флотилия. Всего имелось 2,5 млн человек, 41,6 тыс. орудий и минометов, 6250 танков и боевых самоходных артиллерийских установок, 7,5 тыс. боевых самолетов. Никогда еще за всю войну столь большое количество сил и средств не сосредоточивалось для наступления в такой узкой полосе, общая ширина которой составляла всего 385 км.

Советское командование добилось на берлинском направлении превосходства над противником в личном составе в два с половиной раза, артиллерии и танках — в четыре и самолетов — более чем вдвое. Основная роль в предстоящей операции отводилась 1-му Белорусскому фронту. Его войсками тогда командовал прославленный полководец маршал Г.К. Жуков, который одновременно являлся первым заместителем Верховного главнокомандующего вооруженными силами. Наступая по кратчайшему пути на столицу рейха, войска фронта

наносили три удара. На направлении главного удара, который Г.К. Жуков планировал с кюстринского плацдарма, наступали четыре общевойсковые и две танковые армии. Они уже на шестой день операции должны были взять Берлин. Севернее и южнее плацдарма наносили удары по две общевойсковые армии. Отрезая противника от Берлина, они должны были на одиннадцатый день выйти к Эльбе.

С войсками маршала Г.К. Жукова очень тесно взаимодействовали 1-й Украинский и 2-й Белорусский фронты, возглавляемые маршалами И.С. Коневым и К.К. Рокоссовским. 2-й Белорусский фронт должен был ударом трех армий из района южнее Штеттина отсечь противника от Берлина в Западной Померании и уничтожить его. Войскам И.С. Конева предстояло нанести два удара: главный — силами трех общевойсковых и двух танковых армий южнее Берлина, а вспомогательный — двумя армиями на Дрезден. Ставка приказала Коневу предусмотреть поворот танковых армий на север, чтобы в случае необходимости помочь войскам 1-го Белорусского фронта в овладении Берлином.

Такое решение вполне устраивало И.С. Конева. «Разумеется, это было моим страстным желанием, — писал он после войны об ударе на Берлин. — Не боюсь в этом признаться и сейчас». Однако Г.К. Жуков делиться славой в овладении столицей Германии с соседом не хотел. Вернувшись из Москвы, он изменил задачу танковым армиям, которые, согласно только что полученной директиве Ставки от 2 апреля, должны были обходить Берлин с севера. Г.К. Жуков приказал 1-й гвардейской танковой армии наступать южнее города, чтобы уже на второй день выйти к нему, а затем на западной окраине соединиться со 2-й гвардейской

танковой армией, которой по-прежнему предстояло продвигаться севернее столицы.

С военной точки зрения, изменение задачи танковой армии было вполне обоснованным. Она могла быстрее общевойсковых армий выйти на южную окраину Берлина и лишить гарнизон противника возможности получать помощь с юга. И.В. Сталин утвердил новое решение командующего. «Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее», — заявил он Г.К. Жукову, когда тот изложил свои доводы.

Задачи фронтам Ставка ВГК поставила 26 апреля. До начала наступления оставалось совсем немного времени, а работа предстояла огромная. Главная трудность заключалась в создании ударных группировок. Дело в том, что основные силы фронтов находились в стороне от намеченных ударов. Из Восточной Пруссии в состав 1-го Украинского фронта прибывало две армии, которые, следуя в железнодорожных эшелонах, еще не подошли. В особенно сложных условиях оказался К.К. Рокоссовский: 2-му Белорусскому фронту предстояло перегруппировать войска из-под районов Данцига и Гдыни на расстояние 300 км и, сменив армии правого крыла 1-го Белорусского фронта, занять исходное положение для наступления в низовьях Одера. К 16 апреля 2-й Белорусский фронт никак не поспевал выйти в новые районы. Г.К. Жуков лично докладывал об этом И.В. Сталину еще 29 марта. «Ну что ж, — ответил Верховный, — придется начать операцию, не ожидая действий фронта К.К. Рокоссовского. Если он запоздает на несколько дней — не беда». 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам было приказано перейти в наступление 16 апреля, а 2-му Белорусскому — 20 апреля.

В целом к назначенным срокам войска завершили подготовку. Однако 28-я и 31-я армии 1-го Украинского фронта находились еще на подходе. Не успели полностью сосредоточиться в новых районах и некоторые части двух других фронтов. Их пришлось выделить во второй эшелон и резерв, а операцию начинать, не дожидаясь опоздавших.

Сжатые сроки подготовки наступления отразились и на других вопросах, важнейший из них — тыловое обеспечение войск. В ходе их предыдущего продвижения, которое шло почти непрерывно уже более двух месяцев, большая часть запасов была израсходована; склады фронтов и армий отстали, тыловые коммуникации растянулись. Движение по железным и шоссейным дорогам восстанавливалось медленно. Работы было много, следовало спешить.

Тем не менее тыл со своими задачами справился в целом успешно. К середине апреля были созданы необходимые запасы, хотя предстоящее наступление до реки Эльбы обеспечивалось боеприпасами лишь с учетом планируемых поставок. Оставалось их своевременно получить. Для облегчения подвоза фронтовые и армейские базы были сосредоточены непосредственно у Одера, что не требовало их перемещения до конца операции. Перед наступлением госпитали были освобождены от не подлежащих лечению во фронтовом тылу больных, а армейские госпитали подготовлены к перемещению и быстрому приему раненых.

Кропотливая работа велась и среди личного состава. Все воины от маршала до солдата понимали, что война подходит к концу. Вполне понятное стремление каждого остаться живым до долгожданной победы создавало определенные трудности. К тому же понесшие большие

потери войска получили пополнение в основном за счет новобранцев, призванных из Прибалтики, Молдавии и западных районов Украины и Белоруссии, только что освобожденных от германской оккупации. Они были плохо обучены военному делу, в довершение слабо владели русским языком. Все это требовало от наших командиров и политработников особых усилий.

Пока советские войска завершали подготовку к Берлинской операции, западные союзники стремительно продвигались на восток. 11 апреля бронетанковые дивизии из 9-й американской армии генерала Симпсона начали выходить к Эльбе. До столицы Германии оставалось немногим больше 100 км. Оторвавшись от главных сил, подходившие к реке дивизии испытывали недостаток горючего. Генерал уверял, что если ему в течение двух суток подвезут запасы, он через 24 часа, опередив русских, будет в самом Берлине. Об этом доложили Эйзенхауэру, но главнокомандующий отклонил предложение. 15 апреля он писал в Вашингтон: «Хотя и верно то, что мы захватили небольшой плацдарм за Эльбой, однако следует помнить, что на эту реку вышли только передовые части; основные же силы пока находятся далеко позади». Реально оценивая обстановку, он как главнокомандующий отдавал себе отчет, что необходимых для овладения Берлином сил у него пока нет. Тем не менее Черчилль смирился с этим лишь после того, как Красная армия прорвала немецкую оборону на берлинском направлении и двинулась на столицу Третьего рейха.

К середине апреля 1945 года все подготовительные мероприятия к последнему броску советских войск на Берлин были в целом завершены. До начала общего наступления 1-й Белорусский фронт провел разведку

боем. Выделенные для этого батальоны и полки с утра 14 апреля атаковали с кюстринского плацдарма позиции противника. За два дня они продвинулись на 5 км. Наибольшего успеха достигли передовые части из 8-й гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова. Сдержат их натиск 20-я панцергренадерская дивизия немцев не смогла. Взбешенный полученным об этом известием, Гитлер назначил расследование. Не дожидаясь его результатов, он приказал отобрать у всего личного состава провинившейся дивизии ордена и другие знаки отличия до тех пор, пока солдаты и офицеры не заслужат их вновь. Однако важно другое: германское командование приняло разведку боем за наступление главных сил и считало, что оно отражено. Но то было заблуждение и неправильная оценка обстановки.

16 апреля за два часа до рассвета войска маршала Г.К. Жукова начали наступление. После короткой, но мощной артиллерийской подготовки пехота и танки двинулись на немецкую оборону. На каждом километре участка прорыва сокрушительный огонь вели в среднем около 300 орудий и минометов, атаковали более 40 танков непосредственной поддержки пехоты. С началом атаки на участках прорыва были включены 143 зенитных прожектора. Их ослепительный свет немцы приняли за новое оружие. Противник был так ошеломлен, что смог организовать сопротивление только на рассвете. Особой силы сопротивление достигло в середине дня, когда атакующие войска подошли к Зееловским высотам, где германское командование и сосредоточило свои основные силы. Атака стрелковых дивизий захлебнулась. Г.К. Жуков планировал ввести танковые армии после того, как пехота овладеет этим мощным противотанковым препятствием. Однако усилий первого эшелона

на фронта для прорыва обороны на высотах оказалось недостаточно. Во второй половине дня пришлось ввести в сражение 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии генералов М.Е. Катукова и С.И. Богданова. Наши танки могли продвигаться только по дорогам, вдоль которых противник создал сильную противотанковую оборону, для чего широко использовал скорострельные мощные зенитные пушки, снятые с противовоздушной обороны Берлина. Несмотря на все усилия, в первый день советские войска выполнить задачу не сумели. Высоты были взяты лишь на второй день.

Ожесточенная борьба по прорыву одерского оборонительного рубежа, общая глубина которого достигала 30 км, продолжалась. Каждый день наше наступление начиналось после сильной артиллерийской подготовки и шло при непрерывной поддержке огнем артиллерии и ударами авиации. Танковые и стрелковые соединения совместными усилиями упорно прогрызали мощную немецкую оборону. Только на четвертый день, к исходу 19 апреля, главная ударная группировка 1-го Белорусского фронта прорвала одерский рубеж. Танковые армии, которые по замыслу Г.К. Жукова должны были на второй день наступления выйти к Берлину, не сумели оторваться от пехоты. До столицы им оставалось 30 км.

В своих воспоминаниях маршал Г.К. Жуков признает, что допустил оплошность, которая затянула сражение на один-два дня: «При подготовке операции мы несколько недооценили сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10—12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно

за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок нашей авиации». Одновременно маршал считал, что свою долю ответственности за недостаточную готовность к взятию высот должны взять на себя командующие армиями, чьи войска прорывали оборону противника на этом направлении.

Удар с кюстринского плацдарма наносили 3-я и 5-я ударные, 8-я гвардейская и 47-я армии генералов В.И. Кузнецова, Н.Э. Берзарина, В.И. Чуйкова и Ф.И. Перхоровича, из которых в конце 60-х годов, когда были опубликованы мемуары Георгия Константиновича, в живых остался только один В.И. Чуйков. Он на 8 лет пережил Г.К. Жукова.

Сам Жуков требовал не прекращать наступать и ночью. Командиры дивизий, корпусов и даже командующие армиями получили его приказ перенести свои наблюдательные пункты в боевые порядки частей и соединений. Все это мало отразилось на ходе операции. Войска, особенно наступавшие впереди танковые армии, несли большие потери. Во 2-й гвардейской танковой армии 18 апреля был тяжело ранен командир 12-го гвардейского танкового корпуса генерал Н.М. Теляков, погиб командир 48-й гвардейской танковой бригады полковник В.И. Макаров, которого всего две недели назад поздравляли с присвоением звания Героя Советского Союза. Значительно больше гибло солдат, сержантов и младших офицеров. Что говорить: война без жертв не бывает, но гибель воина, который прошел всю войну и на пороге победы погиб, особенно тяжела.

Медленное продвижение войск 1-го Белорусского фронта беспокоило Ставку. Из Москвы требовали ускорить темпы наступления. Маршалу Жукову пришлось

выслушивать и упреки И. В. Сталина. «Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии (то есть для обхода Берлина с юга), а не там, где требовала Ставка», — резко отчитывал Верховный своего заместителя. Упрек был несправедлив уже потому, что и севернее Берлина дела шли не лучше. Севернее кюстринского плацдарма 61-я и 1-я польская армии генералов П. А. Белова и С. Г. Поплавского за четыре дня вклинились в оборону противника на 8 км, а наступавшие южнее плацдарма 69-я и 33-я армии под командованием генералов В. Я. Колпакчи и В. Д. Цветаева — всего лишь на 6 км.

1-й Украинский фронт перешел в наступление одновременно с 1-м Белорусским. В ночь на 16 апреля была проведена разведка боем, с рассветом началась артиллерийская и авиационная подготовка атаки, а также постановка плотной дымовой завесы. Передний край обороны немцев задымлялся не только в 90-километровой полосе, где наступала ударная группировка 1-го Украинского фронта, но и на остальном 300-километровом рубеже. Такая огромная дымовая завеса за годы войны применялась впервые. С одной стороны, она имела цель прикрыть переправу войск через реку Нейсе, а с другой — помешать противнику определить направление ударов фронта.

В ходе мощной артиллерийской подготовки, которая длилась почти 2,5 часа, пехота переправилась через Нейсе и атаковала противника. Уже через час были наведены тяжелые мосты и на помощь нашей пехоте пришли танки непосредственной поддержки. Враг яростно оборонялся, бросив на помощь своей пехоте три танковые дивизии и танкоистребительную бригаду. Но и маршал И. С. Конев наращивал усилия. В сражение

были введены 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса, которыми командовали генералы Н.П. Полубояров и Е.И. Фоминых. Из-за того что они имели слишком мало танков, в бой пришлось ввести также передовые отряды 3-й и 4-й гвардейских танковых армий.

К исходу дня 3-я и 5-я гвардейские танковые армии вместе с 13-й армией под командованием генералов В.Н. Гордова, А.С. Жадова и Н.П. Пухова прорвались на глубину 13 км. При этом пришлось преодолевать не только сопротивление противника, но и лесные массивы, в которых от ударов авиации и огня артиллерии возникли пожары. Хуже шло дело на дрезденском направлении. Наступавшая там 52-я армия генерала К.А. Коротеева вместе со 2-й польской армией генерала К.К. Сверчевского сумели лишь на небольшом участке вклиниться в немецкую оборону лишь на 4—5 км.

17 апреля командующий усилил главную ударную группировку фронта, введя в сражение 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии. Сломив сопротивление противника, танкисты генералов П.С. Рыбалко и Д.Д. Лелюшенко с ходу форсировали реку Шпрее и на следующий день завершили прорыв оборонительного рубежа, имевшего глубину 40 км.

Напряженные бои разгорелись и на дрезденском направлении. Обеспокоенный прорывом обороны на реке Шпрее, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Шернер начал сосредоточение в районе Герлица 9 дивизий. Контрударом на север по левому флангу главной ударной группировки 1-го Украинского фронта он стремился задержать ее наступление на Берлин. Не дожидаясь, пока сосредоточатся все дивизии, фельдмаршал приказал уже 18 апреля нанести удар. Командующий 52-й армией генерал К.А. Коротеев вы-

нужден был прервать наступление и отражать натиск противника. Под ее прикрытием 2-я польская армия продолжала наступление. К этому времени в состав 1-го Украинского фронта начали прибывать соединения 28-й армии. И.С. Конев приказал ее командующему генералу А.А. Лучинскому выдвигаться на главное направление.

Учитывая, что после форсирования Шпрее на пути войск 1-го Украинского фронта к Берлину германское командование крупных резервов не имело, а 1-му Белорусскому фронту еще предстояло прорываться через прочную оборону, Ставка решила все же повернуть танковые армии И.С. Конева на столицу Германии. Соответствующие указания он получил еще 17 апреля и сразу же поставил задачу командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями: после преодоления Шпрее развивать наступление на Берлин, чтобы в ночь на 21 апреля ворваться на его южные окраины. Задача предстояла нелегкая: до Берлина по прямой 120 км, а на их преодоление отводилось всего двое суток.

Получив долгожданную команду, танковые армии П.С. Рыбалко и Д.Д. Лелюшенко 18 апреля форсировали Шпрее и устремились на север. Стремясь во что бы то ни стало первым ворваться в Берлин, И.С. Конев основные надежды возложил на многоопытного командарма П.С. Рыбалко. Командующий фронтом усилил 3-ю гвардейскую танковую армию зенитной артиллерийской дивизией, артиллерийским корпусом прорыва, истребительным авиакорпусом. 21 апреля в полосе наступления танковой армии И.С. Конев ввел в сражение прибывшую 28-ю армию, усилив ее артиллерийской дивизией. Для быстрой переброски стрелковых частей

в распоряжение командующего 28-й армией генерала А.А. Лучинского был выделен авт.отранспорт.

На пути танкистов П.С. Рыбалко к Берлину оказался Цоссен. Здесь глубоко в подземелье располагался главный командный пункт вермахта, где размещались штаб оперативного руководства во главе с генералом А. Йодлем и штаб сухопутных войск, возглавляемый генералом Г. Кребсом. При появлении советских танков личный состав обоих штабов в спешке покинул Цоссен.

Несмотря на быстрое продвижение, 3-я гвардейская танковая армия не смогла выполнить задачу в указанный срок. Лишь вечером 22 апреля, то есть с опозданием почти на сутки, передовые танковые бригады подошли к Берлину. Однако преодолеть Тельтов-канал с ходу не удалось: оборона южной окраины города оказалась сильной.

Упорно продвигались к Берлину и войска 1-го Белорусского фронта. Получив сообщение о наступлении на столицу танковых армий 1-го Украинского фронта, маршал Г.К. Жуков вечером 20 апреля направил командующим 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями срочную директиву — им поручалась «историческая задача: первыми ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы». Требовалось выделить от каждого корпуса по лучшей бригаде и «не позднее 4.00 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедля донести для доклада Сталину и объявления в прессе». Однако к городу удалось прорваться только к вечеру, когда к северо-восточной окраине вышла 2-я гвардейская танковая армия, а вместе с ней стрелковые соединения 3-й и 5-й ударных армий. Наступавшая на южном фланге главной ударной группировки 1-го Белорусского фрон-

та 1-я гвардейская танковая армия отстала. До столицы ей оставалось еще 20 км.

Такими результатами боевых действий Г.К. Жуков был недоволен. «Оборона Берлина организована очень слабо, — убеждал он командармов в телеграмме от 22 апреля, — а операция наших войск по взятию города развивается очень медленно». Командующий фронтом требовал быстро организовать круглосуточное наступление. Сильно отставшей 1-й гвардейской танковой армии было приказано переправиться через Шпрее на участке 8-й гвардейской армии и не позднее 24 апреля овладеть на юго-востоке районом столицы Темпельхоф.

В целом к исходу 22 апреля над противником, оборонявшимся в Берлине и южнее, нависла угроза окружения. Всего 40 км разделяли войска 1-го Белорусского фронта, обходящие Берлин с севера, от войск 1-го Украинского фронта, наступавших на столицу с юга. Ставка ВГК требовала от Г.К. Жукова и И.С. Конева ускорить окружение берлинской группировки.

24 апреля 8-я гвардейская и 1-я гвардейская танковая армии 1-го Белорусского фронта встретились с 3-й гвардейской танковой и 28-й армиями на юго-восточной окраине Берлина. На следующий день 2-я гвардейская танковая и 47-я армии, обойдя столицу севернее, соединились с 4-й гвардейской танковой армией 1-го Украинского фронта западнее Берлина. Группировка противника численностью более 500 тыс. человек была не только окружена, но и рассечена на две части: одна осталась в Берлине, другая — южнее города.

21 апреля 1945 года Красной армией был занят танковый испытательный полигон в Кумерсдорфе. Среди различных БТТ там находилось два (по некоторым не-

мецким данным три) экспериментальных танка Тип 205 «Маус». Один из них впоследствии в полуразрушенном состоянии достался советским специалистам, потом нашли и остатки другого. После войны части от обоих танков были перевезены морем в Ленинград, а затем на Кубинку. Там из двух танков в 1951—1952 годах собрали только один, который затем активно испытывался. Танк Тип 205 «Маус», экспонируемый в Кубинке, состоит из корпуса 1-го образца и башни 2-го.

Самый большой танк Второй мировой войны носил скромное и неприметное название «Маус-мышь», хотя боевая масса этой машины (180 т) соответствовала весу четырех «Пантер» или трех танков типа «Тигр». При проектировании «Маус» планировали использовать как танк прорыва хорошо укрепленных оборонительных полос противника, но по окончании войны, несмотря на указание Гитлера прекратить разработку сверхтяжелых танков еще в конце 1944 года, Тип 205 стал ассоциироваться с одним из образцов «чудооружия», способного остановить наступление войск Красной армии. Однако на самом деле все было гораздо прозаичнее.

Весной 1945 года оба (или три) опытных образца Тип 205 находились на германском танковом полигоне в Кумерсдорфе. Все прототипы были подготовлены к уничтожению, если на полигон войдет Красная армия. В последний момент пришел новый приказ, согласно которому необходимо было использовать танки в обороне полигона. Полуразрушенный танк 205/2 был захвачен нашими солдатами в районе железнодорожной станции в Кумерсдорфе. Неизвестно, была ли эта громадная машина, вооруженная 128-мм и 75-мм пушка-

ми, взорвана экипажем или повреждена в бою. О том, как были использованы в обороне полигона остальные танки этого типа, данных нет.

2-й Белорусский фронт к 20 апреля завершил подготовку к наступлению. К исходу 19 апреля его войска полностью очистили междуречье между Ост-и Вест-Одером и, наведя мосты через восточный рукав, заняли исходное положение для форсирования Вест-Одера. Основную часть артиллерии пришлось оставить перед Ост-Одером. Затопленное междуречье не позволило разместить артиллерию ближе, что затрудняло эффективную поддержку атаки переднего края, который проходил за основным, западным рукавом Одера.

Как и планировалось, наступление главных сил 2-го Белорусского фронта началось 20 апреля. Согласно новой задаче, полученной К.К. Рокоссовским два дня назад, его войска должны были после форсирования Одера не позднее 22 апреля нанести удар в юго-западном направлении на Берлин, чтобы помочь маршалу Г.К. Жукову в овладении столицей рейха.

В 50-километровой полосе южнее Штеттина наступали 65, 70-я и 49-я армии, которыми командовали генералы П.И. Батов, В.С. Попов и И.Т. Гришин. Каждая армия прорывала оборону на узком участке от 4 до 6 км, где и сосредоточивались почти все силы. Севернее Штеттина оборонялась 2-я ударная армия. Ее задача состояла в том, чтобы активно демонстрировать форсирование Одера и не допустить переброски немецких войск на направление, где наносился главный удар.

Несмотря на то что армии имели по девять стрелковых дивизий, против которых оборонялась всего одна боеспособная пехотная дивизия, 20 апреля только 65-й

и 70-й армиям удалось захватить на левом берегу Вест-Одера три небольших плацдарма глубиной до полутора километров. При этом 49-я армия, где К.К. Рокоссовский сосредоточивал основные силы, преодолеть реку не сумела. Генерала И.Г. Гришина подвела разведка: не разобравшись в хитросплетении рукавов и каналов, она неправильно определила основное русло реки, а значит, и передний край обороны противника. Результат оказался плачевным: авиация и артиллерия нанесли удары по пустому месту, а двинувшиеся в атаку подразделения попали под губительный огонь противника. 49-я армия форсировала Одер только 25 апреля.

21 апреля К.К. Рокоссовскому пришлось перенести основные усилия ударной группировки фронта на правый фланг в полосу 65-й армии, которая добилась большего успеха. Подобный маневр осуществлялся перенацеливанием ударов 4-й воздушной армии, перегруппировкой артиллерии и переправочных средств. Уже к вечеру на участке форсирования 65-й армии через Вест-Одер было наведено шесть паромных переправ для грузов до 16 тонн. Возможности армии резко возросли. К тому же через восточный рукав к этому времени были наведены переправы, выдерживающие 30—50 т, что позволило перебрасывать тяжелую технику, включая танки. 24 апреля через Одер была переправлена вся армия.

Генерал Хассо фон Мантейфель — командующий 3-й немецкой танковой армией, которая оборонялась против войск 2-го Белорусского фронта, бросил к участку прорыва 65-й армии все свои резервы. При поддержке артиллерии крепости Штеттин они непрерывно контратаковали советские войска.

23 апреля по каналам междуречья удалось провести тяжелые понтоны и собрать через Вест-Одер мост грузоподъемностью 60 т. Противник открыл по нему ураганный артиллерийский огонь. Хотя ряд понтонов был поврежден, мост удалось быстро восстановить, а батареи немцев, обстрелявшие его, были уничтожены. Советские танки начали переправу без особых помех со стороны противника.

25 апреля 1-й гвардейский танковый корпус генерала М.Ф. Панова, вступив в сражение на участке 65-й армии, завершил прорыв главной полосы обороны. Достичь большего успеха ему не удалось; сопротивление противника, усиленного резервами, нарастало. В тот день более значительным оказалось продвижение 70-й армии, наступавшей в центре ударной группировки фронта. Воспользовавшись тем, что противник бросил основные силы против 65-й армии, стрелковые дивизии 70-й армии вырвались вперед и к исходу дня продвинулись более чем на 20 км. Теперь путь им преграждала река Рандов, по которой проходила вторая полоса обороны немцев. Левифланговая 49-я армия преодолела Одер, используя переправы соседней армии, и к вечеру продвинулась на 5—6 км.

К этому времени удар войск 2-го Белорусского фронта для помощи в овладении Берлином уже не требовался. Оценивая решение И.В. Сталина повернуть войска этого фронта на Берлин, Г.К. Жуков писал: «Есть такая пословица: “Поспешишь — людей насмешишь”. Так и получилось с этой директивой Ставки». 25 апреля К.К. Рокоссовскому было приказано действовать в общем направлении на северо-запад, прижимая противника к морю.

ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ

Наступление Красной армии на Берлин изменило обстановку на Западном фронте. Уже 15 апреля командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал Модель, войска которого были окружены в Руре, после долгих раздумий приказал солдат старших и младших возрастов, только что призванных в армию, распустить по домам, а остальным с 17 апреля сопротивление прекратить и сдаваться в плен или пробиваться из окружения. Однако прорваться стремились немногие. 20 апреля началась массовая сдача в плен. Сам Модель на следующий день застрелился. Западный фронт немецких войск прекратил существование.

Гитлер и его приближенные до последнего момента надеялись, что встречное наступление Красной армии и англо-американских войск приведет к вооруженному столкновению, а вслед за этим и распаду союза трех великих держав. Однако их расчеты не оправдывались; никаких боевых стычек между союзниками не произошло, и последние иллюзии нацистского руководства на благополучное для себя окончание войны рухнули безвозвратно.

Один из штабных офицеров из оперативного командования вермахта (ОКВ) в ночь с 20 на 21 апреля докладывал Гитлеру о прорыве советских войск в районе Котбуса (который привел к развалу всего Восточного фронта и окружения Берлина). Тогда германский вождь внимательно слушал полные трагизма слова донесения, но так и не нашел иного объяснения успеху советских войск, кроме слова «предательство».

На следующий день, когда Гитлер узнал, что в некоторых городах и деревнях Германии при приближении

американских танков вывешивались белые флаги, этот же офицер услышал из его уст слова: «Если немецкий народ стал труслив и слаб, он не заслуживает ничего иного, как позорной гибели».

21 апреля Эйзенхауэр направил через военную миссию США в Москве начальнику Генерального штаба Красной армии генералу А.И. Антонову информацию о своих планах и предложил рубеж рек Эльбы и Мульде для соединения англо-американских войск с советскими. Антонов ответил согласием. О возможности встречи с войсками западных союзников маршалы Г.К. Жуков, И.С. Конев и К.К. Рокоссовский заранее были предупреждены еще 20 апреля, когда им сообщили согласованные с союзниками сигналы для взаимного опознавания. Согласно полученным указаниям, командующие армиями должны были при встрече по договоренности со старшим начальником войск союзников установить временную линию, исключавшую их перемешивание.

Официально первая встреча союзников произошла 25 апреля на реке Эльбе. Как сообщал в тот день А.И. Антонову начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал И.Е. Петров, в районе Торгау в 15.00 передовые подразделения 58-й гвардейской стрелковой дивизии встретились с разведывательными группами американской 69-й пехотной дивизии.

В реальности первая встреча произошла несколько раньше у города Ризы.

В ночь на 25 апреля 1945 года бойцы 175-го стрелкового полка 58-й гвардейской стрелковой дивизии (5-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта), овладев восточным берегом Эльбы, вели огневой бой с частями противника, расположенными на другом берегу.

К утру огонь затих. В 12.00 через реку в 8 км севернее Ризы переправилась 6-я стрелковая рота (разведывательный отряд), имея задачу выявить наличие и состав группировки противника на левом берегу реки. Не встречая сопротивления, рота под командованием старшего лейтенанта Г.С. Голобородько продвигалась в направлении населенных пунктов Герциг, Штрела. В Герциге противника не оказалось. Выйдя на высоту с отметкой 129,8 (5 км северо-западнее Ризы), наши разведчики обнаружили недалеко группу солдат, пускавших ракеты. Это был условный сигнал, установленный для встречи с союзными войсками. На ответный сигнал Г.С. Голобородько к высоте приблизилась группа американских солдат, которые оказались разведчиками 69-й пехотной дивизии 5-го пехотного корпуса 1-й американской армии. Разведчиков было 22 во главе с лейтенантом Котцебу. Эта встреча произошла в 13.30 25 апреля 1945 года.

После взаимной проверки документов лейтенант Котцебу сообщил по радио в свой штаб о встрече с подразделением Красной армии. 10 человек из этой группы он отправил в расположение своей части, а сам с 11 солдатами, приняв приглашение старшего лейтенанта Г.С. Голобородько, поехал в штаб 175-го гвардейского стрелкового полка.

На правом берегу реки в районе населенного пункта Крейниц произошла встреча представителей союзных войск с нашей делегацией, которую возглавил заместитель командира 175-го гвардейского стрелкового полка по политчасти гвардии подполковник Я.Е. Козлов.

Вторая по времени встреча произошла через 2 часа в районе шоссе моста через Эльбу, восточнее Торгау.

Дело было так. 173-й гвардейский стрелковый полк 24 апреля 1945 года, прорвав оборону противника и ликвидировав небольшой плацдарм немцев на правом берегу реки Эльбы восточнее города Торгау, закрепился на захваченном рубеже. Днем 25 апреля наши наблюдатели, осматривая Торгау, расположенный на левом берегу реки, обнаружили на колокольне церкви солдата, который активно размахивал флажками и что-то выкрикивал. Полагая, что это солдат немецкий, командир взвода лейтенант А.С. Селивашко попытался поговорить с ним на немецком языке, однако разговора не получилось. Когда же неизвестный солдат приблизился к реке и на русском языке громко прокричал: «Москва — Америка!», наши воины позвали его к себе. Солдат перешел реку по фермам взорванного моста и сообщил, что в н/п Торгау находятся американские солдаты. Вскоре к реке подошел американский офицер лейтенант Робертсон, а вслед за ним группа солдат. Робертсон сообщил, что он с разведывательной группой 69-й пехотной дивизии направлен командиром дивизии в Торгау для установления контакта с частями Красной армии. Из 13 своих разведчиков 8 он отправил обратно в часть, а сам с четырьмя солдатами на двух машинах переправился на восточный берег. Вместе с командиром батальона 173-го гвардейского стрелкового полка капитаном В.П. Недой они выехали в штаб полка.

А уже потом непрерывающейся чередой начались официальные встречи, в том числе и постоянно упоминаемые в отечественной историографии.

Момент этих встреч был поистине исторический; почти год, громя общего врага, продвигались навстречу друг другу союзные армии и наконец соединились. Москва отметила важное событие традиционным салютом:

прогремели 24 артиллерийских залпа из 324 орудий. До сих пор так отмечалось освобождение столицы союзной республики или государства. А поздравительный приказ И.В. Сталина был адресован не непосредственному виновнику торжества — войскам 1-го Украинского фронта, как это обычно делалось, а всей действующей армии. По этому же поводу 27 апреля было опубликовано обращение Верховного главнокомандующего к Красной армии и войскам союзников. Аналогичным образом поступили Черчилль и Трумэн, ставший после смерти Рузвельта президентом США.

Несмотря на то что событие на Эльбе оценивалось главами союзных держав как расщепление войск Германии на две части, оно имело чисто символический характер. С войсками 1-го Украинского фронта встретились только передовые разведывательные подразделения 1-й американской армии. Ее главные силы находились на взаимно обусловленном рубеже реки Мульде, что в 50 км западнее Эльбы. Главные же силы 1-го Украинского фронта вышли к Мульде позднее, в начале мая, готовясь к проведению Пражской операции.

Вслед за первыми встречами последовали взаимные визиты. 26 апреля командир 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерал В.В. Русаков принимал командира 69-й пехотной дивизии США генерала Э. Рейнхардта. На следующий день командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Г.В. Бакланов встречал командира 5-го армейского корпуса генерала К. Хюбнера. Больше всего удивленных сединами американцев удивила и восхитила молодость советского генерала, которому в ту пору шел тридцать пятый год. 30 апреля генерал А.С. Жадов, командующий 5-й гвардейской армией, устроил прием в честь

генерала США Э. Ходжеса, командующего 1-й американской армией. Двумя днями раньше на приеме у маршала И.С. Конева командующий 12-й группой армий США генерал О. Брэдли заявил: «Наш народ всегда с восхищением следил за боями и победами славной Красной армии, и мои солдаты и офицеры стремились подражать боевому примеру, который подавали им войска 1-го Украинского фронта». Ответные визиты наносили советские военачальники. Повсеместно воины союзных армий, с трудом еще сознавая окончание так опостылевшей всем войны, встречались как братья по оружию.

Уже после сообщения о первом соприкосновении армий верховное командование союзных войск приняло особые меры к организации тесной связи с советскими войсками, тщательно устанавливая принадлежность танков и войск в передовых районах, прежде чем разрешать авиации наносить удары по противнику.

Стремление генерала Эйзенхауэра остановить войска на хорошо заметном естественном рубеже встретило политические возражения со стороны английских начальников штабов. В конце апреля они подчеркивали, что западные державы могут извлечь большие политические преимущества, освободив Прагу и возможно большую часть Чехословакии. Они соглашались с тем, что не следует допускать, чтобы эти действия проводились за счет сил, используемых для наступления в сторону Балтики и в Австрию, но предлагали Верховному командующему использовать улучшение положения со снабжением для наступления в Чехословакию. Генерал Маршалл, передавая эти высказывания на суждение Эйзенхауэра, заявил: «Не касаясь тылового обеспечения, тактических и стратегических соображений,

я лично не хотел бы рисковать жизнью американцев для достижения чисто политических целей».

Это заявление, которое потом могло казаться сенсационным, соответствовало политике, которой обычно следовали американские начальники штабов на протяжении всей войны: вложить всё в те наступательные операции, которые могут наиболее быстро привести к военной победе. Они рассуждали так: в Европе, где советские войска завершают разгром остатков немецкой армии, война фактически заканчивается. Если война в Европе и на Тихом океане имеет целью нанести лишь поражение немцам и японцам, тогда нет смысла продолжать применять американские войска для захвата объектов, которые легко могут быть взяты Красной армией. Это было особенно верно в тот момент, когда все еще казалось необходимым посылать войска на Тихоокеанский театр и когда казалось, что советская помощь может быть необходима для разгрома противника на Дальнем Востоке.

Эйзенхауэр указал, что в наступлении его войск главное значение имеет удар на севере в направлении Любека и Киля с целью упредить русских и наступление на юг в направлении Линца и «австрийского редута». Если в его распоряжении окажутся дополнительные средства, он будет готовиться нанести удар по силам противника, которые все еще держались в Чехословакии, Дании и Норвегии. Эйзенхауэр считал, что западные державы должны заниматься противником в Дании и Норвегии, а Красная армия, занимая удобное положение для очищения всей Чехословакии, конечно, выйдет к Праге раньше американских войск. Он заверил Маршалла: «Я не прибегну к каким-либо действиям, которые считаю неблагоприятными, только

для того, чтобы получить политическую выгоду, если только я не получу особый приказ на это от объединенного штаба». Подобный приказ никогда не отдавался, и, как видно из заметок адмирала Леги о заседаниях объединенного штаба, этот вопрос, как и вопрос о том, следует ли брать Берлин, особо никогда не рассматривался там. Когда несколько позже Черчилль поставил на обсуждение вопрос уже другого порядка — уточнение зон оккупации, — президент Трумэн заявил, что проблема подобного характера должна быть оставлена на решение военного командования на театре.

30 апреля Верховный командующий союзников полностью информировал советское руководство о своих планах наступления на восток. Он разъяснил, что в центре демаркационная линия устанавливается по рекам Эльба и Мульде; на севере он предпримет операцию через Нижнюю Эльбу с целью установить демаркационную линию примерно на рубеже Висмар, Шверин, Дёмитц. Точное начертание этой линии должно быть установлено на месте региональным местным военным командованием. От верхнего течения реки Мульде на юг он был намерен установить демаркационную линию примерно по чехословацкой границе 1937 года через Гарц и Богемский лес. В последующем союзные войска могли выйти к н/п Карлсбаду, Пильзену (Пльзеню) и Ческе-Будеевице. На южном фланге по его предложению союзные войска должны были выйти в район Линца, откуда они могли быть направлены к югу для ликвидации возможных очагов сопротивления. Он считал, что на этом участке фронта подходящей демаркационной линией является главное шоссе, идущее с севера на юг восточнее Линца и далее по долине реки Энс. Если когда-либо обстоятельства потребуют, чтобы его войска

наступали дальше, он, если обстановка позволит, примет такие действия.

Советское Верховное командование высказало свое полное согласие с этими предложениями. 4 мая, однако, когда Эйзенхауэр высказал желание продвигаться вперед после занятия Ческе-Будеевице, Пильзена и Карлсбада к Эльбе и Влтаве, чтобы очистить от противника западный берег этих рек, генерал А.И. Антонов выразил решительное несогласие. Он настоятельно просил Эйзенхауэра во избежание сложностей «возможного перемешивания войск не продвигать союзные войска в Чехословакии к востоку от первоначально намеченной линии: Ческе-Будеевице, Пильзен (Пльзень) и Карлсбад». Генерал Антонов многозначительно добавил, что советские войска, как просил Эйзенхауэр, остановили свое продвижение к Нижней Эльбе восточнее линии Висмар, Шверин, Дёмитц, и он надеется, что генерал Эйзенхауэр согласится с желанием русских относительно продвижения американских войск в Чехословакии. Генерал Эйзенхауэр заверил советское командование, что его войска не будут продвигаться далее предложенной линии. Этим ответом было предрешено, что саму Прагу и большую часть территории Чехословакии должны будут освобождать советские войска. Боевые действия западных союзников подходили к концу, не считая некоторого уточнения границ и выхода к демаркационным линиям. Вместе с тем советские войска готовились к последней битве за Берлин.

После 25 апреля основная задача советских войск заключалась в разгроме группировок противника, окруженных в Берлине и южнее его. Гитлер попытался принять меры к продолжению существования своего правительства, во-первых, на тот случай, если

часть Германии будет отрезана от его резиденции, и, во-вторых, на тот случай, если его настигнет смерть. Он пытался также руководить обороной Берлина и принять меры к наказанию своих коллег и слуг, которым он раньше верил, а теперь обвинял в измене.

Гитлер был в достаточной степени в курсе зловещего развития событий, чтобы знать, что его войска могут вскоре оказаться рассеченными в результате соединения его противников, что сделало бы для него невозможным сохранить какое-либо непосредственное руководство всеми частями Германии. Фюрер решил, что, если он при этом окажется в южной части Германии, адмирал Дениц будет осуществлять командование на севере; если Гитлер сам будет в северной части, командование на юге примет на себя фельдмаршал Кессельринг. Фюрер оставил за собой право объявить момент, когда это решение войдет в силу.

Он признавал трудность удержания Берлина в течение длительного времени и, по-видимому, намеревался отправить своих министров и их аппарат в различные пункты Южной Германии, где он рассчитывал присоединиться к ним с целью обороны рейха до самого конца. Большинство л/с персонала министерств уже к середине апреля отправилось на юг, и только министры и небольшая часть их аппарата еще оставались в Берлине. Гитлер продолжал откладывать окончательное решение об эвакуации столицы до тех пор, пока продвижение советских войск сделало слишком опасным для главных министров отъезд из Берлина на юг на автомашинах. Тогда было решено, что они должны отправиться в какое-нибудь безопасное место севернее Берлина, а оттуда улететь на юг. В ночь с 20 на 21 апреля и в течение последующего дня министры и основной

персонал министерств ускользнули из Берлина в Витин, что на полпути между Любеком и Килем и недалеко от того места, где Дениц в будущем имел свой штаб.

Герман Геринг, который являлся преемником Гитлера, 20 апреля, в день рождения фюрера, обсуждал с ним вопрос об эвакуации на юг. В этом последнем совещании двух нацистских вождей Геринг заявил, что он или начальник штаба воздушных сил генерал Коллер должны находиться в Южной Германии, чтобы обеспечить единство командования уже почти несуществующих воздушных сил Германии. Получив ответ Гитлера, что Коллер должен остаться, а Геринг может уехать, последний поспешил к веренице своих машин, загруженных и ожидающих отправки, и уехал в Берхтесгаден.

Все более возраставшее массовое бегство из Берлина теперь стало еще интенсивнее. Советское наступление вынудило германское Верховное главнокомандование покинуть свою ставку в Цоссене в ночь с 20 на 21 апреля и перейти в н/п Ванзее — западный пригород Берлина. Не задерживаясь здесь, оно начало перебираться в н/п Струб близ Берхтесгадена. Лишь Вильгельм Кейтель, Альфред Йодль и небольшая группа офицеров штаба остались на месте.

Следующим должен был отбыть адмирал Карл Дениц. 20 апреля ему было сказано, что он должен организовать оборону в северной части Германии. По предложению Кейтеля, который был обеспокоен ухудшением обстановки в районе Берлина, Дениц 21 апреля обсуждал вопрос с Гитлером и получил указание уехать в самое ближайшее время. Рано утром 22 апреля адмирал Дениц и его штаб отправились из Берлина и в тот же день прибыли в свой новый штаб в н/п Плен.

Пока делались усилия обосновать правительственные органы в других местах Германии, Гитлер пытался спасти Берлин. Сообщения от 21 апреля указывали, что удар из района севернее Берлина в южном направлении, который Гитлер ранее приказал провести генералу СС Штейнеру, осуществить не удалось. В результате всех усилий в этом направлении удалось лишь отвести немецкие части с севера, где прорвались войска Красной армии. Неудача в нанесении удара 22 апреля группировкой Штейнера и сообщения о других неудачах, по-видимому, вынудили Гитлера в первый раз допустить мысль, что продолжать войну безнадежно. Как сообщал Йодль Коллеру, Гитлер решил остаться в Берлине, принять на себя его оборону и в последний момент застрелиться.

По совету своего верного соратника генерала Йодля Гитлер все-таки решил повернуться спиной к англо-американским войскам, а все усилия сосредоточить на удержании Берлина. Еще 20 апреля фюрер провел со своими приближенными последнее совещание, после которого они направились в войска для организации помощи Берлину. 12-я армия, которая держала оборону вдоль Эльбы против американских войск, спешно перебрасывалась на восток. Она получила приказ пробиться навстречу войскам 9-й и 4-й танковой армий, окруженным южнее Берлина, чтобы отрезать армии 1-го Украинского фронта, ворвавшиеся в столицу с юга. Соединившись, немецкие армии должны были наступать на север и разорвать кольцо окружения берлинского гарнизона. С севера же на помощь столице направлялась армейская группа обергруппенфюрера СС Штейнера. Предполагалось, что претворению в жизнь подобного замысла будут способствовать и действия герлицкой

группировки, которая продолжала наносить удары по войскам 1-го Украинского фронта, наступавшим на Дрезден.

Прекращая сопротивление на западе, Гитлер намеревался создать благоприятную почву для соглашения с англо-американским руководством. Как говорил генерал Йодль начальнику штаба люфтваффе генералу Коллеру в личной беседе 23 апреля, «совсем безразлично, что при этом предпримут американцы на Эльбе. Может быть, удастся доказать этим, что мы хотим воевать только против Советов».

Ожесточенность боев на советско-германском фронте в эти последние дни войны не только не ослабевала, но и усиливалась.

Окруженные южнее Берлина войска противника, основу которых составляла 9-я армия под командованием генерала Т. Буссе, насчитывали до 200 тыс. человек, более 300 танков и штурмовых орудий, свыше 2 тыс. орудий и минометов. Взявшие в кольцо эту группировку войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов КА превосходили ее по личному составу почти в полтора и по артиллерии в четыре раза. Танков у той и другой стороны было поровну, ибо основные силы танковых войск обоих советских фронтов сражались за Берлин.

В очень сложном положении оказался 1-й Украинский фронт. Его войскам предстояло действовать одновременно на четырех направлениях: наступая на север, штурмовать Берлин; не допустить прорыва из окружения 9-й армии на запад; сорвать наступление 12-й армии на восток; отразить контрудар герлицкой группировки с юга. Штурм Берлина и разгром всей 9-й армии предстояло осуществлять в тесном взаимодействии с 1-м

Белорусским фронтом, войска которого, кроме того, обходя столицу с севера, выходили на Эльбу.

Сложность предстоящих задач, решаемых двумя фронтами, требовала четкого и оперативного взаимодействия. Между тем наступление войск на берлинском направлении по-прежнему координировал И.В. Сталин. Так как Верховный находился в Москве, его реакция на изменения обстановки не могла быть полностью своевременной. Командующие больше действовали самостоятельно.

Несмотря на отсутствие единого руководства уничтожением окруженного противника, распределение задач между фронтами было естественным и целесообразным. Командование 1-го Украинского фронта не только предвидело, но и вовремя вскрыло подготовку 9-й армии немцев к прорыву на запад. Конев уделил основное внимание организации обороны на участке, где генерал Буссе готовил удар. Такая задача была поставлена 3-й гвардейской армии, а также 28-й и 13-й армиям, которые выделили для обороны по одному стрелковому корпусу. Перейдя к обороне фронтом на восток, эти войска спешно оборудовали три оборонительные полосы общей глубиной до 20 км. Одновременно 3, 69, 33-я армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус 1-го Белорусского фронта получили задачу ударами с севера и востока расчлнить и во взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта уничтожить немецкую группировку южнее Берлина. Против 12-й армии противника предстояло действовать 4-й гвардейской танковой и 13-й армиям, которые продолжали наступать в общем северо-западном направлении, находясь к исходу 25 апреля в 50 км западнее окруженных сил врага.

Для поддержки войск маршал И.С. Конев выделил шесть авиационных корпусов, что составляло три четверти всех сил 2-й воздушной армии. В полосе 1-го Белорусского фронта главные силы авиации поддерживали войска, которые штурмовали Берлин. В интересах армий, наносивших удары по 9-й армии противника, Г.К. Жуков выделил всего три штурмовые авиадивизии.

В ночь на 26 апреля германское командование, используя лесные массивы, скрытно сосредоточило на узком участке пять дивизий, но уже на рассвете воздушная разведка 1-го Украинского фронта вскрыла их. Командир 4-го бомбардировочного корпуса генерал П.П. Архангельский сразу же поднял в воздух 70 бомбардировщиков, которые нанесли удар. Противник был ослаблен, но все же перешел в наступление и атаковал еще не успевшие окопаться советские войска.

Удар пришелся как раз в стык двух дивизий 21-го стрелкового корпуса генерала А.А. Яманова. Немцы наступали колоннами. В голове двигались танки, которые буквально таранили боевые порядки наших оборонявшихся войск. Как показали взятые в плен, их гнала вперед не только угроза расстрела за невыполнение боевой задачи, но и страх перед ужасами сибирской каторги, усиленно раздуваемый нацистской пропагандой. Уже через три часа после начала атаки ударная группа противника прорвалась на глубину 10—15 км.

Прорванный фронт окружения удалось восстановить благодаря контрудару 25-го танкового корпуса, которым командовал генерал Е.И. Фоминых. В отражении попыток немцев вырваться из окружения большую роль сыграла 2-я воздушная армия генерала ВВС С.А. Красовского. Особенно напряженно работали экипажи самолетов 1-го и 2-го гвардейских штурмовых

авиакорпусов. Группами по 8—10 штурмовиков они наносили непрерывные удары. Немецкие солдаты не выдерживали налетов и разбегались по горящему лесу.

Войска 1-го Белорусского фронта теснили 9-ю армию Буссе с севера. Утром 27 апреля навстречу им перешла в наступление 3-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта под командованием генерала В.Н. Гордова.

Возраставшая угроза уничтожения, следовавшие один за другим грозные приказы Гитлера гнали окруженную группировку немцев на запад, навстречу 12-й армии. В свою очередь, генерал-фельдмаршал Кейтель и генерал Йодль, на которых фюрер возложил организацию встречного наступления, требовали от обеих армий самых решительных действий.

9-ю армию генерала Буссе и попавшие в окружение дивизии 4-й танковой армии советские войска сжимали со всех сторон. В довершение к этому они подвергались сильным ударам авиации. Задыхаясь в дыму лесных пожаров, немцы отчаянно стремились вырваться из этого ада. Ночь на 27 апреля Буссе использовал для подготовки нового прорыва, а с утра предпринял очередную атаку. Наиболее результативным для оставшихся в окружении германских войск оказался день 29 апреля: они сумели на узком шестикилометровом участке прорваться на 25 км. Контрудары советских войск при поддержке авиации заставили противника остановить дальнейшее продвижение. Прорвавшиеся части были окружены в трех изолированных друг от друга районах. До соединения с 12-й армией оставалось менее 30 км.

12-я армия генерала В. Венка перешла в наступление 25 апреля. Ее ударную группировку составляли дивизии вермахта «Фердинанд фон Шилль», «Ульрих фон Хуттен», «Шарнхорст», а также соединения немецкой

пехоты, сформированные из членов имперской службы трудовой повинности (РАД): 2-я дивизия «Фридрих Людвиг Ян» и 3-я «Теодор Кернер». Эту группировку поддерживало около 65 танков и САУ самых разных конструкций: StuG III, Pz. IV/70(A), Jagdpanzer 38 и даже около 10 новейших 88-мм САУ Waffenträger. 5-й механизированный и 102-й стрелковый корпуса генералов И.П. Ермакова и И.М. Пузикова отразили удар. Уже через день активность противника резко снизилась. По категорическому требованию Кейтеля и Йодля Венк ввел в сражение свои последние резервы и вновь предпринял попытку прорваться к 9-й армии. 2-я воздушная армия генерала С.А. Красовского нанесла удар такой силы, что от дальнейшего наступления Венку пришлось отказаться. На следующий день Кейтель признал, что попытка деблокировать Берлин окончательно провалилась, о чем вынужден был доложить Гитлеру.

Тем не менее 20 тыс. немецких солдат и офицеров упорно пробивались из окружения для соединения с армией Венка. В ночь на 1 мая они вышли в тыл 5-го гвардейского механизированного корпуса, который оборонялся против 12-й армии. Между выходящими из окружения и армией Венка оставалось всего 3—4 км. Корпус генерала И.П. Ермакова занял круговую оборону. На помощь ему командующий 4-й гвардейской танковой армией бросил свои последние резервы. Разгорелись ожесточенные бои. Стремясь не допустить соединения противника, советские войска напрягали все силы. Даже раненые не покидали боевые порядки. В рядах танкистов генерала Д.Д. Лелюшенко таких было более 2 тысяч. Решающую роль сыграли штурмовики Ил-2 1-го гвардейского авиакорпуса генерала

В.Г. Рязанова. Совместными усилиями танкистов и летчиков противник был разбит.

1 мая 9-я армия и попавшая в окружение часть 4-й танковой армии противника реально прекратили свое существование. Немцы потеряли 60 тыс. убитыми, а 120 тыс. сдались в плен. Лишь немногим удалось прорваться на запад. В качестве трофеев советским войскам достались более 300 танков и штурмовых орудий, 500 пушек и минометов, свыше 17 тыс. авт.омобилей и много другого имущества.

Одновременно войска 1-го Украинского фронта отражали контрудары герлицкой группировки немцев. 19 апреля ее девять дивизий нанесли удар по 52-й и 2-й польской армиям, наступавшим на дрезденском направлении, потеснив их на 20 км к северу. В помощь нашим войскам, отражавшим контрудар, маршал И.С. Конев направил соединения 5-й гвардейской армии, в том числе успевший выйти к Эльбе 4-й гвардейский танковый корпус генерала П.П. Полубоярова. На поддержку войск была выделена штурмовая и истребительная авиация, а с 22 апреля — и часть бомбардировщиков. Отражая контратаки противника, советские войска перешли к обороне и к исходу 24 апреля остановили его дальнейшее продвижение.

Стремясь облегчить положение Берлина, Гитлер потребовал от командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Шернера возобновить наступление герлицкой группировки. С утра она опять предприняла контрудар. Атаки немцев продолжались до конца апреля, когда противник полностью исчерпал свои боевые наступательные возможности. Вклинившись почти на 35 км, герлицкая группировка перешла к обороне. Выйти на тыловые коммуникации 1-го Украинского

фронта, как предполагал генерал-фельдмаршал Шернер, она не смогла.

Главная задача 1-го Белорусского фронта, вместе с которым действовала часть войск 1-го Украинского, заключалась в штурме Берлина. Еще в начале марта Гитлер объявил его городом-крепостью, и теперь это был мощный оборонительный район.

22 апреля адмирал Дениц, который должен был возглавить войска, находящиеся в Северной Германии, получил от Гитлера телеграмму следующего содержания: «Битва за Берлин — решающая для судеб Германии. Все остальные задачи имеют второстепенное значение. Отложить все мероприятия военно-морских сил и поддержать Берлин переброской в город войск воздушным путем, по воде и суше». На следующий день по радио было передано заявление Иозефа Геббельса, который сообщал, что руководство обороной Берлина взял на себя сам фюрер и это придает битве за столицу европейское значение. По его словам, на оборону города выступило все население, а все члены партии НСДАП, вооруженные фаустпатронами, авт.оматами и карабинами, заняли посты на перекрестках улиц.

Между тем в той обстановке дальнейшее сопротивление в Берлине не имело никакого смысла. Армия была обречена. Еще до окружения в городе кончились запасы угля, прекратилась подача электроэнергии, а 21 апреля остановились все предприятия, трамваи, метро, перестали работать водопровод и канализация. С выходом советских войск на окраины города гарнизон и жители лишились продовольственных складов. Населению на неделю выдали на человека по 800 г хлеба, 800 г картофеля, 150 г мяса и 75 г жиров. Жизнь города была парализована, начался голод. Дальнейшее сопротивле-

ние вело только к разрушению столицы и напрасным жертвам, в том числе и среди мирных жителей.

Окруженный гарнизон Берлина к 25 апреля, по советским оценкам, насчитывал 300 тыс. человек, 3 тыс. орудий и минометов, 250 танков и штурмовых орудий. Впрочем, по немецким данным, в пределах города находились войска общей численностью 41 тыс. человек, в том числе 24 тыс. представителей фольксштурма (18 тыс. из которых принадлежали к «Призыву Клаузевица» из 2-го разряда и находились в состоянии шестичасовой готовности). Возглавлял его генерал Г. Вейдлинг, назначенный 12 апреля комендантом города-крепости. В городе находились танковая дивизия «Мюнхеберг», 118-я танковая (иногда ее звали 18-й панцергренадерской), 11-я добровольческая панцергренадерская дивизия СС «Нордланд», части 15-й гренадерской латышской дивизии, батальоны фольксштурма, орудия ПВО и другие части. Окружившие столицу войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов имели около 464 тыс. солдат и офицеров, 14,8 тыс. орудий и минометов, почти 1500 танков и самоходных артиллерийских установок. В ходе штурма города к ним присоединились еще 12,5 тыс. польских воинов. Таким образом, советские войска по численности превосходили противника в 11 раз, в артиллерии и танках — в 5—6 раз. Такого превосходства было бы вполне достаточно для разгрома врага в полевых условиях, но не в городе, где применение танков, естественно, затруднено, а укрытые в каменных зданиях живая сила и огневые средства имеют большие преимущества перед наступающими.

Во избежание нового напрасного кровопролития командование 1-го Белорусского фронта 23 апреля

предложило гарнизону Берлина сдаться, но ответа не последовало. Днем 25 и в ночь на 26 апреля более 2 тыс. самолетов 16-й и 18-й воздушных армий, которыми командовали генерал С.И. Руденко и главный маршал авиации А.Е. Голованов, нанесли по городу три массированных удара. Утром четыре общевойсковые армии и столько же танковых обоих фронтов, наступая с севера, востока и юга, начали штурм.

Удары наносились на узких участках общего 100-километрового фронта окружения города. Вклинившись в глубину, войска отсекали один квартал за другим и нарушали стройную систему обороны противника. Основную роль в его уничтожении в зданиях играли штурмовые группы и отряды, которые состояли из пехоты, усиленной танками, артиллерией, саперами и огнеметчиками. Пехота при их поддержке врывалась в здание и, продвигаясь с одного этажа на другой, уничтожала засевших там немецких солдат. Бои шли круглые сутки одновременно на земле, в подземных коммуникациях и в воздухе. Сменяясь, штурмовые подразделения армий продвигались вперед.

Из-за того что Берлин был окутан дымом пожаров, летчики с большим трудом отличали своих от чужих. Для поддержки штурмовых отрядов использовались главным образом пикирующие бомбардировщики Пе-2, причем экипажи подбирались лучшие из лучших. Точными ударами они обеспечивали штурм наиболее прочных зданий, истребительная авиация не только прикрывала войска, но и блокировала берлинский гарнизон от снабжения воздушным путем.

Как всегда, труднее всего пришлось пехоте. Кто еще, кроме пехотинцев, мог врываться в здания и уничтожать противника в подвалах и подземных комму-

никациях? Без пехоты даже танкам опасно было продвигаться по улицам. Дело в том, что немцы широко применяли так называемые фаустпатроны (уже упоминаемые противотанковые средства типа «Панцерфауст» или «Панцершрек»). Пользоваться этими простыми противотанковыми средствами были обучены даже немецкие подростки из фольксштурма; стрелял он всего на 30—60 м, но пробивал броню до 200 мм. На узких улицах города фаустпатроны стали грозой танков. Одна только 2-я гвардейская танковая армия за неделю боев в Берлине потеряла 204 танка. Половина их оказалась подбитой фаустпатронами. Вот почему танкисты предпочитали наступать под прикрытием авт.оматчиков, в задачу которых входило уничтожение засевших в домах фаустников.

Нельзя сказать, что советские специалисты не знали об этих проблемах. Часть танков в ремонтных парках их соединений оснастили специальными сетчатыми экранами, снижавшими кумулятивный эффект и защищающими наиболее «жизненные» места бронетехники. Однако подобные мероприятия затронули далеко не всю технику.

В то же время танковые армии, имея в своем составе небольшое количество мотопехоты, не могли одновременно обеспечивать полное сопровождение наступающих по городу танковых подразделений и создавать штурмовые группы для захвата зданий. Пришлось выделить для совместных действий со 2-й гвардейской танковой армией 1-ю польскую дивизию, а 3-ю гвардейскую танковую армию сопровождали три стрелковые дивизии 28-й армии. 1-я гвардейская танковая армия наступала совместно с 8-й гвардейской армией. При этом каждый корпус генерала М.Е. Катукова продвигался с

одним из стрелковых корпусов 8А генерала В.И. Чуйкова. Такое взаимодействие решило проблему.

Однако вскоре возникли новые трудности: все войска устремились к центру города Берлина — к Рейхстагу. Естественно, полосы действий войск, в том числе и танковых армий, сужались, и им негде было развернуться. В это время танковая бригада наступала вдоль какой-нибудь улицы, ширина которой позволяла пройти, как правило, двум-трем развернутым в линию танкам и за ними — трем-четырем самоходным артиллерийским установкам. Остальные стояли, неся напрасные потери.

Советскому командованию наряду с руководством боевыми действиями пришлось взять на себя заботу о местном населении. Эти обязанности были возложены на командующего 5-й ударной армией генерала Н.Э. Берзарина, назначенного военным комендантом Берлина. Комендатуры создавались во всех только что взятых районах города. Так как в городе возник голод, тыловые органы фронтов и армий организовали выдачу продуктов горожанам. Советские солдаты и сами делились пищей с детьми, женщинами и стариками.

26 апреля от всей группировки, окруженной в Берлине, удалось отсечь Потсдам — пригород столицы. На следующий день 47-я армия генерала Ф.И. Перхорovichа совместно с соединениями 2-й и 4-й гвардейских танковых армий уничтожила отрезанные там немецкие войска. В самом Берлине благодаря ударам с севера и юга противник оказался зажатым в узкой, не более 2—4 км, полосе, вытянутой с запада на восток почти на 20 км. К вечеру 28 апреля противник был рассечен на три части. Сообщение между ними сохранялось толь-

ко по подземным коммуникациям. Чтобы советские войска не смогли использовать метро, Гитлер приказал открыть шлюзы на Шпрее, хотя он не мог не знать, что будет затоплен участок метро между Лейпцигерштрассе и Унтер-ден-Линден, где на станциях укрывались тысячи берлинцев.

В 22.00 генерал Вейдлинг доложил Гитлеру, что боеприпасов осталось приблизительно на два дня, по его мнению, дальнейшее сопротивление бесполезно. Генерал предложил план прорыва остатков частей на запад, к англо-американским войскам. «Фюрер долго размышлял, — рассказывал уже в плену Вейдлинг. — Он расценивал обстановку как безнадежную». Однако мысль о прорыве Гитлер отклонил.

Советские войска продолжали упорно пробиваться к Рейхстагу. Это величественное здание в северо-восточной части парка Тиргартен было многим знакомо. С севера через реку Шпрее к Рейхстагу продвигалась 3-я ударная армия генерала В.И. Кузнецова: кстати, ее 79-й стрелковый корпус первым из советских войск ворвался в город. Теперь командир корпуса генерал С.Н. Переверткин лелеял надежду первым водрузить красное знамя над Рейхстагом. С юго-востока через плотно застроенную часть города наступали гвардейцы 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий. Генерал В.И. Чуйков поставил корпусам задачу: 28 апреля выйти в район Рейхстага и во что бы то ни стало взять его. С юга продвигалась 3-я гвардейская танковая армия 1-го Украинского фронта. Ее (армии) 9-й механизированный корпус генерала И.П. Сухова только что вышел к Ландвер-каналу. Утром 29 апреля он должен был форсировать его, а затем по улице Геринг-штрассе двинуться к Рейхстагу.

В соответствии с директивой Ставки ВГК от 23 апреля разграничительная линия между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами на севере заканчивалась Ангальтским вокзалом, расположенным в центральной части города в 2 км южнее Рейхстага. 28 апреля войска 1-го Белорусского фронта овладели вокзалом. Строго говоря, это являлось нарушением установленной границы, так как вокзал входил в полосу наступления 1-го Украинского фронта. В ней еще больше, чем командование 1-го Белорусского фронта, были повинны Генеральный штаб и Ставка, которые не сумели обеспечить на должном уровне взаимодействие двух фронтов, направив их на одну и ту же цель. Основная причина перемешивания войск заключалась в несвоевременном разграничении районов действий фронтов. С началом Берлинской операции граница между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов была определена всего-навсего на глубину 50 км — до Люббена. Несмотря на то что войска маршала И.С. Конева ворвались в Берлин 21 апреля, Ставка установила разграничительную линию между фронтами в городе только 23 апреля. Трудности не замедлили сказаться. И Конев, и Жуков стали получать от своих войск одно донесение за другим о том, что собственная авиация наносит по ним удары. Разобраться, авиация какого фронта виновата, в тех условиях было невозможно.

Однако и назначенная 23 апреля разграничительная линия, упорядочив действия войск на суше, не устранила неразберихи в воздухе. По мере продвижения к центру Берлина она нарастала. Летчики нередко ошибались. Как докладывало командование 3-й гвардейской танковой армии, 16-я воздушная армия, входившая в состав 1-го Белорусского фронта, случайно нанесла

мощный удар по 6-му гвардейскому танковому корпусу, причинив ему серьезный урон. Случалось, что танкистов генерала П.С. Рыбалко бомбила авиация своего же фронта. Дело доходило до того, что П.С. Рыбалко попросил И.С. Конева совсем убрать авиацию. Когда все войска устремились к Рейхстагу, даже артиллерия иногда обстреливала своих соседей.

28 апреля, наступая на западнее Ландвер-канала, 29-й гвардейский стрелковый корпус 8-й гвардейской армии пересек железные дороги, которые идут на север к Ангальтскому и Потсдамскому вокзалам. При этом продвижение 9-го механизированного корпуса армии генерала П.С. Рыбалко на север, вдоль железных дорог, к Ландвер-каналу пришлось как раз по тылам 8-й гвардейской армии. Последствия продвижения войск перпендикулярно друг другу могли быть непредсказуемыми.

В 20.45 И.С. Конев направил Г.К. Жукову телеграмму: «По донесению П.С. Рыбалко армии В.И. Чуйкова и М.Е. Катуква получили задачу наступать на северо-запад по южному берегу Ландвер-канала и таким образом режут боевые порядки войск 1-го Украинского фронта, наступающих на север. Прошу изменить направление наступления армий Чуйкова и Катуква». Копия телеграммы тут же была передана в Москву генералу А.И. Антонову. В принципе выполнение просьбы И.С. Конева должно было привести к прекращению наступления армий В.И. Чуйкова и М.Е. Катуква.

Получив телеграмму командующего 1-м Украинским фронтом, Г.К. Жуков доложил И.В. Сталину: «Наступление частей Конева по тылам 8-й гвардейской армии и 1-й гвардейской танковой армии создало путаницу и перемешивание частей, что крайне вообще

осложнило управление боем. Дальнейшее их продвижение в этом направлении может привести к еще большему перемешиванию и затруднит управление». Маршал Жуков просил установить новую разграничительную линию между фронтами или заменить войска И.С. Конева в Берлине войсками 1-го Белорусского фронта. Буквально через несколько минут Москва установила такую разграничительную линию, которая требовала вывода армий П.С. Рыбалко и А.А. Лучинского из города на запад.

За разграничительной линией, которая устанавливалась с 24.00 28 апреля, оказался 9-й механизированный корпус, продолжавший по-прежнему наступать к Рейхстагу. Получив директиву Ставки, И.С. Конев приказал П.С. Рыбалко отвести войска.

«Он (генерал Рыбалко) буквально должен был переусилить себя, чтобы выполнить мой приказ, — вспоминал маршал И.С. Конев после войны. — И я не склонен его осуждать за эти хорошо понятные мне личные переживания».

Первой к Рейхстагу вышла 3-я ударная армия. Наступая с севера, ее 79-й стрелковый корпус прорвался к мосту через Шпрее и после ожесточенных боев в ночь на 29 апреля захватил его. От моста до Рейхстага оставалось каких-нибудь 500 м, но они оказались необычайно трудными. Площадь перед зданием обороняли подразделения СС и батальон фольксштурма. Предыдущей ночью сюда для подкрепления прибыли три роты морской школы из Ростока. Почти 5 тысяч немецких солдат и офицеров, сосредоточенных у стен Рейхстага, поддерживали 3 дивизиона полевой артиллерии и зенитный артиллерийский дивизион. Система обороны на подступах к зданию включала 3 траншеи,

прикрытые минными полями и противотанковым рвом с водой, 15 железобетонных ДОТов. Ходы сообщения связывали траншеи с подвалами Рейхстага. В целом оборона была прочной.

Штурм Рейхстага начался перед рассветом 30 апреля. К зданию германского парламента устремились 150-я и 171-я стрелковые дивизии, которыми командовали генерал В.М. Шатилов и полковник А.И. Негода. Первая попытка овладеть зданием с ходу окончилась полной неудачей. Началась тщательная подготовка штурма. Для поддержки атаки пехоты только для ведения огня прямой наводкой было сосредоточено 135 орудий, танков и самоходных артиллерийских установок. Еще десятки пушек, гаубиц и реактивных установок вели огонь с закрытых позиций. С воздуха штурмующих поддерживали эскадрильи 283-й истребительной авиационной дивизии полковника С.Н. Чирвы.

В 12.00 началась артиллерийская подготовка. Через полчаса пехота ринулась на штурм. Ей осталось преодолеть всего 250 м. Казалось, успех был обеспечен. «Вокруг все ревело и грохотало, — вспоминал полковник Ф.М. Зинченко, полк которого входил в 150-ю стрелковую дивизию. — Кому-то из командиров и могло показаться, что его бойцы если еще не достигли, то вот-вот достигнут заветной цели... Вот и полетели по команде донесения. Ведь всем так хотелось быть первыми!..»

Генерал В.М. Шатилов сначала по телефону, а затем и письменно сообщил командиру 79-го стрелкового корпуса генералу С.Н. Перевёрткину, что в 14.25 стрелковые батальоны из дивизий под командованием капитанов С.А. Неустроева и В.И. Давыдова ворвались в Рейхстаг и водрузили на нем знамя. В настоящее время подразделения продолжают очищать здание от немцев.

Столь долгожданная весть понеслась дальше — в штабы 3-й ударной армии и 1-го Белорусского фронта. О ней сообщило советское радио, а следом и зарубежные радиостанции. Военный совет фронта приказом от 30 апреля уже поздравил воинов с одержанной победой, объявил благодарность всем солдатам, сержантам, офицерам 171-й и 150-й стрелковых дивизий и, разумеется, генералу С.Н. Перевёрткину и обязал военный совет армии представить наиболее отличившихся к наградам.

К Рейхстагу устремились военные кинооператоры, фотокорреспонденты, журналисты, среди них известный писатель Б.Л. Горбатов. Увиденное разочаровало: штурмующие батальоны по-прежнему вели бои на подступах к зданию, где ни одного советского солдата и ни одного флага не было.

Третья атака началась в 18.00. Вместе с атакующими батальонами 674, 756-го и 380-го стрелковых полков, которыми руководили, соответственно, подполковник А.Д. Плеходанов, полковник Ф.М. Зинченко и исполняющий обязанности командира майор В.Д. Шаталов, наступали две группы добровольцев, возглавляемые адъютантом командира 79-го стрелкового корпуса майором М.М. Бондарем и командиром батареи управления командующего артиллерией корпуса капитаном В.Н. Маковым. По инициативе командования и политотдела корпуса эти группы были созданы специально для водружения изготовленных в корпусе флагов.

Эта атака увенчалась успехом: батальоны капитанов С.А. Неустроева, В.И. Давыдова, старшего лейтенанта К.Я. Самсонова и группы добровольцев ворвались в здание, о чем Зинченко доложил генералу В.М. Шатилову. Тот всю вторую половину этого дня неоднократно требовал ворваться в Рейхстаг и, что его больше всего

беспокоило, водрузить на нем знамя. Доклад обрадовал командира дивизии и одновременно огорчил: знамя все еще не было установлено. Генерал приказал очистить здание от противника и «немедленно установить на его куполе знамя военного совета армии!» Чтобы ускорить выполнение задачи, командир дивизии назначил Ф.М. Зинченко комендантом Рейхстага.

Однако полковник Ф.М. Зинченко понимал, как он писал уже после войны, «что ни за вечер, ни в течение ночи рейхстаг полностью не очистить, но знамя должно быть установлено любой ценой!..» Он приказал до наступления темноты отбить у противника как можно больше комнат, а затем дать личному составу небольшой отдых. Для водружения знамени военного совета армии, врученного полку еще 26 апреля, командир выделил группу во главе с политработником батальона 150 сд лейтенантом А.П. Берестом. Входившие в нее сержанты М.А. Егоров и М.В. Кантария в ночь на 1 мая водрузили флаг на Рейхстаге. Через два дня он был заменен большим красным стягом. Снятый флаг 20 июня специальным рейсом самолета с воинскими почестями отправили в Москву. Он стал почитаться как Знамя Победы, которое хранится в Центральном музее вооруженных сил России.

Кроме знамени военного совета армии на здании Рейхстага было укреплено много других флагов. Первый флаг водрузила группа капитана В.Н. Макова, которая атаковала немцев вместе с батальоном капитана Неустроева. Возглавляемые капитаном добровольцы старшие сержанты А.П. Бобров, Г.К. Загитов, А.Ф. Лисименко и сержант М.П. Минин сразу же бросились на крышу Рейхстага и укрепили флаг на одной из скульптур правой башни дома. Произошло это в 22.40, что

на два-три часа раньше водружения флага, которому историей суждено было стать Знаменем Победы.

Большая группа воинов была представлена к наградам, а вся группа капитана В.Н. Макова по ходатайству командира 79-го стрелкового корпуса — к званию Героя Советского Союза. Однако приказом командующего 1-м Белорусским фронтом от 18 мая 1945 года их удостоили только орденом Красного Знамени. Такую же награду получили М.А. Егоров и М.В. Кантария, а звание Героя им было присвоено вместе с командирами штурмовавших рейхстаг батальонов В.И. Давыдовым, С.А. Неустроевым и К.Я. Самсоновым только через год — 8 мая 1946 года, к первой годовщине Победы над нацистской Германией.

В конце апреля имперскую канцелярию, в подземном убежище которой укрывался Гитлер, с внешним миром соединяла только радиосвязь. Фюрер, все еще надеясь на помощь извне, то и дело запрашивал, когда же войска деблокируют столицу. Наконец 30 апреля пришел ответ. Кейтель радировал, что 9-я армия Буссе из окружения так и не вырвалась, а 12-я армия Венка наступать на Берлин не может. Потеряв всякую надежду на спасение, Гитлер в 15.30 (по среднеевропейскому времени) застрелился.

В ночь на 1 мая в расположение войск 8-й гвардейской армии прибыл немецкий офицер-парламентер с пакетом, адресованным советскому командованию. В нем содержалась просьба установить время и место перехода линии фронта начальником Генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) вермахта генералом Г. Кребсом для сообщения особой важности. Просьба была удовлетворена, и в 3.00 Кребс был доставлен к командующему армией (8А) генералу В.И. Чуйкову.

Начальник генерального штаба сообщил о самоубийстве Гитлера, о составе нового правительства Германии и передал обращение Геббельса и Бормана к Главному командованию Красной армии с просьбой о временном прекращении боевых действий в Берлине как условии для мирных переговоров между Германией и СССР.

Сообщение тотчас было передано маршалу Г.К. Жукову, который, в свою очередь, доложил о нем в Москву, выделив для переговоров с германским руководством в Берлине своего заместителя генерала В.Д. Соколовского. Вскоре позвонил сам Сталин и сказал: «Передайте Соколовскому, никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести». Г. Кребс в 9.00 отбыл для передачи ответа советского командования. В 18.00 пришел ответ с отклонением полной, безоговорочной капитуляции гарнизона.

Кстати, какого-либо ослабления сопротивления противника переговоры не убавили. но после отказа капитулировать советские войска усилили удары по врагу. Весь день 1 мая остатки 18-й панцергренадерской дивизии при поддержке артиллерии, нескольких танков и САУ продолжали оказывать сопротивление в районе Зоологического сада. 2 мая в первом часу ночи по московскому времени радиостанция 79-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в состав 8-й гвардейской армии, приняла радиограмму на русском языке: «Просим прекратить огонь. К 12 час. 50 мин. по берлинскому времени высылаем парламентаров на Потсдамский мост». В указанное время на мост прибыл немецкий офицер, который от имени генерала Вейдлинга заявил о готовности берлинского гарнизона прекратить сопротивление.

Утром 2 мая сдался в плен Вейдлинг. По его словам, такое решение он принял самостоятельно, так как Геббельс отравился. Генералу было предложено отдать письменный приказ о капитуляции подчиненных ему войск гарнизона, что он и сделал. Вскоре по просьбе советского командования аналогичный приказ отдал от имени германского правительства заместитель Геббельса знаменитый диктор и политический обозреватель Ганс Фриче. Приказы по усилительным радиостанциям передавались всем немецким войскам. Началась массовая сдача в плен. 2 мая, по советским данным, сдались 134 700 человек. Тем не менее отдельные группы продолжали вопреки приказам пробиваться на запад. Самых крупных было две: одна (численностью около 17 тыс. человек) прорывалась из Берлина, другая (до 30 тыс. солдат и офицеров) — из Шпандау. Вместе с ними из окружения выходили около 300 видных функционеров нацистской партии. Обе группы в тот же день были разгромлены.

С 26 апреля 2-й Белорусский фронт наступал в северо-западном направлении, стремясь прижать 3-ю танковую армию генерала Хассо фон Мантейфеля к Балтийскому морю. Маршал Рокоссовский наращивал силу ударов по противнику: кроме трех армий в наступление перешла также 2-я ударная армия генерала И.И. Федюнинского. Вступили в сражение переправившиеся через Одер все танковые, механизированный и кавалерийский корпуса. При поддержке 4-й воздушной армии генерала К.А. Вершинина они стремительно продвигались в глубину Германии.

Навстречу войскам К.К. Рокоссовского наступала 21-я группа армий союзных войск. Командовал ею британский фельдмаршал Монтгомери. В конце апреля

английские войска форсировали Эльбу и, не встречая сопротивления, быстро шли на восток. 3 мая им без боя сдался гарнизон Гамбурга. С утра 5 мая прекратили боевые действия немецкие войска и силы флота в Голландии и Дании, на северо-западе Германии и островах Северного моря.

Однако против Красной армии вермахт продолжал борьбу. Командующий группой армий «Висла», куда входила и 3-я танковая армия, получил приказ ставшего преемником Гитлера гросс-адмирала Деница вести боевые действия так, чтобы как можно больше своих сил отвести на запад, за линию Демиц, Висмар. То есть в зону боевых действий английских и американских войск. 2-й Белорусский фронт следовал за 3-й танковой армией по пятам, хотя при отходе противник минировал дороги и взрывал мосты. Своим упорным сопротивлением на подготовленных по рекам, каналам и в межозерных дефиле оборонительных рубежах он стремился задержать преследующих. 2-я ударная и 65-я армии 2 мая вышли на побережье Балтийского моря. 70-я и 49-я армии, преследуя дивизии 3-й танковой и только что сформированной 21-й армий, наступали на запад. До соединения с группой армий фельдмаршала Бернарда Монтгомери советским войскам оставалось всего 20—30 км.

Главные силы Монтгомери в это время наступали на север, к Балтийскому морю. Для прикрытия с востока британский фельдмаршал выделил один американский корпус. 4 мая советские войска на рубеже Висмар, Шверин, Демиц соединились с союзниками, но противник куда-то бесследно исчез. Выяснилось, что еще два дня назад командующие 3-й танковой и 21-й армий вермахта генералы Мантейфель и Типпельскирх установили

контакт с американцами. В самый последний момент, когда советские войска должны были вот-вот подойти, обе немецкие армии перешли линию американского фронта и сложили оружие. При этом Мантейфель со своей 200-тысячной группировкой сдался только одной американской пехотной дивизии.

Важно то, что за весь период боевых действий 2-й Белорусский фронт не позволил противнику перебросить под Берлин ни одной дивизии. Даже те боевые части, которые германское командование уже начало передвигать из-под Данцига к столице, были скованы и разгромлены.

Войска 1-го Белорусского фронта, которые в период штурма Берлина обходили его с севера и с юга, теперь продвигались к Эльбе. 2 мая передовые отряды 61-й армии генерала П.А. Белова встретились южнее Виттенберга с 84-й пехотной дивизией американских войск. В период с 4 по 7 мая на Эльбу вышли, соединившись с 9-й американской армией, 1-я польская и 47-я армии. Отступавшая под их натиском 12-я армия генерала Венка после предварительных переговоров с американцами переправилась на западный берег реки и сдалась им. По словам Типпельскирха, тогда «удалось спасти примерно 100 тыс. человек от русского плена». Еще южнее, сменив войска 1-го Украинского фронта, рубеж Эльбы заняли 3, 69-я и 33-я армии 1-го Белорусского фронта. К реке Мульде вышли, соединившись с главными силами 1-й американской армии, две стрелковые дивизии 13-й армии 1-го Украинского фронта, в то время как его главные силы со 2 мая перемещались на юг, готовясь для наступления на Прагу.

Советским войскам, проводившим Берлинскую операцию, существенную помощь оказал Балтийский

флот, которым командовал адмирал В.Ф. Трибуц. 22 апреля народный комиссар Военно-морского флота адмирал Н.Г. Кузнецов потребовал от Трибуца сразу же после завершения разгрома немцев в Кенигсберге и Данциге поддержать наступление войск 2-го Белорусского фронта вдоль морского побережья. Трибуц стремился воспретить эвакуацию германских войск из Восточной Пруссии и Курляндии в порты западной части Балтийского моря. Для выполнения поставленных задач флот использовал военно-воздушные силы, торпедные и сторожевые катера, тральщики и развернутые на позициях подводные лодки. Как и прежде, крупные надводные корабли оставались в Кронштадте, лишённые возможности из-за сложной минной обстановки выйти из Финского залива в открытое море.

В начале мая авиация Балтийского флота нанесла массированные удары по военно-морской базе противника в Свиномюнде. Успех превзошел все ожидания: был потоплен германский линкор «Шлезинген», уничтожены и повреждены шесть транспортов, три эскадренных миноносца, несколько тральщиков и сторожевых катеров. Войска 2-го Белорусского фронта, используя удары флота, 5—6 мая овладели Свиномюнде и островом Рюген.

Вечером 7 мая командующие советскими фронтами, действовавшими против Германии, получили директиву Ставки ВГК, в которой указывалось, что германские вооруженные силы как на западном, так и на восточном фронтах 8 мая с 23.00 средневропейского времени согласно достигнутому в Реймсе соглашению должны капитулировать. Ставка приказывала любыми средствами известить об этом командование и войска про-

тивника, потребовать от них сложить оружие и сдаться в плен, а в случае продолжения сопротивления — нанести решительные удары. Правда, в полосе 1-го и 2-го Белорусских фронтов сопротивляться было уже некому. От капитуляции уклонялись лишь группировка противника, сосредоточенная в Южной Германии и Чехословакии, а также военно-морские силы вермахта на Балтийском море.

Итак, Берлинская операция успешно завершилась. 1-й и 2-й Белорусские и 1-й Украинский фронты поставленную перед ними задачу выполнили. С 16 апреля по 8 мая, продвинувшись на глубину от 160 до 220 км, они овладели Берлином и соединились с англо-американскими войсками. За такой короткий срок Красная армия разгромила 93 германские дивизии, большое количество отдельных полков и батальонов; было захвачено около 480 тыс. военнопленных, 11 тыс. орудий и минометов, более 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,5 тыс. боевых самолетов разных марок. Столь высокой результативности не достигалось ни в одной из проведенных ранее операций Великой Отечественной войны.

Берлинская операция содержит много поучительного и по праву составляет отечественную военную гордость. Возросшее мастерство, несокрушимая воля к победе советских солдат и офицеров были очень убедительно продемонстрированы как при прорыве мощной обороны, так и при уничтожении окруженного противника. Если под Сталинградом разгром 300-тысячной группировки занял более двух месяцев, то на уничтожение полумиллионной группировки врага, окруженной в Берлинской операции, потребовалось только семь суток.

Тем не менее оценка Берлинской операции также содержит немало преувеличений, навеянных эйфорией победного завершения войны. Прежде всего необходимо напомнить, что общая военно-политическая обстановка, в которой проводилась операция, была особенно благоприятной. Германия вела вооруженную борьбу на два фронта, отражая одновременно удары с востока и запада. Ей, оставшейся в одиночестве, теперь противостояли державы, которые обладали сильной экономикой, огромными людскими ресурсами, могучими вооруженными силами.

И при всем этом войска трех советских фронтов и силы Балтийского флота за три недели наступления потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 361 367 человек, в число которых входят 8,9 тыс. воинов 1-й и 2-й польских армий. Фронты потеряли 2108 орудий и минометов, 1997 танков и самоходных артиллерийских установок, 917 боевых самолетов. Берлинская операция занесена в книгу рекордов Гиннеса как самое кровопролитное сражение современности, в котором с обеих сторон участвовало 3,5 млн человек, 52 тыс. орудий и минометов, 7750 танков и 11 тыс. самолетов.

Разумеется, столь огромные потери советских и польских войск — это следствие прежде всего отчаянного сопротивления немцев. Слишком велик был их страх, что пришло время держать ответ за многочисленные злодеяния, совершенные на оккупированной территории СССР. Однако и действия Красной армии страдали недостатками. Это прежде всего спешка с началом наступления, вызванная больше всего политическими мотивами: стремлением опередить англо-американских союзников в овладении Берлином. Неудачным оказался

лобовой удар 1-го Белорусского фронта по Берлину, что привело к необходимости прорывать оборону в самом сильном месте.

Признавая недостатки руководства в наступлении на Берлин, маршал Г.К. Жуков писал в своих мемуарах: «Взятие Берлина следовало бы сразу, и в обязательном порядке, поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому... Мог быть, конечно, и иной вариант; взятие Берлина поручить одному 1-му Белорусскому фронту, усилив его левое крыло не менее чем двумя общевойсковыми и двумя танковыми армиями, хотя бы одной авиационной армией, а также соответствующими артиллерийскими и инженерными частями». Но такие силы Г.К. Жуков мог получить прежде всего за счет 1-го Украинского фронта, потому что две танковые армии взять было больше не у кого. Кстати, второй вариант вообще исключал участие маршала И.С. Конева в овладении столицей Германии. В этом случае, по мнению Г.К. Жукова, было бы меньше всяких трений и неясностей, которые в конце концов возникли в ходе взаимодействия двух фронтов при штурме Берлина.

Да и Конев уже спустя 20 лет после войны признавал, что после окружения Берлина никакой надобности помощи 1-му Белорусскому фронту в штурме города не было. Напрашивается вывод: выделение чрезмерного количества войск для овладения столицей при неумелой организации взаимодействия между фронтами только увеличило потери.

Немногим выпала честь наступать на столицу Германии, но еще меньше советских воинов осуществили свою заветную мечту войти в Берлин победителями. Вознаменование этого события была учреждена медаль «За взятие Берлина». Вручили ее непосредственным

участникам штурма города — 1082 тыс. солдат, сержантов и офицеров Красной армии и Войска Польского. Москва щедро наградила победителей. Так, в 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах, которые к началу наступления насчитывали около 1,5 млн человек, ордена и боевые медали получили 1141 тыс. воинов. Г.К. Жуков стал трижды Героем Советского Союза, маршалы Конев и Рокоссовский были удостоены второй Золотой Звезды. Почетное наименование Берлинских было присвоено 187 частям и соединениям.

После разгрома противника на основном берлинском направлении единственной силой, способной оказать серьезное сопротивление Красной армии, оставались группа армий «Центр» и часть группы армий «Австрия», сосредоточенные на территории Чехословакии. Они насчитывали 900 тыс. солдат и офицеров, 9,7 тыс. орудий и минометов, 1,9 тыс. танков и штурмовых орудий, около тысячи боевых самолетов. Войска 4-го и 2-го Украинских фронтов под командованием генерала А.И. Еременко и маршала СССР Р.Я. Малиновского, освободив Словакию, в начале мая продолжали громить противника на территории Чехии. С севера, занимая оборону в предгорье Рудных гор и Судет на рубеже свыше 400 км, над группировкой противника в Чехословакии нависали войска 1-го Украинского фронта.

Основные силы маршала И.С. Конева в начале мая находились еще в районе Берлина. С запада к границе Чехословакии продвигалась 3-я американская армия под командованием знаменитого генерала Паттона, имевшая задачу овладеть уже согласованным с советским командованием рубежом Ческе-Будеевице, Пльзень, Карлови-Вари. Против американских войск в полосе около 200 км вдоль реки Мульде и границы

Чехословакии оборонялись 5 немецких дивизий, понесших большие потери.

Быстрое приближение советских и американских войск активизировало движение Сопротивления в Чехии. В апреле 1945 года там действовало 120 партизанских отрядов, насчитывавших 7,5 тыс. человек. Деятельность партизан носила оборонительный характер, что объяснялось прежде всего нехваткой оружия и недостатком опытных кадров. Чешское партизанское движение не имело центрального штаба. Связь отдельных отрядов с командованием Красной армии была эпизодической или отсутствовала вовсе.

Формирование в стране Чешского национального совета (ЧНС) как единого руководящего органа чешского Сопротивления шло с трудом и завершилось лишь к концу апреля 1945 года. ЧНС состоял из представителей разнородных в политическом отношении национальных организаций. Важную роль в нем играли коммунисты. Совет возглавил профессор Пражского университета А. Пражак. Во внутренней политике ЧНС ориентировался на «самую широкую демократию», во внешней — на «теснейшее сотрудничество» с Советским Союзом и на «дружественные отношения» с остальными союзниками. Однако глубокие внутренние противоречия и слабая связь с восставшими на местах снижали руководящую роль Совета.

Немедленное начало восстания не входило в расчеты ни ЧНС, ни коммунистов. Подпольное руководство КПЧ 4 мая решило на два-три дня повременить с призывом к восстанию.

5 мая постановление не начинать восстания приняли около 100 представителей 70 предприятий Праги,

Бероуна, Кладно и Пльзеня, собранных по инициативе нелегального Центрального совета профсоюзов.

Восстание в Праге готовило командование бывших чехословацких военнослужащих «Бартош» во главе с генералом К. Кутлвашром. Действуя независимо от ЧНС, оно в первых числах мая вступило в контакт с командиром 1-й дивизии так называемой Русской освободительной армии С.К. Буняченко. Сформированная генералом А.А. Власовым из попавших в немецкий плен советских солдат и офицеров, «армия» двигалась на запад, находясь в 50 км юго-западнее Праги. С.К. Буняченко и почти все командиры полков дивизии, рассчитывая на политическое убежище в Чехословакии, согласились на союз с чехами в борьбе против «нацизма и большевизма». А.А. Власов же не верил в успех, но предоставил командиру дивизии полную свободу действий.

1-й Украинский фронт 1 мая получил задачу — не позднее 4 мая передать 1-му Белорусскому фронту рубеж по Эльбе, а высвободившиеся силы стремительно бросить на Прагу. На следующий день такая же задача была поставлена и 2-му Украинскому фронту с использованием успеха 4-го Украинского фронта. В результате три Украинских фронта должны были окружить и уничтожить противника в Чехословакии.

Советские войска и действовавшие вместе с ними 2-я польская, 1-я и 4-я румынские армии и чехословацкий армейский корпус насчитывали более 2 млн человек, 30,5 тыс. орудий и минометов, около 2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, более 3 тыс. боевых самолетов. Они превосходили немцев в личном составе в два с лишним раза, артиллерии и авиации в три раза, танков было поровну. Такое превосходство не

предвещало легкого успеха, но характер действий противника определялся теперь не столько соотношением сил, сколько критическим положением Германии.

Еще 3 мая новое правительство Германии во главе с К. Деницем провело совещание, на котором кроме Кейтеля и Йодля присутствовали представители оккупационной власти и командования вермахта в Чехословакии. Был сделан вывод, что положение германских войск в Чехии безнадежно, но решено было не капитулировать перед Красной армией, а попытаться найти выход путем переговоров с американским командованием и, выжидая удобного момента, подготовить войска к отходу на запад.

Британского премьер-министра Черчилля чрезвычайно волновал вопрос о распространении коммунизма в Европе. 30 апреля он писал новому президенту США Трумэну: «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение вашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны». И в начале мая Черчилль продолжал настаивать на продвижении американских войск к столице Чехословакии. Однако Трумэн считал недопустимым вмешательство в военные планы Эйзенхауэра, который все же сделал попытку прощупать возможность наступления на Прагу.

4 мая Эйзенхауэр направил начальнику Генерального штаба Красной армии послание. Подтвердив согласованный ранее рубеж своего продвижения в Чехословакии, он добавил о вероятном выходе американских войск к реке Влтаве, что означало овладение левобережной Прагой. Генерал А.И. Антонов с этим согласиться

никак не мог, потому что советские войска уже завершали подготовку Пражской операции. По его мнению, внезапное изменение рубежа встречи с американскими войсками грозило опасностью; наступление навстречу друг другу союзных армий могло привести к жертвам. Аргумент был, несомненно, важен. Но главной тут была невысказанная политическая мотивация: Чехословакия, согласно представлениям советского руководства о национально-государственных интересах СССР, входила в сферу его интересов. Поэтому не менее, чем Черчилль, настаивавший на том, чтобы в Прагу первыми вступили американские войска, советские руководители были заинтересованы в освобождении чехословацкой столицы Красной армией. Эйзенхауэр принял во внимание соображения, изложенные в телеграмме А.И. Антонова, и 6 мая отдал приказ командующему 12-й группой армий генералу Омару Брэдли дальше рубежа Ческе-Будеевице, Пльзень, Карлови-Вари не продвигаться. В посланной А.И. Антонову телеграмме Эйзенхауэр писал: «Полагаю, что советские войска смогут быстро перейти в наступление и разгромить силы противника в центре страны».

Операцию 1-го и 2-го Украинских фронтов намечалось начать 7 мая. 4-й Украинский фронт продолжал наступление, преследуя начавшего отход противника.

В начале мая 1945 года в ряде городов Чехии возникли антинацистские выступления, переросшие в Майское восстание чешского народа. Оно началось стихийно. 5 мая восстала Прага. Желание спасти город от разрушения заставило десятки тысяч горожан выйти на улицы. Они не только соорудили сотни баррикад, но и овладели центральной почтой, телеграфом, вокзалами, важнейшими мостами через Влтаву.

Повстанцы, захватив ряд военных складов и разрушив несколько мелких немецких частей, дислоцированных в Праге, установили контроль над значительной частью города. В первый же день позиции немцев в Праге были серьезно ослаблены. Как представитель революционного движения чешского народа и как доверенный орган правительства Чехословацкой республики, ЧНС взял на себя законодательную и исполнительную власть на территории Чехии, Моравии и Силезии.

Однако ЧНС по-прежнему не координировал действия с советским командованием и даже не установил с ним контакт. К Совету, о котором практически ничего не было известно, не испытывали доверия ни советское командование, увидевшее в нем ставленника Лондона, ни чехословацкое правительство, действовавшее на освобожденной территории страны.

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Шернер приказал подавить восстание, которое перерезало основной путь намеченного отхода немцев на запад. 6 мая нацисты, применив против восставших танковые части и авиацию, снова овладели частью города. Восставшие, понеся большие потери, обратились по радио к союзникам за помощью. Как вспоминал маршал Конев, «одновременно мы получили разведывательные данные о том, что немецкий генерал-фельдмаршал Ф. Шернер поспешно стягивает к Праге войска. 5 мая я отдал приказ войскам ударной группировки начать наступление утром 6 мая».

Оказавшись в трудном положении и не зная, скоро ли придет военная помощь со стороны союзников, ЧНС, которому теперь подчинилось и командование «Бартош», вынужден был согласиться на сотрудничество с власовцами. 6 мая дивизия С.К. Буняченко вошла

в Прагу. Власовцы шли в бой против вчерашних союзников под лозунгами: «Смерть Гитлеру!», «Смерть Сталину!» К вечеру они овладели западными районами города. На другой день подразделения дивизии переправились на правый берег и рассекли противника на две части.

По отношению к новым союзникам в руководстве восстанием единства не было. ЧНС после определенных колебаний и под давлением коммунистов отказался от дальнейших переговоров с «власовцами» и от их помощи, понимая, что такой «союз» мог бы быть негативно воспринят советским руководством и командованием.

Прибывшие в штаб С.К. Буняченко посланцы от ЧНС привезли благодарственное письмо генералу А.А. Власову за оказанную помощь и сообщили решение Совета отказаться от услуг его армии. С.К. Буняченко готов был действовать против немцев и отдельно от ЧНС. Теперь он просил чехов передать по радио его меморандум, разъясняющий, почему он оказался в РОА, почему пришел на помощь Праге и теперь будет продолжать воевать против нацистов. Представители ЧНС отказались выполнить это требование.

Поняв, что американские войска не собираются наступать к Праге и в нее войдут части Красной армии, дивизия С.К. Буняченко вечером 7 мая стала покидать сражавшийся город, уходя теперь на запад, к американцам. Не вняли власовцы и просьбам повстанцев оставить им оружие. Впрочем, часть бойцов дивизии осталась в Праге и продолжала борьбу. Несомненно, что среди власовцев были люди, искренне желавшие сражаться с нацистами и тем самым получить прощение Родины. Всего в боях за город, по некоторым данным, погибло около 300 власовцев. С отходом на запад их

основных сил немцы снова стали хозяевами положения в Праге.

1-й Украинский фронт наносил удар на Прагу с севера через Рудные горы. Ранним утром 6 мая разведка установила, что сплошной обороны противник создать не успел. Во второй половине дня стрелковые дивизии 13-й и 3-й армий совместно с соединениями 3-й и 4-й гвардейских танковых армий нанесли мощный и внезапный удар по самым слабым местам в обороне немцев. 5-я гвардейская армия сумела завершить подготовку к наступлению только к вечеру, когда основные силы фронта уже прорвали оборону и, несмотря на сильные дожди, затруднявшие движение по размокшим дорогам, продвинулись более чем на 20 км.

6 мая войска генерал-фельдмаршала Шернера начали общий отход из Чехословакии. В этот же день прекратил сопротивление блокированный еще с середины февраля 40-тысячный гарнизон города-крепости Бреслау; он сдался, убедившись в бесплодности дальнейшей борьбы в тылу советских войск. Маршал И.С. Конев приказал всем армиям немедленно преследовать противника. 7 мая наступление войск 1-го Украинского фронта развернулось в полосе более 400 км.

К исходу дня главная ударная группировка фронта вышла к северным отрогам Рудных гор. Особого успеха добилась 13-я армия генерала Н.П. Пухова. Действуя совместно с 4-й гвардейской танковой армией, она значительно вырвалась вперед. 5-я гвардейская и 3-я гвардейская танковая армии генералов А.С. Жадова и П.С. Рыбалко, завязав бои за Дрезден, отстали.

7 мая наступление на Прагу начал и 2-й Украинский фронт. Его 7-я гвардейская армия под командованием генерала М.С. Шумилова сразу же продвинулась

на 12 км. Используя ее успех, командующий фронтом маршал Р.Я. Малиновский на следующий день ввел в сражение 6-ю гвардейскую танковую армию генерала А.Г. Кравченко, которая устремилась к столице Чехословакии.

Во второй половине дня 7 мая Шернер получил по радио приказ генерал-фельдмаршала В. Кейтеля о капитуляции немецких войск на всех фронтах, но до подчиненных его не довел. Позже, находясь в советском плену, Шернер оправдывался: «...приказ о капитуляции мною в мои войска передан не был, так как я полагал, что он невыполним... Нами был выработан по этапам план отхода войск группы армий “Центр”». Фельдмаршал просто-напросто лукавил. Приказ он отдал, но в нем говорилось, будто слухи о капитуляции распространяет англо-американская и советская пропаганда. Шернер заверял войска, что «война против Советского Союза будет продолжаться». По существу, подобная позиция — это даже не своеволие фельдмаршала, а реальное отражение официальной точки зрения нового руководства Германии.

7 мая для повстанцев в Праге был самым тяжелым днем. Именно тогда в штаб генерала К. Кутлвашра прибыли американские офицеры, которые сообщили о немецкой капитуляции и советовали прекратить бои в Праге.

Ночью стало известно о том, что начальник гарнизона немецких войск в Праге генерал Р. Туссэн готов вступить в переговоры с руководством восстания о капитуляции. Они начались 8 мая в 10 часов в здании, где размещался штаб ЧНС. В 16.00 представителями Национального совета, с одной стороны, а с другой — генералом Туссэном был подписан акт о капитуляции

немецкого гарнизона. Согласно протоколу, немецкие войска могли свободно отойти на запад, оставив тяжелое вооружение на выходе из Праги, а остальное сложив перед американской демаркационной линией. Это дало возможность части нацистских сил избежать советского плена. Соглашаясь с такими условиями, мало похожими на капитуляцию противника, восставшие попросту стремились быстрее избавиться от оккупантов и избежать кровопролития.

8 и 9 мая стали решающими днями наступления советских войск к Праге. Войска правого крыла 1-го Украинского фронта преодолели сопротивление противника на перевалах через Рудные горы. На рассвете 9 мая передовые части 3-й и 4-й гвардейских танковых армий ворвались в Прагу. Днем с востока в город вступили передовые части 60-й и 38-й армий 4-го Украинского фронта. В течение нескольких часов город был очищен от остатков немецких войск.

Основные силы группы армий «Центр» были окружены и к исходу 11 мая сдались в плен. Советские войска вышли в районы Хемница, Пльзеня и Ческе-Будеевице и установили контакт с союзниками. На следующий день они встретились в Карлови Вари и южнее Пльзеня в Клатови.

Выдвигаясь в район Клатови, разведка 25-го танкового корпуса генерала Е.И. Фоминых установила, что на запад отходит дивизия РОА С.К. Буняченко, вместе с которой находился и генерал А.А. Власов. Для его захвата Е.И. Фоминых выделил группу во главе с капитаном М.И. Якушевым. Как докладывал в Москву начальник политуправления 1-го Украинского фронта генерал Ф.В. Яшечкин, 12 мая танкистами 25-го танкового корпуса был захвачен генерал А.А. Власов. При

нем были найдены американский паспорт на его имя, старый партбилет и копия его приказа войскам сложить оружие и сдаться в плен Красной армии. По показаниям самого А.А. Власова, «он намеревался пробраться на территорию, занятую нашими союзниками».

Подошедшая к занимаемому американцами рубежу дивизия С.К. Буняченко не была принята командованием союзников. Он сорвал с себя погоны немецкого генерал-майора и распустил личный состав. Некоторые офицеры и солдаты тут же застрелились, другие безучастно опустили на обочину дороги, третьи направились на восток, навстречу советским войскам. А.А. Власова и его сподручных в Москве ждали суд и виселица. За 13 и 14 мая, говорилось в вышеупомянутом донесении, в районе города Пльзень «до 20 тысяч власовцев сложили оружие, сдались к нам в плен». Их дорога вела в ГУЛАГ.

В результате боевых действий в Пражской операции в плен было взято около 860 тыс. солдат и офицеров, захвачено 9,5 тыс. орудий и минометов, 1,8 тыс. танков и штурмовых орудий, более тысячи боевых самолетов. Потери советских, румынских, польских и чехословацких войск составили 12 тыс. человек, а 40,5 тыс. солдат и офицеров получили ранения. Кроме того, было потеряно 373 танка и самоходные артиллерийские установки, тысяча орудий и минометов, 80 боевых самолетов.

КАПИТУЛЯЦИЯ

Берлинская и Пражская операции завершили вооруженную борьбу на советско-германском фронте. Овладение столицей Германии сорвало расчеты руко-

водства рейха на затягивание боевых действий на востоке с целью поисков благоприятного окончания войны. Последним звеном такой политики была попытка избежать капитуляции перед Красной армией германских войск в Чехословакии. В результате их разгрома у вермахта не осталось сил для продолжения сопротивления, и Германия безоговорочно капитулировала.

Подобный принцип безоговорочной капитуляции нацистской Германии, Италии и Японии, выдвинутый президентом США Рузвельтом, был принят главами правительств США и Великобритании в январе 1943 года на конференции союзников в Касабланке. Поддержанный Советским Союзом, он в целом способствовал укреплению антигитлеровской коалиции и решимости всех входивших в нее стран вести войну до полного разгрома фашизма. Требование безоговорочной капитуляции как единственного условия окончания войны против Германии затрудняло ее руководству заключение отдельных соглашений с западными державами. В то же время этот принцип не давал не только нацистским лидерам, но и всему немецкому народу никакой альтернативы выхода из войны, и нацистская пропаганда в полной мере использовала его для сплочения сил государства воевать до последней возможности.

В 1945 году лидеры Третьего рейха все еще надеялись на раскол антигитлеровской коалиции. Придя к власти 2 мая, новый президент и военный министр германской империи адмирал Карл Дениц в узком кругу своего штаба в Фленсбурге обсудил вопросы продолжения войны. Было решено капитулировать перед англо-американскими войсками, но активно продолжать боевые действия против Красной армии. В тот же день Дениц обратился к народу и армии Германии с воззва-

нием, из которого следовало, что война продолжается с единственной целью — спасти немцев от уничтожения «везде наступавшими большевиками». Убедившись, что на какую-либо общую капитуляцию на всем Западном фронте ни Вашингтон, ни Лондон не пойдут, правительство К. Деница приняло план капитуляции по частям. «Поскольку политические связи союзников между собой не позволяют нам выполнить этот замысел официальным путем, следует попытаться провести его через группу армий и постепенно», — говорится в протокольной записи того совещания у К. Деница.

Опыт капитуляции по частям немцы уже имели: ведь 29 апреля они договорились о прекращении боевых действий в Италии (на этом ТВД действовали 26-я танковая дивизия вермахта: 8 StuG III, 84 Pz. Kpfw. IV, 6 Flakpz, 26 танков Pz. Kpfw. V; 29-я панцергренадерская дивизия: 17 StuG III, 46 танков Pz. Kpfw. IV, 7 Flakpz; 90-я панцергренадерская дивизия: 42 StuG III, 1 Pz. Kpfw. IV, 8 Flakpz; 504-й тяжелый отдельный танковый батальон: 36 Pz. Kpfw. VI; все данные на 15 марта с исправностью техники около 55 процентов; там же были 242-я, 907-я бригады штурмовой артиллерии). При подписании документа о капитуляции войск группы армий «Ц» (он вступал в силу со 2 мая) присутствовал и советский представитель генерал А.П. Кисленко. Еще 21 апреля военные миссии США и Великобритании в Москве уведомляли Генеральный штаб Красной армии: «Начальники Объединенного штаба считают, что каждая из главных союзных держав, если она этого пожелает, должна получить возможность послать своих представителей для присутствия на переговорах по поводу любой из подобных капитуляций. Однако никакому предложению о сдаче не может быть дано отказа

только потому, что будут отсутствовать представители одного из трех союзников». Советская сторона ответила на это согласием, что означало признание капитуляции по частям нормальным явлением.

Утром 3 мая К. Дениц направил военную делегацию во главе с новым главнокомандующим военно-морскими силами адмиралом Г. Фридебургом к командующему 21-й группой армий фельдмаршалу Б. Монтгомери. Перед адмиралом стояла задача считать главным вопросом переговоров с англичанами спасение как можно большего числа немецких солдат от «порабощения большевиками». Возглавляемая им делегация добивалась того, чтобы германским войскам, в том числе и 3-й танковой армии, которая сражалась против Красной армии, было разрешено пройти через расположение английских войск. Разумеется, права принимать капитуляцию от противника, который сражался против советских войск, Монтгомери не имел. Это было в компетенции Эйзенхауэра, который вмешался и не разрешил фельдмаршалу принимать капитуляцию на советско-германском фронте и в Норвегии. На следующий день германская делегация подписала протокол о безоговорочной капитуляции перед англичанами, который вступал в силу 5 мая с 8.00.

В тот же день капитулировали германские войска, действовавшие в Хорватии, Австрии и Баварии. «Мы должны просто радоваться каждой возможности оккупации нашей территории американскими, а не русскими воинами», — так оценили эти события в ставке Деница.

Все немецкие боевые группировки, расположенные в Голландии и Северо-Западной Германии, капитулировали перед 21-й группой армий. Прекратили сопро-

тивление и военно-морские силы на Балтийском и Северном морях, но лишь против англо-американских сил. Выполняя соглашение о перемирии, командование германского военно-морского флота вместе с тем поставило своим кораблям задачу продолжать эвакуацию войск из Курляндии и Восточной Пруссии. Оно приказало направить туда все, что только возможно, в том числе и 12 эсминцев из Дании. Словом, Монтгомери, несмотря на запрет Эйзенхауэра, правда, неофициально, но все же разрешил незаконную эвакуацию немцев с восточного фронта.

Разоружение противника в Дании и Норвегии в некоторых деталях отличалось от разоружения в других странах, оккупированных немцами. С одной стороны, здесь противник не потерпел поражения на поле боя и был склонен поэтому требовать особого обращения. С другой стороны, наличие здесь большого количества немецких раненых и беженцев, а также перемещенных лиц ненемецкой национальности накладывало на оккупированные страны и союзные части тяжелое бремя ответственности за их эвакуацию. Более того, в обеих этих странах силы противника значительно превосходили количество войск союзников, направленных сюда. В обеих этих странах представители Верховного штаба союзных войск испытывали трудности во взаимоотношениях с разными советскими властями. Задача разоружения противника в этих странах была верховным командующим поручена представительству верховного штаба, созданным в 1944 году, которым были приданы войска на случай, если Германия потерпит поражение и капитулирует. В Дании представительство фактически завершило свою работу ко времени расформирования Верховного штаба, но в Норвегии

представительство закончило свои дела лишь осенью 1945 года.

Глава представительства Верховного штаба в Дании генерал-майор Дьюинг, сопровождающие его лица и парашютная рота 5 мая, вскоре после капитуляции немцев в Люнебурге, прилетели в Копенгаген и отдали приказы на эвакуацию сил противника из Дании. Он также информировал главнокомандующего германскими вооруженными силами в Дании генерала Линдемманна, что он должен увести свои войска обратно в Германию под руководством своих офицеров и при их обычном вооружении. Госпиталям с их больными и обслуживающим персоналом было разрешено пока остаться. Генералу Линдемманну было дано указание арестовать личный состав войск СС и гестапо в Дании и списки их направить англичанам. Генерал Дьюинг запретил высаживать на берег немецких солдат и беженцев с кораблей, стоявших на копенгагенском рейде, и не разрешил использовать датские порты кораблям, которые тогда проводили эвакуацию немецких войск из Курляндии и Восточной Пруссии. Он обещал запросить дальнейших распоряжений по этому вопросу.

Для проведения своей работы с немецкими войсками, насчитывавшими 206 тыс. в строю, 80 тыс. больных и раненых на территории Дании и 48 тыс. солдат и беженцев в портах Дании, Дьюинг имел кроме парашютной роты, с которой он прибыл туда, парашютный батальон, а также 1-й бронекавалерийский полк английских драгун. К ним прибавилось 6—9 тыс. человек датской полиции. Вскоре после капитуляции в Реймсе численность немцев увеличилась, так как Дьюинг дал указание высадить на берег раненых с кораблей, пришедших в Копенгаген из Курляндии.

Дьюинг имел косвенное отношение к вопросу о разоружении немцев на датском острове Борнхольм. Хотя остров этот находился значительно восточнее того рубежа, на который должны были выйти советские войска, он 4 мая капитулировал совместно с другими датскими территориями перед войсками Монтгомери. Зная об этом, германское Верховное главнокомандование 8 мая приказало войскам на этом острове противодействовать высадке на него советских войск до тех пор, пока не вступит в силу официальная капитуляция. Командование 21-й группы армий предложило направить на остров отряд союзных войск, но советские войска упредили союзников, начав действия до того, как те смогли предпринять этот шаг.

Главная трудность в эвакуации войск противника из Дании возникла, когда датские силы Сопротивления попытались разоружить немцев. Немецкое командование болезненно реагировало на разоружение немецких войск, так как они не потерпели поражения на поле боя. Поэтому оно протестовало, заявив, что они не капитулируют перед датчанами. Несмотря на эти затруднения, вывод немецких войск проходил быстро. К концу первой недели после освобождения страны было отправлено около 43 тыс. человек, а к концу второй недели это количество почти удвоилось. К концу первой недели июня Дьюинг пришел к заключению, что он может обойтись без услуг генерала Линдемманна, и приказал арестовать его. Ко времени расформирования Верховного штаба в Дании осталось менее 50 тыс. немцев. Так как представительство верховного штаба не выполнило полностью своей задачи, оно разделилось на две части — английскую и американскую. Приданные

этому представительству войска остались под английским командованием.

Разоружение немецких войск в Норвегии потребовало более тщательного планирования и более широкой деятельности, чем в Дании, из-за обширности страны, труднодоступности некоторых ее частей и количества войск, подлежащих разоружению. На всей территории Норвегии было разбросано около 400 тыс. немцев, включая рабочих организаций Тодта, 90 тыс. советских плененных и перемещенных лиц и около 30 тыс. перемещенных лиц других национальностей. Эти войска под общим командованием генерала Бёме, командующего 2-й горной армией и германскими силами в Норвегии, как и германские силы, находившиеся в Дании, не потерпели поражения на поле боя и не были склонны капитулировать, если в отношении соблюдения их достоинства не будет допущено различие.

Задача очищения Норвегии от немцев была по указанию Эйзенхауэра возложена на представительство Верховного штаба, возглавляемое генералом Торном. Когда немцы капитулировали в Реймсе, им было приказано направить представителя армии в Эдинбург для подписания документов о капитуляции их войск, находившихся в Норвегии. Им было также сказано, чтобы они ожидали скорого прибытия представителей генерала Торна в Осло.

8 мая представители Торна полетели в Норвегию, чтобы передать его приказ генералу Бёме. В последующие три дня туда были переброшены воздушно-десантные войска, чтобы помочь в выполнении задачи эвакуации немцев. Затем в норвежские порты прибыли английские эсминцы, которые высадили персонал групп по военному и морскому разоружению и затем

направились в северные воды, когда оказалось, что советское командование проявляет к этим местам повышенный интерес. В начале июня для усиления войск союзников в Норвегии прибыл усиленный американский полк. Всего в Норвегию было прислано почти 40 тыс. союзных войск для разоружения 400 тыс. немцев.

В период своего нахождения в Норвегии Торн в числе своих основных обязанностей имел задачу убедить советские власти, чтобы они приняли в свою зону немцев из Норвегии, и эвакуировать югославских и русских перемещенных лиц. Отношения с русскими ухудшились, когда Торн смягчил приговор немецкому офицеру, который был приговорен к смертной казни за убийство советского гражданина.

В первую очередь были приняты меры к эвакуации союзных военнопленных и советских перемещенных лиц. По соглашению с правительством Швеции эвакуация проводилась через Швецию в советские порты на Балтийском море. До расформирования Верховного штаба из Норвегии было отправлено около 42 тыс. русских и столько же там осталось.

Новое руководство Германии особую заботу проявляло о войсках группы армий «Центр» и «Австрия», общее командование которыми теперь осуществлял фельдмаршал ВВС А. Кессельринг. По поручению Деница 5 мая в Реймс, где находился штаб генерала Эйзенхауэра, прибыл адмирал Г. Фридебург. Когда он поставил вопрос о капитуляции войск обеих групп армий перед американскими войсками, ему объяснили, что речь может идти только об общей безоговорочной капитуляции, в том числе и на советско-германской линии фронта, причем германские войска везде должны оставаться на достигнутых рубежах.

Адмирал уехал ни с чем. Следом Кессельринг обратился к Эйзенхауэру с просьбой принять его посланника по этому же вопросу. Но Эйзенхауэр был неумолим, заявив, что это не имеет никакого смысла, если Германия не собирается капитулировать одновременно перед англо-американскими и советскими войсками. В конце концов Деницу пришлось начать переговоры о всеобщей капитуляции. 6 мая он направил в Реймс генерала Йодля, который приступил к переговорам с начальником штаба союзных войск в Европе генералом У. Смитом.

Йодль изложил намерения Деница по поводу скорейшего окончания войны. «Никакая сила в мире не может заставить войска групп армий Лера, Рендулича и Шернера (войска Восточного фронта в Югославии, Австрии и Чехословакии) исполнить приказ о капитуляции, — доказывал он Смицу. — С мужеством отчаявшихся они сметут со своего пути все, мешающее им, и в конце концов в полном составе или отдельными группами придут к вам».

В ответ на возражения Смита Йодль предложил такой вариант: пусть документы о капитуляции подпишут командующие видами вооруженных сил Германии. Йодль имел в виду, что на сбор командующих и последующее доведение приказов до войск потребуются не менее двух суток. Тогда перемирие вступит в силу не ранее второй половины дня 10 мая, а за это время удастся отвести войска вермахта на запад. Смит немедленно информировал об этом Эйзенхауэра. Тот категорически отклонил предложение Йодля и потребовал в тот же день незамедлительно подписать документ о капитуляции, который при всех обстоятельствах должен вступить в действие с началом суток 9 мая. Эйзенхауэр дал Йод-

лю 30 минут на размышление и был категоричен: если немцы отклонят его условия, переговоры прекратить, а немцев через линию англо-американских войск больше совсем не пропускать. Главнокомандующий пригрозил возобновлением воздушной войны против Германии и отказом от продолжения переговоров, которые германской стороне в дальнейшем придется вести только с русскими.

Поняв невозможность дальнейшего затягивания переговоров, Йодль запросил у Деница полномочий подписать капитуляцию на предъявленных условиях и сразу же получил их. 7 мая в 2.41 (по центральноевропейскому времени) генералы А. Йодль, У. Смит — США и представитель СССР генерал И.А. Сулопаров в присутствии свидетеля от Франции подписали протокол о капитуляции.

Текст акта о военной капитуляции, подписанный Йодлем, гласил:

«1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя по полномочию германского верховного главнокомандования, в настоящее время осуществляем безоговорочную капитуляцию перед верховным командующим союзными экспедиционными силами и одновременно перед Советским Верховным Главнокомандованием всех наземных, морских и воздушных сил, находящихся в данное время под германским контролем. Германское верховное главнокомандование немедленно отдаст приказ всем германским военным, морским и авиационным властям, находящимся под германским контролем, прекратить активные боевые действия 8 мая в 23 часа 01 мин. по центрально-европейскому времени и остаться на позициях, занимаемых к этому времени. Ни одно боевое и вспомогательное судно или

самолет не должны быть уведены, никакого вреда не должно быть причинено их корпусу, машинам или оборудованию.

3. Германское верховное главнокомандование незамедлительно доведет до надлежащих командующих и обеспечит выполнение любых дальнейших приказов, отдаваемых верховным командующим союзными экспедиционными силами и Советским Верховным Главнокомандованием.

4. Этот акт о военной капитуляции не может осуществляться в ущерб любому общему документу о капитуляции, принятому объединенными государствами или от их имени, в отношении Германии и германских вооруженных сил в целом и подлежит замене таким документом.

5. В случае если германское верховное главнокомандование или какие-либо военные силы, находящиеся под его контролем, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, верховный командующий союзными экспедиционными силами и Советское Верховное Главнокомандование предпримут такие карательные и другие действия, какие сочтут подходящими.

Подписано в Реймсе в 02 часа 41 мин., мая 7-го дня 1945 г.»

В 3.24 Д. Эйзенхауэр телеграфировал объединенному штабу, что «задача союзных сил выполнена в 02.41 по местному времени 7 мая 1945 г.». Вслед за этим он официально информировал советское Верховное главнокомандование, подчеркнув согласие немцев послать представителей в намеченное Эйзенхауэром и советским командованием место для официального подтверждения капитуляции.

Условия капитуляции, подписанные в Реймсе, должен был заменить акт о всеобщей капитуляции. Йодль уже в Реймсе сообщил состав германской делегации, полностью уполномоченной ратифицировать окончательный акт. В нее входили начальник штаба Верховного командования вермахта вместе с главнокомандующими военно-воздушными и военно-морскими силами. Время и место ратификации надлежало определить совместным решением западных держав и Советского Союза.

Трумэн и Черчилль предложили Сталину объявить о победе над Германией уже 8 мая, но Сталин не согласился с этим. Отвечая главам правительства США и Великобритании, он писал, что на советско-германском фронте противник продолжает сопротивляться; более того, советская сторона имеет сведения о намерениях значительной группировки немцев продолжать борьбу. Сталин предлагал подождать, когда вступит в силу назначенный в Реймсе срок окончания боевых действий. По московскому времени это был 1.00 9 мая.

Опасения Сталина имели веские основания. Буквально через пять минут после того, как Йодль получил разрешение подписать документ о капитуляции в Реймсе, Дениц отдал фельдмаршалу Кессельрингу и генералу Винтеру, возглавлявшим войска в Чехословакии, приказ: «Задача состоит в том, чтобы отвести на запад возможно больше войск, пробиваясь при этом в случае необходимости через расположение советских войск с боем».

Вместе с тем Сталина беспокоило не только продолжение сопротивления противника, но и то, где будет подписан протокол о капитуляции. Как вспоминал заместитель начальника Генерального штаба генерал

С.М. Штеменко, И.В. Сталин тогда заявил: «Договор, подписанный в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла нацистская агрессия — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции».

С союзниками быстро достигли договоренности, согласно которой было решено акт о безоговорочной капитуляции оформить именно в Берлине. 7 мая заместитель Верховного главнокомандующего маршал Г.К. Жуков получил из Москвы телеграмму: «Ставка Верховного Главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил».

В полдень 8 мая в Карлсхорст, восточное предместье Берлина, прибыли представители Верховных главнокомандований союзников. Командование экспедиционных сил в Европе представлял заместитель Д. Эйзенхауэра главный маршал авиации Великобритании А. Теддер, вооруженные силы Соединенных Штатов Америки — командующий стратегическими военно-воздушными силами США генерал К. Спаатс, французские вооруженные силы — главнокомандующий армией генерал Ж.-М. де Латтр де Тассиньи. Из Фленсбурга под охраной английских офицеров в Карлсхорст была доставлена делегация Германии: фельдмаршал В. Кейтель, адмирал Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф.

Церемонию подписания Акта о военной капитуляции, как был дословно назван этот документ, подводящий черту под существованием вермахта, открыл

Г.К. Жуков. За главным столом располагались представители четырех союзных держав. Введенные по распоряжению маршала Г.К. Жукова члены германской делегации подписали акт. Затем свои подписи поставили А. Теддер и Г.К. Жуков, а в качестве свидетелей — представители США и Франции. «В 00.43 9 мая 1945 года, — писал Г.К. Жуков, — подписание акта безоговорочной капитуляции было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал». Новый документ окончательно закрепил подписанные в Реймсе условия прекращения военных действий и полного разоружения вермахта с 23.01 центральноевропейского времени 8 мая.

Сухопутные, морские и воздушные силы вермахта на советско-германском фронте начали складывать оружие. В 23.00 8 мая прекратила сопротивление прижатая к Балтийскому морю группа армий «Курляндия», утром 9-го сдались в плен остатки германских войск в районе Данцига и Гдыни. В Норвегии капитулировала оперативная группа «Нарвик». Советский десант, начавший высадку 9 мая на датский остров Борнхольм, через два дня завершил прием немецких войск.

Только на юго-западном участке советско-германского фронта войска групп армий «Центр» и «Австрия» по-прежнему пытались пробиться к американцам. 10 мая Эйзенхауэр вынужден был отдать приказ, в соответствии с которым те германские военнослужащие, что нарушат акт о капитуляции и попытаются ускользнуть от Красной армии, будут возвращены советскому командованию. Так как группировка противника в Чехословакии к тому времени была уже окружена, значение приказа Эйзенхауэра оказалось практически незначительным. Однако для самого

генерал-фельдмаршала Шернера он стал роковым. Попытка фельдмаршала укрыться в американском плену закончилась неудачей: американцы передали его именно советскому командованию. Мелкие группы немцев на территории Чехословакии и Австрии пришлось уничтожать вплоть до 19 мая.

Согласно сведениям, которые по требованию советского командования представил генерал-фельдмаршал Кейтель, 9 мая на советско-германском фронте вермахт имел более 1,5 млн солдат и офицеров. С 9 по 17 мая советские войска взяли в плен или приняли при капитуляции 1 390 978 солдат и офицеров, а также 101 генерала.

Несколько затянуло с принятием капитуляции разгромленных частей вермахта руководство союзных войск. Первоначально Верховное командование союзников, планируя мероприятия по оккупации Германии, подготовило ряд приказов, которые должны были быть вручены высшему командованию германской армии, флота и авиации во время капитуляции. Однако за несколько дней до капитуляции Германии обнаружилось, что штабы германской армии и воздушных сил либо лишены власти, либо перестали существовать. Поэтому Эйзенхауэр решил вручить немцам только ту часть приказов о капитуляции, которая относилась к морским силам. Затем он передал командующим группами армий задачу по изданию подробных приказов германскому командованию по вопросу о разоружении немецких войск. Адмирал Барроу во время подписания акта о капитуляции в Реймсе отдал адмиралу Г. Фридебургу подробные указания, касавшиеся германского флота, а генерал У. Смит дал краткий приказ А. Йодлю о том, чтобы местное германское армейское и авиаци-

онное командование на Западном фронте, в Норвегии, на Нормандских островах и в блокированных гарнизонах, которые еще, возможно, сохранились, было готово к получению подробных указаний от командования противостоящих им союзных войск.

Одним из главных средств обеспечения быстрой капитуляции и разоружения германских войск, несомненно, было установление твердого контроля над правительством адмирала Деница. Менее чем через семь часов после капитуляции в Реймсе представители Верховного командования встретились с германской делегацией в Реймсе и договорились об обмене группами связи между Верховным штабом и германским штабом во Фленсбурге. Представители Верховного командования приняли предложение Йодля снова объединить южный и северный отделы германского Верховного командования, которое было разъединено в конце апреля, и согласились разрешить элементам вермахта, заслуживающим доверия, на короткое время сохранить свое вооружение для поддержания порядка и охраны имущества.

Через четыре дня после капитуляции в Реймсе Эйзенхауэр приказал заместителю начальника оперативного управления Верховного штаба генерал-майору Руксу создать во Фленсбурге группу контроля, чтобы диктовать германскому Верховному командованию волю союзного Верховного командующего в областях и районах, оккупированных западными союзниками. Для осуществления своей миссии генерал Рукс должен был отдавать необходимые приказы, наблюдать за их прохождением через органы германского командования и собирать сведения о системе германского командования посредством сбора и охраны всей документации

Верховного командования вооруженных сил Германии, находящейся во Фленсбурге. Советское командование было также информировано об этом приказе Эйзенхауэра и приглашено направить аналогичную группу в штаб Деница. Германскому главнокомандующему было приказано со своей стороны послать группу связи в Реймс и в советский штаб в Берлин. Такая немецкая группа связи во главе с генералом Фангором была назначена в Верховный штаб союзников, но ей нечего было делать, так как миссия генерала Рукса использовалась как главный канал связи.

Генерал Рукс действовал энергично, чтобы утвердить власть Верховного командования. В своей первой беседе с Деницем он приказал арестовать фельдмаршала Кейтеля и заменить его генералом Йодлем. Он разъяснил, что все последующие указания германским войскам должны отдаваться от имени Верховного командующего союзников и что он требует, чтобы группа контроля получила доступ во все служебные помещения и ко всем документам германского Верховного главнокомандования. Он заявил, что командующим группами армий передаются функции контроля в их зонах, а Верховное командование будет иметь дело с германским Верховным главнокомандованием только по общим вопросам, относящимся ко всем трем видам вооруженных сил и всем зонам союзников. Йодль заверил Рукса, что он примет меры к выполнению указаний Верховного командования в интересах установления порядка и спасения немецкого народа от катастрофы. Дениц же заявил, что германские вооруженные силы присягали лично ему и будут повиноваться его приказам. Он воспользовался возможностью, чтобы упомянуть о тяжелых проблемах, стоящих перед немецким

народом, как-то: вопросы продовольствия, денежное обращение и топливо, и подчеркнул надобность в центральной власти в Германии для поддержания порядка. Генерал Рукс отверг это предложение и ясно заявил, что западные державы намерены действовать через оккупационные органы гражданского управления.

По просьбе Рукса Дениц составил обращение к германским вооруженным силам, которое было в целом одобрено представителем Верховного командования союзников 17 мая с небольшими изменениями. Это обращение устранило всякие сомнения в том, что противник капитулировал перед лицом превосходящей силы. В нем указывалось: «Германское государство должно было капитулировать, потому что оно исчерпало способность к сопротивлению. Первый вывод, какой мы должны извлечь, заключается в самом лояльном выполнении предъявленных нам требований. Не должно быть ни одного офицера и солдата, который пытался бы при помощи незаконных средств уклониться от последствий, возникших из минувшей войны и безоговорочной капитуляции». Все официальные документы должны были предъявляться союзникам. В случае если бремя, налагаемое союзниками, окажется слишком тяжелым, немцы могут обратить внимание на возможность тяжелых последствий, но не могут протестовать каким-либо иным путем. Дениц требовал от каждого солдата и офицера корректного поведения в отношении оккупационных войск.

Несмотря на эти признаки сотрудничества, было несколько инцидентов, приведших к тому, что в Соединенных Штатах и в Англии потребовали ликвидации режима Деница и принятия строгих мер против германского командования. Главнокомандующий на

северо-западе генерал-фельдмаршал Буш 11 мая выступил по радио во Фленсбурге, и это вызвало резкие запросы в английской палате общин. Буш заявил, что он с согласия англичан принял командование Шлезвиг-Гольштейном и районом, занятым 21-й группой армий, и что все германские военные и гражданские власти в этой местности подчинены ему. Он ссылаясь на соглашение от 5 мая, согласно которому 21-я группа армий создала свою систему германского командования, через которую она могла бы полностью осуществлять первоначальные меры по роспуску немецких войск. Это выступление дало повод к нареканиям, так как оно было сделано через мощный передатчик, расположенный на территории германского Верховного штаба во Фленсбурге, на которую английские войска не имели возможности вступить. Эйзенхауэр немедленно приказал установить строгий контроль над фленсбургским радио и в дальнейшем подвергать цензуре все передачи. Англичане закрыли станцию, а генерал Рукс запретил немцам вновь открыть ее. Были нападки и по поводу того, что офицеры союзных войск фотографировались в дружеских позах с немецкими офицерами высоких рангов, а также по поводу сообщений в прессе, что для германских лидеров созданы особые условия. Эйзенхауэр осудил такие действия и приказал принять меры к недопущению их в будущем.

Протесты по поводу этих инцидентов проистекали из опасения в некоторых кругах, что союзники не собираются проявлять необходимую твердость в отношении германских командующих и что некоторые деятели старого режима могут сохранить власть и в дальнейшем. Заявления генерала Эйзенхауэра о его тогдашних целях указывают, что его главным желанием было рас-

пустить германскую армию быстрее, чтобы смягчить растущие затруднения с обеспечением немецких войск продовольствием. Он надеялся, что штаб Деница окажется полезным в обеспечении полного контроля над германскими войсками и в ускорении процесса разоружения.

Однако группа контроля во Фленсбурге и политический советник Верховного штаба уже пришли к другому выводу. 17 мая они согласились рекомендовать Эйзенхауэру немедленно распустить «так называемое правительство» Деница и арестовать гросс-адмирала и его приближенных. На следующий день уже верховное командование указало, что этот вопрос должен быть обсужден с советским командованием, и приказало принять все предварительные меры к аресту, чтобы быть уверенным, что Дениц и его штаб прекратили выполнять свои функции. 19 мая верховный командующий дал указание 21-й группе армий проконсультироваться с группой контроля во Фленсбурге, а затем арестовать членов «так называемого правительства» Деница и верховное главнокомандование германских вооруженных сил. Архивы должны были быть изъяты и полностью сохранены. Командование флота пока под этот приказ не подпало.

Утром 23 мая Дениц, Йодль и Фридебург были вызваны к Руксу и информированы о приказе Эйзенхауэра. Они затем были взяты под стражу, но, несмотря на все меры предосторожности, адмирал Фридебург покончил жизнь самоубийством, приняв яд. Дениц и Йодль в тот же день были отправлены в немецкий концлагерь. Госдепартамент в своем заявлении, одобряющем эти аресты, указал, что не может понять, почему Деницу и его приближенным так долго разрешали действовать

в качестве правительства Германии. Госдепартамент просил, чтобы все офицеры германского Генерального штаба, независимо от чина, были арестованы, так как их подготовка и опыт могут оказаться полезными при возрождении германского милитаризма.

С арестом последнего правительства нацистской Германии завершилась история Третьего рейха.

По поручению своих правительств, действовавших на основе решений Крымской конференции, маршал Г.К. Жуков, генерал Д. Эйзенхауэр, фельдмаршал Б.Монтгомери и генерал де Латтр де Тассиньи, которые составили Контрольный совет, подписали Декларацию о поражении Германии. В этом документе они взяли на себя верховную власть в отношении побежденного государства. Для оккупации, которую четыре державы-победительницы осуществляли с целью демилитаризации страны, развязавшей Вторую мировую войну, Германия была разделена на четыре зоны. В каждой из них верховная власть теперь принадлежала соответствующему главнокомандующему. Декларация о поражении Германии вместе с Актом о военной капитуляции заложили основные принципы управления этой поверженной страной. Свое дальнейшее развитие они получили в решениях Потсдамской конференции глав правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Агрессор был разбит, в Европе наконец-то наступил долгожданный мир.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Журналы боевых действий 1, 2, 3-й 4-й гвардейских танковых армий в Великой Отечественной войне Советского Союза.

2. История Второй мировой войны 1939—1945. М., Воениздат, 1979. 544 с.

3. Берлинская операция 1945 года. М., Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1950. 652 с.

4. От «Барбароссы» до «Терминала» (взгляд с Запада). М., Издательство политической литературы, 1988. 464 с.

5. *Катуков М.Е.* На острие главного удара. М., Воениздат, 1974. 429 с.

6. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. М., Воениздат, 1976, т. III. 415 с.

7. *Погью Ф.С.* Верховное командование. М., Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1959. 528 с.

8. *Розанов Г.Л.* Конец «Третьего рейха». М., «Международные отношения», 1985. 350 с.

9. *Секистов В.А.* Война и политика. М., Воениздат, 1989. 454 с.

10. *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. Санкт-Петербург, 1994, т. 2. 304 с.

11. *Thomas L. Jentz.* Panzertruppen 1943—1945. Schiffer Military History, 1996. 297 p.

**Боевой и численный состав 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов,
действовавших непосредственно против Берлина и берлинского гарнизона немцев,
на 25 апреля 1945 года**

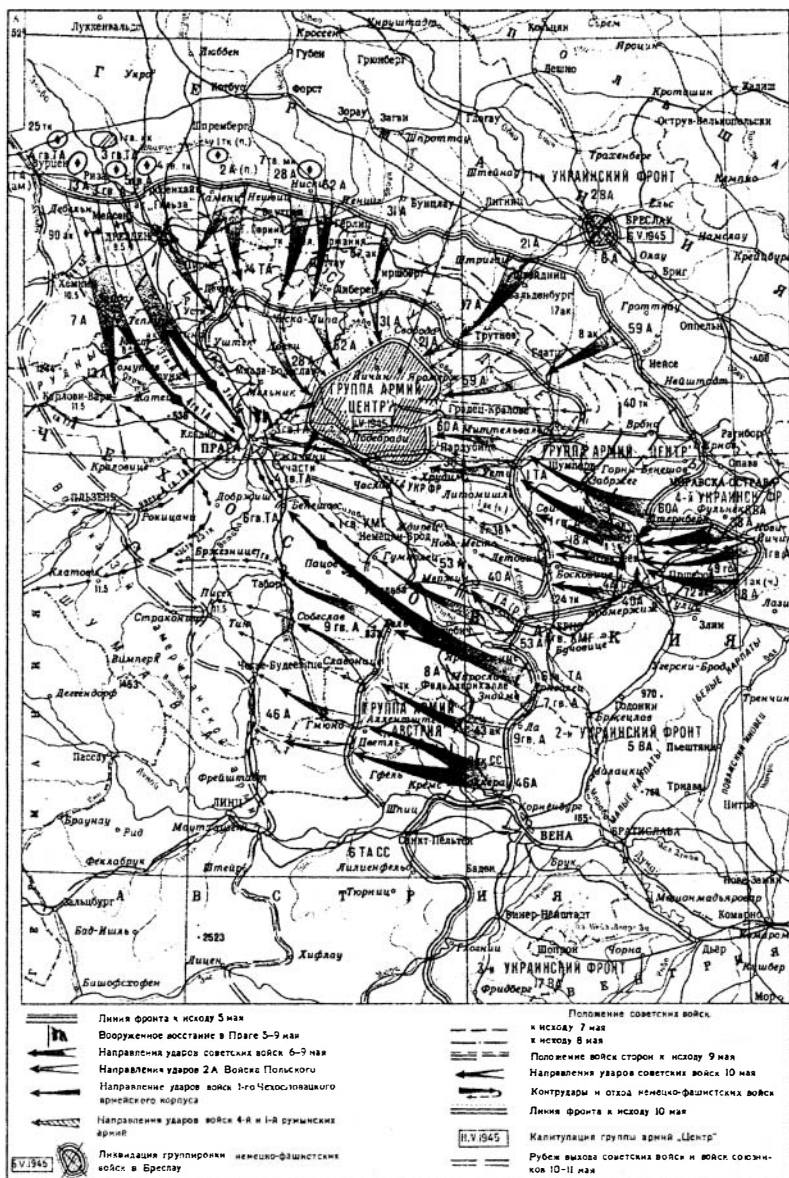
Армий	Людей	Минометов от 82-мм и выше	Орудий от 76-мм и выше	Итого орудий и минометов	Орудий 45-мм	Всего орудий и минометов	Установок реактивной артиллерии	Танков и самоходных установок	Зенитных орудий 85, 76, 37, 20 мм
1-й Белорусский фронт									
47-я (без 77 ск) с 6 ад и 74 зен. див.	43 077	593	556	1 149	123	1 272	48	11	14/90
3-я ударная с 5 ад, 9 тк	75 314	802	1 106	1 908	317	2 225	444	112	0/45
2-я гв. танковая с 24 зен. див.	40 136	295	359	654	79	733	72	316	14/114
5-я ударная с 2 ад, 14 ад, 2 гв. зен. див. 11 тк	93 226	1 141	1 279	2 420	314	2 734	403	188	16/119
8-я гвардейская с 18 ад, 29 ад, 3 и 19 зен. див.	70 225	742	951	1 693	130	1 823	344	105	32/170
1-я гв. танковая с 4 гв. зен. див.	32 133	246	251	497	155	652	64	169	15/102
Итого	354 111	3819	4 502	8 321	1 118	9 439	1 375	901	91/640

Окончание табл.

Армий	Людей	Минометов от 82-мм и выше	Орудий от 76-мм и выше	Итого орудий и минометов	Орудий 45-мм	Всего орудий и минометов	Установок реактивной артиллерии	Танков и самоходных установок	Зенитных орудий 85, 76, 37, 20 мм
1-й Украинский фронт									
3-я гвардейская танковая	32 290	291	326	617	76	693	48	329	0/80
4-я гвардейская танковая (без 5 гв. мк) с 6 гв. зен. див. и 350 сд	32 609	258	213	471	101	572	—	214	—
28-я (48 гв. 20 и 61 сд) с 25 ад	22 896	215	322	537	43	580	36	3	—
10 ак 31 ад	7 054	120	157	277	—	277	36	—	—
4 ад	9 427	135	165	300	—	300	60	—	—
23 зен. див.	1 909	—	—	—	—	—	—	—	16/72
3-я гв. мин. див.	3 699	—	—	—	—	—	533	—	—
Итого	109 884	1 019	1 183	2 202	220	2 422	713	546	16/152
Всего по обоим фронтам	463 995	4 838	5 685	10 523	1 338	11 861	2 088	1 447	107/793

Схема встречи советских войск с американскими на реке Эльба в районе Ризы и Торгау 24—25 апреля 1945 года

Боевые действия противоборствующих сил при проведении Пражской стратегической наступательной операции (6—11 мая 1945 года)

Содержание

Книга 1. У СТЕН БЕРЛИНА (4 февраля — 15 апреля 1945 года)

СРАЖЕНИЕ ЗА АРНСВАЛЬДЕ (16—25 февраля 1945 года).....	5
ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ	38
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	40
ВОЙНА ПРОИГРАНА	45
РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСК	72
ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ	125
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	127

Книга 2. АГОНИЯ РЕЙХА

ИСХОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ.....	139
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ	140
ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ	192
КАПИТУЛЯЦИЯ.....	241
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	263

Научно-популярное издание
Забывшие страницы Второй мировой

Мощанский Илья Борисович

У СТЕН БЕРЛИНА

Выпускающий редактор *М.К. Залеская*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 02.11.2009. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «SchoolBookС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 8,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 456.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

На подступах к столице рейха германское военное-политическое руководство вновь попыталось остановить продвижение Красной армии к Берлину, чтобы затянуть ход военных действий и попытаться склонить наших союзников по Антигитлеровской коалиции к сепаратному миру. Немцы ввели в бой несколько новых по своей структуре и организации бронетанковых и артиллерийских соединений, а впоследствии пытались использовать в сражении не доведенные экспериментальные образцы своего бронированного «чудо-оружия». Также именно в этот период в районе Арнсвальде германские танковые дивизии провели последнее контр наступление во фланг советским войскам, неумолимо надвигавшимся на Берлин. Но все усилия противника были тщетны: столица рейха пала, Германия капитулировала, а «оружие возмездия» находится в военных музеях стран, победивших фашизм.

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

ISBN 978-5-9533-4436-4

ВСЧГ